Priluko-Prilutskii, N. G.

I.A. Krylov; zhizn' i tvorchestvo

Н. Г. Прилуко-Прилуцкій

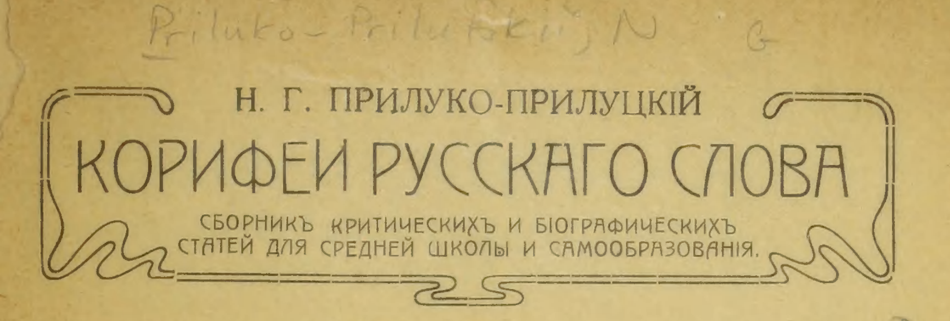
КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА

Выпускъ IX

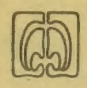
КРЫЛОВЪ

Жизнь и творчество

И. А. КРЫЛОВЪ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

ВЫПУСКЪ ДЕВЯТЫЙ. ЦѢНА 35 коп.

Книгоиздательское Товарищество „ОРОСЪ"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ ВАРШАВА

ТИПОГРАФІЯ Л. БИЛИНСКАГО и В. МАСЛЯНКЕВИЧА.

Жизнь Крылова и характеристика его басенъ.

Въ 1783 году пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Крыловъ пріѣзжаетъ изъ Твери въ Петербургъ вмѣстѣ съ матерью, бѣдной вдовою, которая намѣревалась хлопотать о пансіонѣ за службу своего мужа.

Этотъ мальчикъ уже служилъ въ судахъ; съ самымъ элементарнымъ школьнымъ образованіемъ, уже прочиталъ много русскихъ книгъ, самоучкой уже нѣсколько научился по-французски, пробовалъ свои силы на литературныхъ трудахъ, съ сильной страстью сдѣлаться драматическимъ писателемъ.

Въ Петербургѣ онъ не остался безъ дѣла, а тотчасъ же свелъ нѣсколько знакомствъ съ писателями и артистами, выслушивалъ отъ нихъ наставленія и литературныя правила, по которымъ и составлялъ драмы.

Опредѣлившись на службу, онъ прилежно занялся чтеніемъ и находилъ даже время учиться играть на скрипкѣ.

Во всемъ онъ выказывалъ *сильный практическій умъ и замѣчательныя дарованія.*

Хотя драмы его были довольно слабы, но, тѣмъ не менѣе, заслуживали вниманія, какъ произведенія юноши, нигдѣ не учившагося и хватавшаго все на лету.

Мало разсчитывая на успѣхъ службы, онъ выказываетъ предпріимчивый духъ.

Въ 1789 году, когда ему было всего двадцать одинъ годъ, онъ выходитъ въ отставку, устраиваетъ типографію и послѣдовательно издаетъ журналы: „Почта духовъ", „Зритель", „С.-Петербургскій Меркурій". Въ нихъ онъ выказываетъ *сатирическій талантъ,* представляя въ разнообразныхъ формахъ нравы своего времени, которые никакъ не могли назваться нравами образованнаго общества.

Въ нихъ съ замѣчательною наблюдательностью онъ выказы-

ваетъ и *знаніе духа русскаго языка:* фраза его составляется свободно, безъ вліянія славянизмовъ и галлицизмовъ, которыми тогда отличался нашъ литературный языкъ.

На журнальномъ поприщѣ Крыловъ столкулся съ Карамзинымъ, и хотя у обоихъ были честныя и патріотическія стремленія, но въ самомъ началѣ своей дѣятельности они не поняли другъ друга.

Занимаясь сатирой, Крыловъ продолжалъ писать драмы и комедіи, которыя и ставились на сцену, пробовалъ силы въ одахъ, въ разныхъ мелкихъ стихотвореніяхъ.

Имя его сдѣлалось уже достаточно извѣстнымъ, и вдругъ онъ бросаетъ свои литературныя занятія, увлекается праздной и разсѣянной свѣтскою жизнію, предается со страстью картежной игрѣ, и такимъ образомъ у него проходятъ нѣсколько лѣтъ.

Наконецъ все это ему наскучило.

Въ 1801 году при содѣйствіи императрицы Маріи Θеодоровны, оцѣнившей его талантъ, онъ снова поступилъ на службу, которая привлекла его въ Ригу.

Черезъ два года, когда начальникъ его, рижскій военный губернаторъ князь Голицынъ долженъ былъ выдти въ отставку, Крыловъ послѣдовалъ за нимъ, оставилъ службу и три года провелъ въ Саратовской деревнѣ князя безъ всякаго дѣла, иногда отъ скуки занимаясь обученьемъ дѣтей своего гостепріимнаго хозяина.

Такимъ образомъ прошла его молодость; прежній пылъ ея погасъ; исчезла и прежняя предпріимчивость и дѣятельность его: все какъ будто бы поглотила необыкновенная тучность его тѣла.

Но скоро онъ доказалъ, что талантъ его не погасъ, что наблюдательность его не ослабѣла, что прежніе труды его были только опыты, исканіе настоящей дороги къ славѣ.

Въ 1806 г. Крыловъ снова является въ Петербургъ, привозитъ съ собою комедіи „Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“, отличающіяся ѣдкостью сатиры на слѣпое пристрастіе русскихъ къ французамъ, и, подражая баснописцу Дмитріеву, берется за Лафонтена, переводитъ двѣ его басни: „Дубъ и трость“ и „Разборчивая невѣста”.

Переводъ вышелъ мастерской въ полномъ смыслѣ.

Самъ Крыловъ убѣдился, что нашелъ себѣ трудъ по таланту.

И вотъ онъ прилагаетъ къ разработкѣ басни свой практическій, ясный умъ, свою наблюдательность, знаніе жизни, пониманіе

духа народнаго языка; онъ срисовываетъ русскую жизнь и тонкой ироніей выражаетъ свое къ ней отношеніе.

Эта *иронія,* вытекающая изъ спокойнаго созерцанія жизни, безъ всякаго раздраженія, безъ злобы и гнѣва, удостовѣряетъ, что ранѣе Крыловъ и не могъ приняться за свою басню: нужны были годы, чтобы вглядѣться въ жизнь, чтобы понять истинныя потребности русской жизни, проникнуться извѣстными убѣжденіями, которыя бы обратились въ основаніе морали; нужно было поставить себя въ независимое спокойное положеніе наблюдателя, котораго ничто не можетъ раздражать и сердить, но въ которомъ каждое противорѣчіе съ разумностью отражается насмѣшливою улыбкою.

Такимъ Крыловъ представляется намъ въ басняхъ; такимъ явился онъ и въ своей дальнѣйшей жизни—тихой, безпечной, однообразной.

Въ 1812 году онъ поступилъ на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку, и скоро затѣмъ получивъ казенную квартиру, почти тридцать лѣтъ прожилъ въ ней при одной и той же обстановкѣ, съ однѣми и тѣми же привычками.

Много разсказовъ сохранилось о немъ. Всѣ они выражаютъ или быструю его сообразительность и находчивость, или остроуміе, или безпечность.

Въ 1838 году петербургскіе литераторы, ученые, артисты и другіе цѣнители его таланта, устроили торжественный юбилей его пятидесятилѣтней литературной дѣятельности.

Никто еще изъ русскихъ писателей при жизни не видалъ такого торжества и такого искренняго и общаго признанія своихъ заслугъ.

Это былъ едва ли не единственный фактъ, который выдался въ жизни Крылова за все то время.

Въ 1841 году онъ оставилъ службу, а черезъ три года умеръ семидесятишести-лѣтнимъ старикомъ.

Всѣхъ басенъ его считается около двухсотъ; изъ нихъ тридцать заимствованы у другихъ, остальныя же принадлежатъ ему и по вымыслу, и по разсказу.

Въ баснѣ Крылова замѣтна *родственная связь съ русской народной пословицей.*

Какъ въ той, такъ и въ другой одинаково выразился русскій *практическій* умъ, дѣлающій общіе выводы только изъ того, что уже прожито и испытано въ жизни.

Эти выводы и принимаются русскимъ человѣкомъ за здравый

смыслъ; они также берутся имъ какъ правила или мораль для жизни.

Не охотно онъ уступаетъ всему новому, что еще не испытано имъ на практикѣ, не увлекается обѣщаемыми выгодами, которыя представляются лишь по соображенію а не по опыту: для него старый другъ лучше новыхъ двухъ.

У Крылова къ практическимъ выводамъ приводятъ факты изъ дѣйствительной жизни. Своимъ здравымъ смысломъ онъ хорошо освѣщаетъ эти факты и доводитъ читателя до правильной ихъ оцѣнки.

Басня Крылова представляетъ и другую коренную черту русскаго духа—тонкую и вмѣстѣ незлобивую *иронію* въ отношеніи ко всѣмъ сознаннымъ неправильностямъ жизни; русскій человѣкъ съ ироніей смотритъ даже на страданія своей собственной жизни; они ему представляются какъ бы неестественными, противорѣчащими здравому смыслу, вызванными слѣпою судьбою, съ которой нельзя ничего взыскивать. Такое ироническое отношеніе къ разнымъ явленіямъ жизни спасаетъ человѣка отъ отчаянія и свидѣтельствуетъ о замѣчательной силѣ его духа. Эта иронія выразилась отчасти въ русскихъ пословицахъ, а болѣе въ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ. Въ большей части басенъ Крылова является такая же *тонкая иногда простодушная иронія* въ отношеніи къ фактамъ, иронія, замѣняющая оцѣнку факта, приговоръ и самую мораль.

Кромѣ этихъ коренныхъ чертъ, связывающихъ басню Крылова съ русской народностью, въ ней отражается *и современная ему русская жизнь* или лучше жизнь всего русскаго народа въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ особенно ярко бросались въ глаза весьма важные, даже коренные недостатки всей русской жизни.

Безчисленные факты изъ ежедневной жизни представляли баснописцу неправильныя отношенія не только между отдѣльными личностями, но и *между сословіями* отношенія, которыя вносили зло въ общую жизнь. Всѣ ловко сгруппированныя имъ лица, всѣ ярко очерченныя маленькія сцены говорятъ объ одномъ и томъ же: въ жизни этого общества, этого народа нѣтъ тѣхъ общихъ высшихъ интересовъ, которые должны лежать въ основаніи нравственной жизни; здѣсь всѣ сильные своекорыстны, слабые—жертвы этого своекорыстія, если не умѣютъ вооружить себя лестью, обманомъ, коварствомъ, хитростью, лукавствомъ и всѣми непривлекательными качествами, которыя развиваются у человѣка въ тяжелыхъ заботахъ о своемъ личномъ существованіи.

Но и своекорыстіе не всегда доводитъ до блаженства, и оно нерѣдко влечетъ за собою зло для тѣхъ, кто по своему низкому нравственному развитію понимаетъ только одни личные интересы.

Во всякомъ же случаѣ изъ такихъ неправильныхъ отношеній вытекаетъ *зло для государства, зло для общества, зло для всего народа.*

Вотъ общая мораль Крылова, которая впрочемъ въ каждой баснѣ прикрывается разными частными моральными выводами, но почти всѣ они сводятся къ одному общему.

Крыловъ выставляетъ явленія изъ современной ему жизни *административной, судейской, военной, промышленной, торговой, педагогической* и вездѣ находитъ одни и тѣ же нравственныя основанія—вездѣ представляется недостатокъ общественной нравственности, не развившейся, конечно, по историческимъ причинамъ.

Басни Крылова вызывались не только фактами изъ ежедневной русской дѣйствительности, но и событіями *политическими или историческими,* какъ напр. „Воспитаніе льва" (воспитаніе императора Александа I), „Волкъ на псарнѣ" (судьба Наполеона I въ Россіи), „Ворона и курица" (бѣгство москвичей изъ Москвы въ 1812 г.), „Квартетъ" (несогласіе министровъ импер. Александра I) и т. д.

Вліяніе вѣка въ особенности отразилось на языкѣ Крылова, который въ его время ставился образцомъ народнаго языка и который по настоящее время совсѣмъ справедливо считается доступнымъ не только русскому простонародью, но и дѣтямъ.

Народности его мѣшаютъ образы, созданные фантазіей других народовъ, какъ напр. Зевеса, Аполлона, Борея и др., которые не рѣдко являются въ его разсказахъ. Конечно, это объясняется общимъ обычаемъ тогдашнихъ поэтовъ обращаться къ древней мифологіи или даже древней исторіи за образами для поэтическаго выраженія своихъ идей, что вызывалось историческимъ развитіемъ европейскихъ литературъ. Крыловъ еще менѣе другихъ пользовался этимъ обычаемъ, и ранѣе другихъ усвоилъ себѣ синтаксисъ народной рѣчи.

В. Стоюнинъ.

Очеркъ литературной дѣятельности Крылова.

Гораздо значительнѣе Дмитріева по дарованію и дѣятельности, продолжавшейся до самыхъ сороковыхъ годовъ, былъ Крыловъ. Изображенный нѣкогда въ біографіи Плетнева, онъ долго былъ забытъ изслѣдователями. Въ 1868 году столѣтняя память его рожденія возбудила историческій интересъ, и въ изслѣдованіяхъ Грота и особливо Кеневича, явился давно необходимый комментарій къ его баснямъ.

Въ 1894 году сочиненія Крылова стали общей литературной собственностью, и это вызвало нѣсколько новыхъ изданій басенъ, хотя донынѣ еще нѣтъ полнаго изданія его сочиненій, и достаточно полныхъ данныхъ для его біографіи и объясненія сочиненій и языка.

Ближайшіе современники, за исключеніемъ Лобанова, отчасти Греча, Вигеля, по обыкновенію почти не оставили свѣдѣній о писателѣ, котораго сами въ свое время высоко цѣнили, — такъ что біографія Крылова представляетъ много неясностей, которыхъ еще не удается раскрыть новѣйшимъ искателямъ.

Начальное время его дѣятельности было слишкомъ далеко, и впослѣдствіи, говорятъ, Крыловъ не любилъ вспоминать своего прошлаго; но въ позднѣйшее время онъ держался вдалекѣ отъ молодыхъ литературныхъ кружковъ, съ которыми, собственно говоря, у него и не было ничего общаго.

Основные факты біографіи сводятся къ тому, что, родившись въ семьѣ небогатаго отставного армейскаго офицера въ провинціи, Крыловъ рано потерялъ отца и остался только при элементарномъ образованіи, которое впослѣдствіи самъ пополнялъ чтеніемъ, успѣвши выучиться по-французски, а потомъ также по-итальянски, наконецъ даже, какъ говорятъ, по-гречески, хотя этого послѣдняго знанія онъ нигдѣ не употребилъ въ дѣло.

Но рано онъ сталъ знакомиться съ дѣйствительною жизнью: еще мальчикомъ былъ записанъ на приказную службу, которую, кажется, и исполнялъ, сначала въ провинціи, потомъ въ Петербургѣ, гдѣ служилъ въ казенной палатѣ, потомъ въ кабинетѣ императрицы; въ царствованіе Павла жилъ въ кіевскомъ имѣніи князя С. Ѳ. Голицына, впавшаго въ опалу, состоялъ нѣкоторое время при Голицынѣ, когда тотъ былъ въ Ригѣ военнымъ губернаторомъ.

Послѣ того біографія опять затемняется, разсказываютъ только, что Крыловъ между прочимъ предавался отчаянной картежной игрѣ, даже ѣздилъ съ этою цѣлью по ярмаркамъ, попалъ однажды изъ-за этого въ непріятную исторію.

Наконецъ, съ 1812 года Крыловъ состоялъ на службѣ въ Императорской библіотекѣ, которая съ 1814 года стала Публичною.

Несмотря на крайне недостаточное образованіе, Крыловъ очень рано вступилъ на литературное поприще; ему еще не было двадцати лѣтъ, когда онъ написалъ свои первыя театральныя пьесы, которыя доставили ему знакомства и ввели его въ литературно-театральный міръ.

Постановка пьесъ на сцену встрѣчала разныя препятствія и столкновенія Крылова съ однимъ изъ членовъ комитета, управлявшаго петербургскими театрами, генераломъ Соймоновымъ, показывая въ юномъ писателѣ человѣка очень смѣлаго и съ язвительнымъ остроуміемъ.

Пьесы Крылова не отличались вначалѣ особыми достоинствами: дѣйствіе бывало слабо, комизмъ слишкомъ часто замѣнялся карикатурой, но была наблюдательность, которой предстояло развиться гораздо шире въ его дальнѣйшихъ произведеніяхъ.

Въ 1799 году Крыловъ затѣялъ изданіе журнала: это была „Почта духовъ", за которою слѣдовали „Зритель" и „Петербургскій Меркурій",—два послѣдніе журнала онъ издавалъ вмѣстѣ съ Клушинымъ.

Главное изъ этихъ изданій, „Почта духовъ", продолжало типъ старыхъ сатирическихъ журналовъ: въ перепискѣ адскихъ духовъ происходили картинки общественныхъ нравовъ, и со временъ „Живописца" былъ сдѣланъ большой успѣхъ въ живости разсказа,—хотя главныя темы бывали иногда тѣ же самыя.

Это было обличеніе иностраннаго воспитанія, свѣтскаго легкомыслія, судейскаго лихоимства и т. п.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно встрѣтить здѣсь тѣ же подробности, какія повторились потомъ въ его басняхъ, и есть указанія, по которымъ можно предполагать, что въ то время онъ уже дѣлалъ первые опыты въ этой литературной формѣ, которой принадлежитъ его главная, или единственная слава, какъ писателя...

Какъ замѣчено, извѣстна очень мало исторія его внутренняго развитія: трудно сказать, въ чемъ заключался взглядъ на вещи, въ которую сторону клонились его симпатіи; можно лишь думать,

что интересы молодого Крылова были свѣжѣе и разнообразнѣе, чѣмъ были впослѣдствіи.

Въ ту пору, когда онъ начиналъ изданіе „Почты духовъ", онъ былъ близокъ съ однимъ изъ тогдашнихъ писателей, Рахманиновымъ; это былъ богатый человѣкъ, гораздо старше Крылова годами и большой поклонникъ Вольтера, изъ котораго онъ напечаталъ тогда много переводовъ, для чего основалъ даже собственную типографію, гдѣ и Крыловъ печаталъ свой журналъ.

Рахманиновъ былъ человѣкъ угрюмый и упрямый въ своихъ мнѣніяхъ, но это, повидимому, не мѣшало ихъ отношеніямъ; осталось извѣстіе, что онъ доставлялъ Крылову матеріалы для его журнала.

Предполагается и другой участникъ „Почты духовъ", именно Радищевъ, котораго Крыловъ зналъ по службѣ въ казенной палатѣ.

Послѣ своихъ журналовъ Крыловъ написалъ еще нѣсколько комедій (въ 1794 и послѣ, у князя Голицына въ Ригѣ), и затѣмъ новый періодъ его литературной дѣятельности открывается съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ писать басни.

Это было въ 1806; въ 1809 вышелъ первый небольшой сборникъ, и съ этихъ поръ Крыловъ не писалъ больше ничего, кромѣ басенъ, и установилась его слава, какъ баснописца.

Первоначальный небольшой сборникъ распространился потомъ до его нынѣшняго состава.

Быть можетъ, поощренный первымъ успѣхомъ, Крыловъ былъ сначала очень плодовитъ, потомъ сталъ писать меньше и наконецъ только изрѣдка брался за перо, окончательно облѣнившись.

Въ нашей литературѣ онъ остался единственнымъ баснописцемъ съ громадной популярностью.

Первые опыты басни дали еще Тредьяковскій и Сумароковъ (если не считать Симеона Полоцкаго), потомъ эту литературную форму усердно воздѣлывали Хемницеръ и Дмитріевъ, такъ что Крыловъ работалъ уже на значительно подготовленной почвѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ талантливѣе всѣхъ этихъ предшественниковъ; притомъ не только былъ значительно разработанъ языкъ, но еще въ XVIII вѣкѣ завоевано въ литературѣ извѣстное мѣсто народному элементу, такъ что и съ этой стороны Крыловъ былъ въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ его предшественники; наконецъ, все довершилъ его собственный талантъ.

Говоря о баснѣ Крылова, нѣтъ надобности восходить къ отда-

ленной исторіи этой литературной формы, къ баснямъ Локмана и Эзопа: если наши баснописцы знали греческую и латинскую басню, то всего больше черезъ французовъ, и особливо Лафонтена, котораго обыкновенно исчерпывали.

Извѣстныя басенныя темы обошли всѣ европейскія литературы и, наконецъ, русскую. Это была необходимая принадлежность, которая не могла отсутствовать въ порядочной литературѣ.

Форма басни съ древнѣйшихъ временъ сохранила художественное достоинство небольшого разсказа, сопровождаемаго серьезнымъ или шутливымъ поученіемъ; заслуга новой обработки состояла бы вообще въ усвоеніи литературѣ этого обще-человѣческаго матеріала въ формахъ своей народности, и затѣмъ въ обогащеніи его новыми темами.

Когда повторялись темы уже извѣстныя, писатель былъ, повидимому, облегченъ тѣмъ, что былъ освобожденъ отъ труда изобрѣтенія, но задача тѣмъ не менѣе была не легка; дѣло шло не о простомъ переводѣ,—нужно было сообщить чужому содержанію черты своего быта и языка, и Крыловъ рѣшалъ эту задачу не только гораздо лучше своихъ предшественниковъ, но нерѣдко съ такимъ искусствомъ, что его басни выдерживаютъ теперь въ *популярномъ* чтеніи вѣковое испытаніе, чему въ нашей литературѣ очень мало примѣровъ.

Съ другой стороны басни носятъ на себѣ отпечатокъ своего вѣка. Крыловъ сохраняетъ ложно-классическую манеру въ разсказѣ, какъ сохраняетъ еще нѣкоторыя неловкости стараго книжнаго языка. Если представить себѣ, что басни предназначены для популярнаго чтенія, и дѣйствительно, читаются теперь въ каждой народной школѣ,—и даже независимо отъ этого, нѣсколько странно встрѣчать въ нихъ классическую миѳологію не только тамъ, гдѣ можетъ по необходимости понадобиться Зевесъ, но и тамъ, гдѣ изображается соловей, „любимецъ и пѣвецъ Авроры"; старую литературную школу напомнятъ и эпизоды идиллической сентиментальности, которая была нѣкогда въ литературныхъ нравахъ, но не въ нравахъ обыкновеннаго русскаго читателя.

Но затѣмъ, въ басняхъ Крылова разбросано множество подробностей, гдѣ съ большимъ искусствомъ схвачены *черты русскаго быта и народнаго языка*. Было бы повидимому неумѣстно говорить о „направленіи" баснописца, когда значительная часть его труда состояла въ переработкѣ темъ, считающихъ себѣ тысячелѣтія:—это давніе уроки мудрости на различные случаи и житейскія

столкновенія людскихъ характеровъ и отношеній на подкладкѣ общечеловѣческой психологіи; но кромѣ этихъ, были у Крылова и другія темы, принадлежавшія ему самому, имѣвшія въ виду извѣстныя событія, какъ, напримѣръ, изъ двѣнадцатаго года, и гдѣ точка зрѣнія не ограничивалась обыкновенною моралью,—и въ этомъ случаѣ Крыловъ остался человѣкомъ своего времени.

Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія житейской мудрости не самаго возвышеннаго разбора; правда, есть нѣсколько басенъ, намекающихъ на общественную несправедливость и осуждающихъ ее, но рядомъ бываютъ другія, которыя ослабляютъ это впечатлѣніе; въ вопросѣ о просвѣщеніи, который издавна представлялъ величайшую важность и больное мѣсто русской жизни, онъ занялъ положеніе, которое давно и (какъ можно видѣть изъ самыхъ послѣднихъ толкованій къ его баснямъ) даже теперь служитъ предметомъ споровъ между его комментаторами: былъ ли онъ врагомъ или другомъ просвѣщенія?

Изъ сличенія басенъ, имѣющихъ отношеніе къ этому предмету *), едва ли можно вывести другое заключеніе кромѣ того, что баснописецъ желалъ въ просвѣщеніи *умѣренной середины,* относился недовѣрчиво къ слишкомъ высокимъ притязаніямъ человѣческаго ума, предпочиталъ этому практическую выучку для какого-нибудь опредѣленнаго дѣла, и т. п.; иначе, онъ насмѣхался надъ философіей, которую отожествлялъ съ высокоуміемъ и суемудріемъ.

Давно замѣчено было, что не только примѣры бывали имъ выбраны странно, но и цѣлая мораль едва-ли была умѣстна въ обществѣ, какъ русское, гдѣ не только не было излишества въ наукахъ, но былъ, напротивъ, избытокъ круглаго невѣжества, такъ что въ результатѣ басня могла доставлять опору не столько друзьямъ просвѣщенія, сколько обскурантамъ, которыми кишѣло русское общество Александровскаго и позднѣйшихъ временъ...

Въ подкладкѣ этого лежало, конечно, неясное представленіе Крылова и его современниковъ XVIII-го вѣка о самой наукѣ: онъ думалъ, что для нея можно полагать предѣлы; онъ не понималъ, что наука есть работа логической мысли, которая слѣдуетъ только своимъ законамъ, что только благодаря этой работѣ могли быть

*) „Сочинитель и Разбойникъ“; „Водолазы“; „Огородникъ и философъ“; „Крестьянинъ и Лисица“; „Ларчикъ“; „Любопытный“; „Конь и Всадникъ“, и др.

достигнуты великія открытія человѣческаго ума въ различныхъ областяхъ знанія, наконецъ, что самое процвѣтаніе народовъ находится въ тѣснѣйшей связи съ успѣхами просвѣщенія.

Крыловъ не умѣлъ стать выше ходячаго понятія о вредѣ слишкомъ высокихъ наукъ,—въ этомъ съ нимъ вполнѣ согласились бы обскуранты, наивные, какъ Шишковъ, или злостные, какъ Магницкій.

Изъ этого можно видѣть значеніе Крылова для дальнѣйшаго хода литературы: онъ пополнилъ ея содержаніе отдѣломъ басни, обогатилъ популярную литературу ея поученіемъ, хотя не всегда удачнымъ, и, наконецъ, имѣлъ несомнѣнную заслугу тонкаго наблюденія нравовъ и выработки народнаго стиля; затѣмъ его басня осталась какъ бы *внѣ литературнаго движенія.*

А. Н. Пыпинъ.

Сатирическій талантъ Крылова.

(ЕГО ЖУРНАЛЫ — КОМЕДІИ. — БАСНИ И КЛАССИФИКАЦІЯ ПОСЛѢДНИХЪ).

Подражательное направленіе нашей литературы мѣшало самостоятельному развитію поэзіи, постигающей характеръ народной жизни и выражающей ее въ подлинномъ ея видѣ.

Частные опыты такой поэзіи не могли положить предѣла французскому классицизму: еще не малое время суждено ему было вліять на нашихъ литераторовъ.

Примѣры такихъ опытовъ мы видѣли въ стихотвореніяхъ Державина, въ комедіяхъ Фонвизина, въ пьесѣ Аблесимова „Мельникъ“, а также въ нѣкоторыхъ драмахъ, переложенныхъ съ иностраннаго языка на русскіе нравы.

Но отдѣльныя черты этихъ нравовъ, отдѣльныя представленія собственныхъ обычаевъ смѣшивались съ чертами и представленіями совершенно чуждаго, часто непонятнаго намъ быта.

Высшее проявленіе самостоятельной русской поэзіи мы находимъ у Крылова (1768—1844), хотя это проявленіе было также

частнымъ, т.-е. оно ограничивалось преимущественно однимъ поэтическимъ родомъ—*басней.*

Характеръ сочиненій Крылова—*сатирическій.* Сатира его мѣняла формы, выражаясь сначала въ журнальныхъ статьяхъ, потомъ въ комедіяхъ и наконецъ въ баснѣ.

а) Крыловъ издавалъ *три журнала:* „Почта духовъ" (1789), „Зритель" (1792) и „С.-Петербургскій Меркурій" (1793).

Въ „Почтѣ духовъ" принадлежатъ ему *письма гномовъ, жителей подземнаго* (Плутонова) *царства.* Посланные на землю, они извѣщаютъ арабскаго философа Маликульмулька о жизни ея обитателей.

Главная тема этихъ обличительныхъ писемъ—*иноземное воспитаніе нашихъ дворянъ,* которое искореняло въ нихъ похвальныя черты отечественныхъ нравовъ, внушало презрѣніе къ родинѣ, безумную расточительность, легкомысленный взглядъ на нравственность. Сатира преслѣдуетъ современныхъ родителей и дѣтей ихъ, не касаясь ни дѣдушекъ, ни бабушекъ, „скучные предразсудки которыхъ не задерживаютъ уже новыхъ кавалеровъ и дамъ на пути ихъ приключеній".

Крыловъ иронически отзывается *о томъ просвѣщеніи,* съ развитіемъ котораго бытъ всѣхъ сословій разстроился и которое, мѣняя званія, не ослабляетъ пороковъ и дурныхъ наклонностей, а, напротивъ, даетъ имъ большую пищу и благовидный покровъ.

Къ реформамъ относился онъ или равнодушно или недовѣрчиво, а если онѣ вводились съ самонадѣянностью и рѣзкостью, обнаруживали неловкость и педантизмъ, то онъ встрѣчалъ ихъ насмѣшкой.

Такое направленіе въ молодомъ сатирикѣ замѣчательно: оно доказываетъ *врожденную степенность и благоразуміе, не увлекающіяся новизной и блескомъ;* съ самаго начала оно заявило *консервативный образъ мыслей.*

Статья Крылова въ „Зрителѣ": „Похвальная рѣчь моему дѣдушкѣ", иронически восхваляющая достоинство помѣщика, не уступаетъ лучшимъ очеркамъ Новиковскаго „Живописца", превосходя ихъ остроуміемъ.

Въ „С.-Петербургскомъ Меркуріи" помѣщены двѣ его сатиры: „Похвальная рѣчь наукѣ убивать время" и „Похвальная рѣчь Ермолафиту" *), говоренная въ собраніи молодыхъ писателей:

*) Человѣкъ несущій ермолафію (чепуху).

первая осмѣиваетъ празднолюбцевъ, вторая — бездарныхъ авторовъ.

б) Изъ драматическихъ пьесъ Крылова имѣли успѣхъ на сценѣ двѣ комедiи: „Модная лавка" и „Урокъ дочкамъ".

Послѣдняя получила названiе потому, что дочери одного помѣщика, за ихъ пристрастiе къ французкому языку, получаютъ чувствительный урокъ: слугу проѣзжаго офицера, назвавшагося маркизомъ Глаголемъ, онѣ принимаютъ за дѣйствительнаго маркиза и обращаются съ нимъ, какъ съ важнымъ господиномъ.

Это—*подражанiе Мольеровой комедiи:* „Les précieuses ridicules", въ которой такой же урокъ данъ чопорнымъ дочкамъ одного добраго буржуа.

Сцены между дочками и приставленной къ нимъ няней, чтобъ онѣ не смѣли говорить по-французски, а также съ слугой Семеномъ, принятымъ за маркиза, исполнены комизма, хотя въ цѣломъ пьеса построена на французскiй ладъ и оттого представляетъ искусственное смѣшенiе чужого съ своимъ.

в) Сатирическiй талантъ Крылова самымъ яркимъ образомъ обнаружился въ басняхъ, упрочившихъ за нимъ славу знаменитаго баснописца—не только русскаго, но и всемiрнаго. Этою славой онъ, наравнѣ съ Лафонтеномъ, обязанъ особеннымъ качествамъ своихъ басенъ.

Предметъ басни—разнообразныя явленiя человѣческой жизни, которыя она изображаетъ аллегорически, замѣняя людей животными или растенiями и другими неодушевленными предметами.

Въ ней двѣ части: *разсказъ и выводъ изъ разсказа.*

Выводъ есть мысль, къ которой разсказъ относится, какъ единичное къ общему: такъ въ баснѣ „Дубъ и Трость" мысль, что слабый, но уступчивый предметъ противостоитъ силѣ гораздо лучше, нежели крѣпкiй, но упорный, выразилась въ отношенiи тростника и дуба къ бурѣ.

Взлядомъ на значенiе обѣихъ составныхъ частей басни опредѣлялось ея направленiе.

Въ исторiи басни былъ долгiй перiодъ, когда конечную цѣль ея полагали въ выводѣ и когда этотъ выводъ ограничивали какимъ-нибудь нравственнымъ правиломъ, такъ называемымъ нравоученiемъ, а разсказъ считали элементомъ прибавочнымъ, служебнымъ, нисколько не требующимъ самостоятельнаго значенiя.

Басня поэтому обратилась въ чисто дидактическое, поучительное стихотворенiе.

Византійскіе сборники Эзоповыхъ басенъ (наприм. Максима Плануда въ XIV в. по Р. Х.) представляютъ примѣръ такого направленія басни.

Но этимъ одностороннимъ направленіемъ не могли удовлетворяться баснописцы, одаренные творческимъ талантомъ: для нихъ вымышленный разсказъ имѣлъ такой же интересъ, какъ и выводъ, органически связанный съ вымысломъ, необходимо изъ него вытекающій; вслѣдствіе чего разсказъ явился въ ихъ басняхъ элементомъ равноправнымъ выводу, и значеніе вывода расширилось, т.-е. онъ перестал обращаться исключительно въ кругу нравоучительныхъ изреченій.

Извѣстнѣйшими представителями такого направленія басни справедливо почитаются Лафонтенъ и Крыловъ. Они возвысили ее самостоятельнымъ достоинствомъ обоихъ ея членовъ: расказа и мысли, лежащей въ его основаніи.

Разсказъ отличается поэтическимъ изображеніемъ, которое само по себѣ, независимо отъ вывода, интересуетъ читателя.

Событіе изъ міра животныхъ выступаетъ какъ драма, почему Лафонтенъ и назвалъ свои басни пространной, стоактной комедіей.

Дѣйствующія лица являются не простыми аллегоріями, въ родѣ отвлеченныхъ понятій: лукавство, алчность, глупость, и т. п., а живыми существами, съ разнобразіемъ внѣшняго вида и движеній, каждое съ своимъ неизмѣннымъ стереотипнымъ характеромъ: лисица съ хитростью, волкъ съ хищностью, оселъ съ тупоуміемъ.

Выводъ, не ограниченный нравоученіемъ, не всегда занимаетъ особое мѣсто, въ концѣ или въ началѣ басни, но часто выговаривается въ рѣчи дѣйствующаго лица и тѣмъ доказываетъ свою органическую связь съ разсказомъ.

Иногда и вовсе нѣтъ вывода: басня, по выраженію Лафонтена, ведетъ мысль не за собою, а съ собою, слѣдовательно, читателю легко понять ее и безъ авторской помощи.

При этомъ слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что хотя Лафонтенъ и Крыловъ постоянно заботились о поэтическомъ достоинствѣ разсказа, но все же главное вниманіе обращали на мысль разсказа, полагая въ ней существо басни.

Лафонтенъ называетъ вымыселъ тѣломъ басни, а мораль—ея душою. Крыловъ также дорожилъ выводомъ, считая благотворителемъ людей того, кто нравоучительныя правила предлагаетъ въ разсказахъ или изреченіяхъ, дабы они глубже запечатлѣвались въ памяти.

Однимъ словомъ, *для Крылова и для Лафонтена басня была также дидактическимъ стихотворенiемъ, намѣреннымъ средствомъ къ извѣстной цѣли.* Они понимали, что никто изъ развитыхъ людей не станетъ наслаждаться басней, какъ дѣти сказкой, но вмѣстѣ съ этимъ они видѣли, что басня несравненно интереснѣе читателю, когда въ ней оба элемента: поэтическiй (разсказъ) и дидактическiй (выводъ) представляютъ самостоятельное достоинство, уравновѣшены въ своемъ значенiи.

При указанномъ достоинствѣ обѣихъ частей басни, какъ особаго вида поэтическихъ произведенiй, она должна представлять еще другое достоинство, необходимое для того, чтобы производить дѣйствiе на читателей и возбуждать ихъ сочувствiе: она должна изображать жизнь и нравы того народа, къ которому принадлежитъ баснописецъ, должна быть народною.

Красота народности есть первенствующая красота басенъ Крылова. Подъ аллегорическимъ покровомъ тотчасъ узнаются русскiе люди съ ихъ отличительными особенностями въ характерѣ, обычаяхъ, образѣ мыслей и чувствъ и, наконецъ, по языку.

„Крылову”, говоритъ одинъ изъ писателей *), „принадлежала честь единственная, ни съ кѣмъ въ его время не раздѣленная: онъ хотѣлъ и успѣлъ быть русскимъ въ то время, когда подражанiе почиталось просвѣщенiемъ, когда слово *иностранное* было однозначительно съ словомъ *умное* или *прекрасное.* Въ это время Крыловъ не только былъ русскимъ въ своихъ басняхъ, но умѣлъ еще сдѣлать свое русское плѣнительнымъ“.

Народность очевидна не только въ собственныхъ басняхъ Крылова, но и въ его переводахъ или передѣлкахъ басенъ иностранныхъ. Заимствованные сюжеты обрабатывалъ онъ сообразно съ представленiемъ русскаго человѣка, почему и имѣлъ право причислять эту обработку къ оригинальнымъ произведенiямъ.

При сличенiи басенъ: „Оселъ и Соловей”, „Демьянова уха“, „Лжецъ” съ ихъ подлинниками открывается превосходство нашего баснописца, умѣвшаго посредственнымъ разсказомъ сообщать поэтическую красоту и цвѣтъ народности.

Такъ въ баснѣ „Оселъ и Соловей“, оселъ, по своей поступи,

---

*) И. В Кирѣевскiй.

сужденію, рѣчи, есть образъ чисто-русскаго тупоумнаго человѣка, а не французскаго или нѣмецкаго

„Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно, говоритъ, сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще-бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немного поучился".

Рѣчь Крылова, строившаяся по складу народной и любившая прибѣгать къ пословицамъ, въ свою очередь дала значительный матеріалъ для русскаго синтаксиса и для собирателей русскихъ пословицъ.

Предметами или *темами* басенъ Крылова служили *разнообразныя явленія современной ему общественной жизни.*

На первомъ мѣстѣ стоятъ басни, выражающія мысль о *воспитаніи:* „Крестьянинъ и Змѣя", „Бочка", „Кукушка и Горлинка". Первая показываетъ вредное вліяніе иностранцевъ на ввѣряемыхъ имъ дѣтей; вторая—слѣдствіе гибельныхъ ученій, которыми человѣкъ заражается съ юношества; третья—что происходитъ, когда дѣти воспитываются не родителями, а посторонними лицами. Авторъ придавалъ этимъ баснямъ особенную важность, что видно изъ внушительныхъ наставленій, обращенныхъ къ родителямъ: „Отцы, понятно-ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?". „Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей". „Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ".

Къ баснямъ, обличающимъ *невѣжество,* относятся: „Мартышка и очки", „Свинья подъ дубомъ", „Голикъ".

Наружно-европейская образованность, дающая человѣку только пустой блескъ, но уничтожающая добрыя природныя свойства, портящая нравы, представлена въ „Червонцѣ". Длиннота второй части этой басни (вывода) даетъ знать, что ей авторъ также приписываетъ значительную важность.

Басня „Водолазы" показываетъ, въ чемъ Крыловъ полагалъ истинное просвѣщеніе: онъ требуетъ ученья умѣреннаго, серединнаго между невѣжествомъ, происходящимъ отъ лѣни, и глубокимъ, происходящимъ отъ дерзости ума, суемудрія и ведущимъ къ гибели.

Изображенію *неправеднаго суда,* „лихихъ супостатовъ" зако-

на, посвящены многія басни. „Слонъ на воеводствѣ“ есть образъ добродушныхъ, но глупыхъ судей, дозволяющихъ „волкамъ взять съ каждой овцы по одной только шкурѣ“.—„Вельможа“—образъ правителя, который не погубилъ цѣлаго края лишь потому, что не принимался за дѣла.

Въ другой категоріи тѣхъ же басенъ („Щука“, „Крестьянинъ и Овца”) являются умные бездѣльники, которые при неправедномъ рѣшеніи дѣлъ соблюдаютъ всѣ законныя формальности. Представитель ихъ Лиса—то секретарь, то прокуроръ.

Крыловъ давалъ уроки и тѣмъ лицамъ, отъ власти которыхъ зависитъ установленіе правильной администраціи („Лиса-строитель“, „Мірская сходка“, „Волкъ и Овцы“.

Взаимныя отношенія гражданъ, по различію ихъ сословій и службы, указаны баснями: „Листы и Корни”, „Пушки и Паруса”.

Ложное пониманіе благородства обличено въ баснѣ „Гуси”, а неумѣніе дворянъ поправлять свое состояніе, разстроенное жизнію не по средствамъ, — въ басняхъ: „Тришкинъ кафтанъ” и „Мельникъ“.

Всѣ указанныя басни имѣли, а многія и теперь имѣютъ *общественное значеніе;* онѣ могутъ быть названы „*историческими*“ въ томъ смыслѣ, что каждая изъ нихъ относится къ цѣлому роду явленій, которыя извѣстное время господствовали въ обществѣ и, слѣд., занимаютъ болѣе или менѣе видное мѣсто въ исторіи этого времени.

Но, кромѣ того, у Крылова есть басни *собственно-историческія,* т.-е. написанныя по поводу лицъ и событій. Таковы: „Волкъ на псарнѣ”, „Обозъ“, „Ворона и Курица“, „Щука и Котъ”.

Первая изъ нихъ представляетъ затруднительное положеніе Наполеона послѣ Бородинской битвы, его попытки вступить въ переговоры съ Кутузовыъ, изображеннымъ въ лицѣ опытнаго ловчаго: цѣль басни „Обозъ”—оправдать медлительность дѣйствій Кутузова, возбуждавшую противъ него общественное мнѣніе; въ баснѣ „Ворона и Курица“ разсказывается, какъ ворона, считавшая себя безопасною, потому что воронъ ни варятъ, ни жарятъ, попала въ супъ къ голоднымъ французамъ; наконецъ, поводомъ къ сочиненію басни „Щука и Котъ” послужила неудача адмирала Чичагова, который долженъ былъ пресѣчь путь Наполеону черезъ рѣку Березину.

А. Галатовъ.

„Кофейница“ и „Филомела“.

Въ 1782 г. Крыловъ прибылъ въ Петербургъ, и черезъ два года появляется его первый извѣстный намъ литературный трудъ— комическая опера „*Кофейница*“.

Переселеніе въ столицу было для Крылова событіемъ первой важности. Здѣсь онъ столкнулся съ новыми людьми, которые дали ему новый запасъ впечатлѣній, здѣсь онъ подпалъ подъ вліяніе театра, которому и посвятилъ первые свои опыты.

„Годы прибытія Крылова въ С.-Петербургъ замѣчательны по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, касавшимся драматическаго искусства въ Россіи, предмета, на который тогда была устремлена вся умственная дѣятельность будущаго великаго нашего баснописца”, говоритъ біографъ И. А. Крылова. „Правда, что первый указъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ русскаго театра послѣдовалъ еще въ 1756 г.; но это было учрежденіе, которымъ, не внося платы за посѣщеніе его, преимущественно пользовались придворные и чиновные люди. Но только съ 1782 г., начались приготовленія къ устройству общенароднаго русскаго театра, который былъ открытъ въ слѣдующемъ за тѣмъ году”.

Такимъ образомъ, Крыловъ прибылъ сюда въ эпоху перваго любопытнѣйшаго движенія на нашей сценѣ.

Несомнѣнно, на воспріимчиваго и талантливаго юношу театръ произвелъ сильное впечатлѣніе. Крыловъ попытался написать самъ пьесу для театра и подъ его перомъ создалась комическая опера въ 3 дѣйствіяхъ—„Кофейница“.

Шестнадцатилѣтній авторъ (пьеса была написана въ 1784 г.) передалъ свою пьесу для изданія типографщику Брейткопфу, любителю и знатоку музыки и театра; за нее Крылову было предложено 60 рублей, но вмѣсто денегъ онъ предпочелъ взять плату книгами. По свидѣтельству М. Е. Лобанова, друга и біографа Крылова, послѣдній взялъ сочиненія Расина, Мольера и Буало, которыя впослѣдствіи оказали на него свое вліяніе и, къ тому же, далеко не благотворное.

Въ „Кофейницѣ“ все „еще слабо и незрѣло, но видимо умѣніе составлять и располагать пьесу”, пишетъ о „Кофейницѣ” біографъ или скорѣе панегиристъ Крылова, его другъ Лобановъ. Другой критикъ и біографъ Крылова даетъ болѣе полную, хотя тоже довольно общую характеристику этой пьесы: „Въ комической операх „Кофейница” довольно просто, безъ слащавыхъ прикрасъ и ка-

рикатурнаго преувеличенія изображенъ провинціальный бытъ, среди котораго Крыловъ провелъ свое дѣтство и отрочество“.

Въ первомъ своемъ опытѣ Крыловъ проявилъ дѣйствительно *рѣдкую наблюдательность и трезвость мысли,* которыя выработались подъ вліяніемъ постоянной нужды и службы, начатой въ тѣ годы, когда слѣдовало бы еще сидѣть на школьной скамьѣ.

Въ „Кофейницѣ” мы имѣемъ дѣло *съ живыми лицами*, съ людьми, прямо выхваченными изъ современной автору дѣйствительности.

Плутоватый приказчикъ, щеголиха барыня, ворожея—все лица, не сочиненныя по рецепту царившей тогда у насъ теоріи Буало, а *снимки съ дѣйствительности,* снимки, правда, грубые, но въ существенныхъ чертахъ точные.

Мѣтко схвачены Крыловымъ и *бытовыя черты,* напримѣръ. сказыванье по очереди сказокъ барынѣ, не могущей сразу заснуть. Сказыванье сказокъ на ночь дворовыми людьми или спеціалистами сказочниками было обычно въ помѣщичьей провинціальной средѣ прошлаго вѣка. Объ этомъ мы имѣемъ не мало свидѣтельствъ современниковъ.

Сочувствіе къ народной поэзіи и старинѣ далеко не угасало въ привиллегированномъ сословіи XVIII в. Извѣстный Митрофанушка въ „Недорослѣ” Фонвизина „еще сызмала былъ къ исторіямъ охотникъ” и заставлялъ себѣ разсказывать исторіи скотницу Хавронью; Скотининъ „безъ того глазъ не сводилъ, чтобы *выборный* не разсказывалъ ему исторій”. Самъ авторъ „Недоросля” слушалъ въ дѣтствѣ сказки, которыя сказывалъ пріѣзжавшій изъ Дмитріевской деревни Фонвизиныхъ мужикъ Ѳедоръ Суратовъ. Извѣстный историкъ прошлаго вѣка Татищевъ († 1750 г.) слушалъ былины о пирахъ Владимира и уцѣлѣвшій въ его памяти отрывокъ о дворѣ Путятинѣ внесъ въ примѣчанія къ Іоакимовской лѣтописи. Извѣстный Прокофій Акинфіевичъ Демидовъ былъ также большимъ любителемъ народныхъ сказаній, и для него въ Сибири былъ составленъ извѣстный сборникъ Кирши Данилова, что видно изъ письма Демидова къ исторіографу Г. Ф. Миллеру, напечатанному проф. Шевыревымъ.

Знакомство съ народнымъ бытомъ и языкомъ и отсутствіе „ученаго“ предупрежденія противъ употребленія послѣдняго въ литературныхъ пьесахъ отразились въ языкѣ перваго драматическаго опыта Крылова. Всѣ лица этой пьесы, какъ крестьяне, такъ и городскіе жители, говорятъ *естественнымъ народнымъ языкомъ*,

безъ примѣси литературной напыщенности съ одной стороны, а съ другой—безъ неудачныхъ потугъ изобразить народную рѣчь съ помощью коверканья языка, каковой пріемъ былъ очень обыченъ у тогдашнихъ драматурговъ, даже у такого талантливаго реалиста, какъ Матинскій.

Наконецъ, подводя итоги всего сказаннаго о „Кофейницѣ“, довольно признать, что эта пьеса „нисколько не хуже большинства современныхъ ей комическихъ оперъ; по крайней мѣрѣ, она не поражаетъ ни неестественностью вымысла, ни слишкомъ ложнымъ отношеніемъ къ дѣйствительной жизни. Какъ ни велики ея художественные недостатки, въ ней чувствуется та наивность, та свѣжесть созданія, которая всегда отличаетъ раннія, съ любовью отдѣланныя произведенія пробуждающихся сильныхъ дарованій“.

„Кофейница” не была поставлена на сцену: Брейткопфъ не воспользовался пріобрѣтенной пьесой и черезъ тридцать лѣтъ, встрѣтившись съ Крыловымъ, уже бывшимъ на службѣ въ Публичной Библіотекѣ, отдалъ ему обратно рукопись „Кофейницы“.

Получивъ книги отъ Брейткопфа, заинтересовавшагося любознательнымъ юношей, Крыловъ обратилъ главное вниманіе не на Мольера, а на Расина и Буало: его идеаломъ было создать трагедію, это высшее по формѣ произведеніе драматической поэзіи, какъ учила псевдо-классическая теорія. Буало далъ Крылову теорію, Расинъ—образцы, и вотъ молодой писатель приступаетъ къ созданію своей первой трагедіи, не дошедшей до насъ. Сюжетомъ ея онъ избралъ судьбу Клеопатры и, когда пьеса была готова, отнесъ ее къ тогдашнему оракулу и судьѣ драматическихъ произведеній—къ знаменитому Дмитревскому.

Этотъ старый артистъ считался въ свое время лучшимъ судьей, когда дѣло касалось достоинствъ и недостатковъ новой пьесы и начинающихъ артистовъ. Несмотря на увѣренія извѣстнаго театрала, С. П. Жихарева, будто Дмитревскій не давалъ никакого понятія артистамъ объ изучаемыхъ ими роляхъ и нисколько не подавалъ имъ помощи совѣтомъ и указаніями, П. Араповъ, извѣстный авторъ „Лѣтописи русскаго театра”, утверждаетъ, что Дмитревскій не только „имѣлъ даръ наставленіями своими усовершенствовать талантъ всякаго начинающаго артиста“, но даже „руководилъ и самыхъ авторовъ: Державинъ постоянно совѣщался съ нимъ на счетъ своихъ драматическихъ сочиненій, а Фонвизинъ исправилъ, по его замѣчаніямъ, многія сцены въ „Недорослѣ”. Даже самый его начальникъ, самолюбивый Сумароковъ, и тотъ при-

нималъ со вниманіемъ совѣты Дмитревскаго. Несомнѣнно, Дмитревскій, какъ опытный актеръ, могъ съ большой пользой подать совѣтъ относительно расположенія пьесы и указать ея сценическія недостатки. Къ этому-то оракулу и судьѣ отнесъ Крыловъ свою первую серіозную пьесу.

Мы не знаемъ, что происходило во время чтенія, какъ отнесся къ пьесѣ Дмитревскій, который вообще былъ чрезвычайно любезенъ и старался не огорчать начинающихъ писателей строгими приговорами, —знаемъ только одно, что Дмитревскій добродушно выслушалъ трагедію, съ обычной уклончивостью отозвался объ ея достоинствахъ, „поощрялъ автора къ новымъ трудамъ и, наконецъ, съ кротостью далъ почувствовать, что трагедія въ такомъ видѣ не можетъ быть представлена на театрѣ, что нужно ее совершенно пересоздать и передѣлать". Кажется, эта неудача должна бы нѣсколько научить Крылова и открыть ему глаза на несовершенства его драмы, но онъ обратилъ, повидимому, большее вниманіе на похвалы стараго артиста, вынужденныя требованіями приличія, чѣмъ на скрытыя подъ ними порицанія.

Онъ не бросилъ надежды создать трагедію, и въ 1786 г. написалъ „Филомелу", трагедію въ пяти дѣйствіяхъ, нѣсколько позже, въ 1793 г., напечатанную въ „Россійскомъ Театрѣ", сборникѣ пьесъ съ 1786—1795 г., куда вошли всѣ русскія драматическія произведенія, появившіяся на свѣтъ въ это время.

По догадкѣ Плетнева, и этотъ второй опытъ Крылова въ трагическомъ родѣ былъ осужденъ Дмитревскимъ на забвеніе.

Однако, знакомство съ знаменитымъ артистомъ, а также съ трагедіями современной ему литературной знаменитости, Я. Б. Княжнина, оказало свое вліяніе на Крылова.

Въ „Филомелѣ" мы видимъ трагедію, составленную по всѣмъ правиламъ классической теоріи, написанную напыщенными александрійскими стихами, съ соблюденіемъ всѣхъ трехъ пресловутыхъ *единствъ*.

Напрасно стали бы мы искать въ ней правдивости и искренности, которыми отличается его первая комедія.

Даже Лобановъ, болѣе всѣхъ критиковъ восхищенный Крыловымъ,—и тотъ безапелляціонно заявляетъ, что, по его мнѣнію, въ „Филомелѣ" „ничего путнаго нѣтъ".

Видно, что Крыловъ „ничего еще не читалъ, кромѣ Сумарокова и Княжнина,—все отзывается ими. Не рожденный первенствовать въ этомъ родѣ поэзіи, онъ ничего не обнаружилъ соб-

ственнаго, а только, увлеченный ихъ тогдашней извѣстностью, былъ ихъ отголоскомъ".

И только нѣсколько далѣе Лобановъ, какъ бы изъ приличія, оговаривается, что, несмотря на недостатки трагедіи, въ ней „много движенія и пылу".

В. Перетцъ.

Комедіи Крылова.

Крыловъ былъ первоклассный сатирикъ и, какъ баснописецъ и отчасти журналистъ, онъ обладалъ удивительно острымъ взглядомъ, который смѣшное и порочное умѣлъ выслѣживать до самаго тайника человѣческаго сердца.

При внѣшней наивности своей и хитромъ добродушіи, при явномъ консерватизмѣ міросозерцанія, онъ могъ быть строгимъ судьей своего времени, но какъ осторожный человѣкъ онъ не договаривалъ своей мысли.

О чемъ же, однако, говорилъ онъ въ своихъ комедіяхъ, столь живыхъ и остроумныхъ?

Въ концѣ XVIII-го вѣка, когда онъ писалъ своихъ „Проказниковъ" и „Сочинителя въ прихожей", онъ высмѣивалъ метромановъ и неудачныхъ сочинителей, болтуновъ и легкомысленныхъ, взбалмошныхъ женщинъ.

Онъ продолжалъ охоту за этими невинными типами и тогда, когда могъ бы поговорить о чемъ-нибудь болѣе серьезномъ.

Но двѣ самыхъ популярныхъ его комедіи—„Модная лавка" (напечатана 1807 г.—первое представленіе 1816 г.) и „Урокъ дочкамъ" (напечатана 1807 г.—первое представленіе 1816 г.) были, въ сущности, два смѣшныхъ водевиля ловко написанные.

Публику всегда очень смѣшилъ простодушный дворянинъ Сумбуровъ, степной помѣщикъ, его тяжеловѣсная жена, которая гонялась за французской модой, и дочка, которая устраивала любовныя свиданія въ модной лавкѣ подъ покровительствомъ бойкой француженки, содержательницы магазина, и русской крѣпостной Маши, ея помощницы.

Смѣшонъ былъ и крѣпостной дворовый, пьяный и глупый, который толкался на сценѣ для того, чтобы получать головомойки, впрочемъ довольно мягкія.

Въ общемъ, было *много шутокъ, смѣха, острыхъ словъ и чисто водевильныхъ положеній.*

Водевилемъ была и комедія „Урокъ дочкамъ"—удачная перелицовка Мольера, въ которой Крыловъ потѣшался надъ несчастными русскими барышнями Лукерьей и Феклой, влюбленными во все французское, жеманницами, которыхъ дурачитъ слуга Семенъ, разыгрывающій передъ ними роль эмигранта-маркиза.

Только однажды позволилъ себѣ Крыловъ написать въ драматической формѣ нѣчто болѣе злое и смѣлое. Это была его комедія „Трумфъ", общественный и политическій смыслъ которой (буде таковой имѣется) до сихъ поръ не разгаданъ.

Несторъ Котляревскій.

„Бѣшеная семья", „Проказники" и „Сочинитель въ прихожей".

На комедіяхъ Крылова вполнѣ подтверждается та истина, что чужіе недостатки легче замѣчаются, чѣмъ свои собственные, что надъ чужими недостатками легче наблюдать и осуждать ихъ, чѣмъ избѣгать своихъ.

Въ два года (1793 и 1794 гг.) онъ поставилъ на сцену три пьесы: комическую оперу *„Бѣшеная семья"* и двѣ комедіи: *„Проказники"* и *„Сочинитель въ прихожей"*—и всѣ эти пьесы отличаются больше недостатками, чѣмъ достоинствами.

Все содержаніе первой — верхъ неестественности. Четыре женщины: бабка, мать, сестра и дочь Сумбура ни съ того ни съ сего влюбляются въ одного офицера, производятъ въ домѣ содомъ, разоряются на наряды, и Сумбуръ только потому, чтобы „посѣщеніе офицера не обуло его на годъ въ лапти", женитъ онъ его на своей сестрѣ, въ которую онъ былъ влюбленъ.

Во второй совершенно случайное и ничѣмъ не мотивированное сплетеніе обстоятельствъ. Иногда для одной остроты, безъ нужды для главнаго дѣйствія, вводятся цѣлыя явленія. Дѣйствующія лица всѣ такъ глупы, что всѣ хитрости служанки оказываются совершенно излишними. Рядъ искусственно составленныхъ сценъ въ саду заключаетъ въ себѣ рядъ неестественностей: мужъ и жена, разговаривая долго, не узнаютъ другъ друга; поэтъ являет-

ся на поединокъ съ пришпиленными къ ногамъ и рукамъ эпитафіями, а докторъ съ головой, облѣпленной пластырями и т. д. Затѣмъ остается достоинство языка и нѣсколько дѣйствительно комическихъ сценъ, хотя тоже слишкомъ сильно заряженныхъ.

Наконецъ, послѣдняя пьеса, отличающаяся тѣми же недостатками, заключаетъ въ себѣ переложеніе въ драматическую форму того сатирическаго мотива, который усердно развитъ Крыловымъ въ его журнальныхъ статьяхъ,—изображеніе дамы моднаго свѣта, которая ведетъ даже записную книгу для отмѣтки въ ней часовъ прихода ея многочисленныхъ любовниковъ и для которой проматывается представитель съ мужской половины той же стороны моднаго свѣта. Замѣчательно, что къ этой комедіи можно отнести тотъ же упрекъ, какой Крыловъ высказалъ комедіи „Смѣхъ и горе": какъ тамъ дѣйствующія лица, опредѣленныя уже самимъ заглавіемъ для главнаго дѣйствія, являются въ комедіи только эпизодически, такъ и Сочинитель въ прихожей имѣетъ только внѣшнее и случайное отношеніе къ главному дѣйствію. Вообще этотъ второй драматическій опытъ носитъ на себѣ всѣ признаки неопытности въ дѣлѣ, недостаточности изученія старыхъ образцовъ въ томъ же родѣ: послѣ комедій Фонвизина естественно было бы ожидать, что такое сильное дарованіе, уже искусившееся на литературномъ поприщѣ, по крайней мѣрѣ, поднимется на высоту этихъ, безъ сомнѣнія, извѣстныхъ ему старыхъ образцовъ.

Н. А. Лавровскій.

„Модная лавка" и „Урокъ дочкамъ".

По содержанію, обѣ комедіи не заключаютъ въ себѣ ничего новаго. Въ нихъ онъ возвращается къ своему любимому историческому мотиву, *къ обличенію французскаго воспитанія*, растлѣвающаго русскіе нравы. Тогдашнія политическія обстоятельства могли послужить возбужденіемъ къ возобновленію стараго мотива въ той формѣ, которая съ наибольшею силою дѣйствуетъ на общество.

Модная лавка давно уже не давала покоя Крылову, и онъ, какъ извѣстно, возвращался къ ней весьма часто.

„Наши лавки могутъ назваться храмами вкуса и любви: ибо

въ нихъ покупаютъ у насъ модные товары и дѣлаются тайныя свиданія волокитъ и молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ иныя очень строго содержатся дома, и для того, подъ видомъ закупки уборовъ, пріѣзжаютъ онѣ къ намъ, и мы часто вводимъ ихъ къ себѣ въ комнаты, гдѣ онѣ находятъ своихъ любовниковъ, которые имъ болѣе всѣхъ уборовъ нравятся".

Именно такова была та модная лавка, на которой сосредочивается все дѣйствіе комедіи.

Сюда собираются: и Сумбурова съ дочкой, засватанной за помѣщика Недосчетова, и влюбленный въ Лизу и взаимно любимый Лестовъ, и, наконецъ, самъ Сумбуровъ, которому приглянулась хорошенькая модистка Маша.

Характеры очерчены слишкомъ яркими и густыми красками, отъ чего въ нихъ мало индивидуальности и дѣйствительной правды.

Сумбуровъ—старикъ, „привязанный къ дѣдовскимъ русскимъ обычаямъ, тогда только и счастливъ, когда побранитъ или моды, или иностранцевъ"; жена его—„степная щеголиха, лѣтъ 35 сидящая на 30-мъ году, своенравная, злая, скупая, коварная, бѣшеная"; Недосчетовъ „побывавшій въ Лондонѣ и Парижѣ и заѣзжавшій въ Европу" - безтолковый экономъ, на иностранный манеръ, который никакъ не сладитъ съ русскимъ календаремъ; Лестовъ и Лиза, представители законной страсти,—лица безцвѣтныя, какъ и слѣдуетъ по правиламъ тогдашней комедіи.

Такія рѣзкія очертанія, такая яркость красокъ, конечно, не мало ослабляли нравственное вліяніе пьесы и не могли не вредить продолжительности ея успѣха.

Въ этой комедіи, какъ и въ слѣдующей, Крыловъ не вполнѣ освободился и отъ главнаго недостатка прежнихъ своихъ комедій—отъ *внѣшняго, случайнаго и неорганическаго развитія дѣйствія.*

Самое скопленіе въ модной лавкѣ разнообразныхъ, внезапныхъ и искусственно сопоставленныхъ столкновеній невольно возбуждаетъ недоумѣніе.

Сцена найма Маши Сумбуровымъ въ деревню, повидимому, для того только и вставлена, чтобъ одолѣть въ сущности неодолимое затрудненіе—заставить его согласиться нарядить дочь изъ французской лавки, а случайно появившійся Трише, оказавшійся вдругъ прежнимъ камердинеромъ Лестова, понадобился для того, чтобы отдѣлаться отъ Недосчетова; эти двѣ случайности могли бы,

по крайней мѣрѣ, освободить комедію отъ вмѣшательства полицейскихъ чиновниковъ.

Урокъ дочкамъ направленъ противъ слѣпого и смѣшного пристрастія къ французскому языку, которымъ заражены дочери помѣщика Велькарова и отъ котораго авторъ придумалъ излѣчить ихъ посредствомъ превращенія русскаго лакея во французскаго маркиза.

Эта комедія, по большей естественности характеровъ, большей простотѣ дѣйствія и органичности его развитія, выше первой, а потому и недостатки ея не такъ рѣзко бросаются въ глаза.

Страсть къ французскому языку, очевидно, преувеличена, а потому тѣ, на которыхъ мѣтилъ авторъ, могли не такъ ясно разглядѣть себя въ его карикатурахъ.

Несмотря на эти недостатки, обѣ комедіи такъ далеко отстоятъ отъ прежнихъ комедій Крылова, что трудно повѣрить, что ихъ раздѣляетъ только періодъ, хотя и продолжительный, полнѣйшаго бездѣйствія Крылова въ литературѣ.

Лежащая въ ихъ основаніи патріотическая мысль и то дѣйствіе, которое онѣ должны были производить на общество, были большою заслугою Крылова.

Достоинства ихъ, которыми и объясняется ихъ успѣхъ на сценѣ, заключаются въ обработкѣ отдѣльныхъ, дѣйствительно комическихъ сценахъ, въ ловкихъ и неожиданныхъ комическихъ сопоставленіяхъ, *въ живомъ и бойкомъ разговорѣ, безукоризненномъ языкѣ*.

Сцена встрѣчи горничной Даши съ женихомъ Семеномъ, вымогательства отъ послѣдняго французскаго языка барышнями, сцена открытія хитрости Семена и др., дѣйствительно прекрасны и должны были производить большой эффектъ на сценѣ.

Характеръ старой русской няни вполнѣ вѣренъ и привлекателенъ; въ ея просьбѣ барину, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, не вдругъ приневоливалъ барышень къ французскому языку, потому что, можетъ-быть, и натура ихъ не терпитъ этого языка, вовсе нѣтъ преувеличенія.

Недостатковъ же комедій тогдашняя публика не сознавала ясно и вообще не отличалась въ этомъ отношеніи взыскательностію.

Н. А. Лавровскій.

Развитіе таланта и воззрѣній Крылова отъ сатирическихъ журналовъ къ баснѣ.

Все, что только написалъ Крыловъ въ прозѣ въ „Почтѣ Духовъ“ (1789 г.), „Зрителѣ” и „С.-Петербургскомъ Меркуріи“, я бы позволилъ себѣ назвать обширнымъ *прологомъ къ художественнымъ его баснямъ*, прибавивъ къ нему и двѣ комедіи, которыя, сравнительно съ другими, можно назвать лучшими („Модная лавка”, „Урокъ дочкамъ”).

Эти прозаическія статьи почти всѣ до одной характера *сатирическаго;* въ нихъ, изучающій Крылова, прежде всего желаетъ знать, какъ авторъ двухъ трагедій, принимаясь за сатирическіе журналы, смотритъ на поэзію положительнаго и отрицательнаго характера.

Посѣщая, какъ страстный любитель, недавно открытый народный театръ, Крыловъ, вѣроятно, обращалъ вниманіе на ту надпись, которую зрители могли читать на занавѣсѣ: „Польза отъ слезъ и смѣха”. Не изъ подражанія, разумѣется, а по сходству въ пониманіи и Крыловъ также думалъ: и онъ высказывалъ такой же положительный, чисто русскій взглядъ на искусство и на трагедію и на комедію въ особенности. Иронически потакая свѣтскому предразсудку, въ одномъ разговорѣ онъ выводитъ актера, какъ шута, и вотъ какъ надѣляетъ его своимъ оригинальнымъ умомъ и остроумными замѣчаніями:

— Быть народнымъ шутомъ! Это очень тягостно!

— Напротивъ того, весело. Лучше заставлять народъ смѣяться или принимать участіе въ мнимой своей печали, нежели заставлять его плакать худыми съ нимъ поступками. Есть шуты, которые очень дорого стоятъ народу, но мало его забавляютъ; а мы изъ числа тѣхъ, которымъ цѣна назначается отъ самихъ зрителей, по мѣрѣ нашего дарованія и прилежанія, а не происками и не по знатности покровителей; сверхъ же того, мы изъ числа тѣхъ шутовъ, которые не подвержены пороку публичной лести; мы и предъ самими царями говоримъ, хотя не нами выдуманную, однакожъ истину; между тѣмъ какъ вельможи, не смѣя предъ ними раскрывать философическихъ книгъ, „читаютъ только оды и надутыя записки о побѣдахъ“.

Въ томъ же разговорѣ Крыловъ выражаетъ совершенно своеобразныя понятія о сущности сатирическихъ сочиненій; особенно старается онъ поставить на видъ *благотворное ихъ вліяніе на*

очищеніе общественной нравственности, и при этомъ высказываетъ ту справедливую мысль, что честная сатира, чуждая недостойныхъ личныхъ побужденій, самая лучшая помощница цивилизующаго правительства; она можетъ гораздо вѣрнѣе достигать своихъ благородныхъ цѣлей: „комедіантъ не имѣетъ случая сдѣлать несправедливаго суда, угнетать какимъ-нибудь откупомъ цѣлый городъ, проманивать по 20 лѣтъ бѣдныхъ просителей, не дѣлая ничего и живя ихъ имѣніемъ. Онъ можетъ поправить тѣ часто злоупотребленія, до которыхъ не достигаютъ законы, и которыя приносятъ государству болѣе вреда и разоренія, нежели самые хищные откупщики".

Далѣе видно, что Крыловъ измѣняетъ трагедіи и явно предпочитаетъ сатирическій родъ сочиненіямъ важнаго характера; онъ самъ принимается за торжественныя оды, а между тѣмъ смотритъ на нихъ не только безъ сочувствія, но даже готовъ преслѣдовать идеальную, т.-е. реальную поэзію.

Писать сатиру значитъ, по его мнѣнію, уловлять порокъ, и даже указывать на мелочи, чтобъ порицаемый могъ узнать себя; въ одѣ, напротивъ, можно нанизать сколько угодно похвалъ и поднести любому изъ вельможъ, „и нѣтъ визиря, который бы описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы. Ода, какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу".

Точно также нападаетъ онъ и на идиллію, ставя противъ вымышленнаго пастуха золотого вѣка дѣйствительнаго пастуха, горькаго бѣдняка, загорѣлаго отъ солнца, заметаннаго грязью, безъ свирѣли и безъ пастушки, потому что дѣйствительная-то пастушка, т.-е. жена этого горемыки, отправилась въ городъ продать возъ дровъ и послѣднюю курицу, чтобы прикрыть себя чѣмъ-нибудь и не замерзнуть отъ холода.

Въ заключеніе авторъ даетъ себѣ слово не судить о счастіи поселянъ „по описанію стихотворцевъ".

Ознакомившись съ положительнымъ, фактическимъ взглядомъ на искусство, замѣтивъ его явную симпатію къ поэзіи отрицательнаго характера, доходящую до несправедливаго пристрастія къ литературѣ противоположнаго направленія, посмотримъ, что онъ нашелъ дурного въ современномъ обществѣ.

Во-первыхъ. Онъ видитъ, что лучшее, или такъ называемое высшее образованное общество—*совсѣмъ не русское;* оно рабски благоговѣетъ предъ иностранцами, особенно передъ французами, и

старается болѣе всего о томъ, какъ бы уподобиться этимъ благодѣтелямъ Россіи *):

„Французы растолковали намъ, что у насъ нѣтъ ничего необходимаго, и мы устыдились своего невѣжества. Насъ стали возить въ ящикѣ, какъ деревенскіе мужики возятъ куръ на продажу; мы посыпали голову мукой и думаемъ, что стали просвѣщеннѣе европейцевъ. Насъ посвятили въ тайны—превращать куля четыре муки въ посредственную англійскую шляпку и не менѣ кулей 10 на простыя серебряныя на ногахъ пряжки. Этого мало, насъ научили и людей превращать въ модные товары. Вельможа, украшенный драгоцѣнными бездѣлицами, внушаетъ великое о себѣ мнѣніе иностранцамъ; правда, отъ этого *русскіе мужики умираютъ иногда съ голоду,* но это бездѣлица... вотъ французъ—другое дѣло: что бы онъ ни натворилъ, не потеряетъ въ Россіи уваженія: за что тамъ пошлютъ его на галеры, за то у насъ назовутъ острякомъ. Особенно хорошо танцмейстеру: его принимаютъ лучше, чѣмъ заслуженнаго офицера.. да и такъ и слѣдуетъ, потому что въ просвѣщенномъ свѣтѣ хорошія ноги въ бóльшемъ уваженіи, нежели толовы. Французы—истинные мастера разорять Россію модными товарами, рукодѣльемъ, особенно чесаніемъ волосъ и и учительствомъ. Они воспитываютъ нашихъ дѣтей не для отечества, а собственно для себя, и плоды прекрасные: съ тѣхъ поръ какъ взяли подъ свое покровительство наше юношество, всякая наша дѣвушка вь 15 лѣтъ становится хитрѣе своей матушки и, смѣясь надъ скучнымъ предразсудкомъ бабушекъ, не останавливается передъ совѣстію“.

Нарочно останавливаюсь на послѣднемъ тяжеломъ мѣстѣ: соціальный порокъ и та правда, которая слишкомъ больно колетъ глаза родителямъ и, надо признаться, смущаетъ читателя, далеко не такъ ядовита, а между тѣмъ еще поразительнѣе будетъ изображена въ оригинальной баснѣ, въ высшей степени художественной: „Кукушка и Горлинка”.

Въ этой аллегорической картинѣ превосходно объяснены непочтеніе и нелюбовь дѣтей къ родителятъ, ввѣрявшимъ ихъ наемникамъ: Горлинка на жалобу Кукушки, которая клала яйца въ чужія гнѣзда отвѣчаетъ:

Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?

Едва ли есть у Крылова другая басня, которая была бы исполнена такой ноподражаемой граціи, и притомъ задумана такъ творчески-вѣрно, какъ „Горлинка и Кукушка”. Кто найдетъ въ природѣ, особенно въ царствѣ животномъ, настоящей родинѣ бас-

---

*) Примѣры эти сведены изъ разныхъ мѣстъ.

ни, другой лучшій примѣръ для изображенія безпечности родителей? Крыловъ, вскормленный народными поэтическими преданіями, указалъ именно на ту птицу, которая и гнѣзда для дѣтей не имѣетъ!

Всѣ эти плачевные образцы невѣжества, грубаго понятія о воспитаніи, неумѣнья уважать свое нравственное достоинство, вызывавшіе глубокое негодованіе честнаго писателя, превратятся потомъ въ самыя художественныя картины.

Онъ олицетворитъ потомъ тѣ же самыя мысли въ образѣ „Змѣи", которая приползла къ крестьянину съ предложеніемъ нянчить дѣтей.

Въ другой баснѣ нагляднымъ и вѣрнымъ сравненіемъ Крыловъ представляетъ слѣдствія дурныхъ внушеній: если разъ не усмотришь, какъ что-нибудь вредное войдетъ въ душу питомца, то послѣ, хватай онъ звѣзды съ неба, а въ поступкахъ и дѣлахъ будетъ отзываться, какъ „Бочка" виномъ.

Воспитаніе льва есть живописное изображеніе главной науки государей — знать свойства управляемаго народа и блюсти выгоды отечества.

Сюда же можно отнести басню: „Червонецъ", который отъ слишкомъ усерднаго тренія о кирпичъ и всякія полирующія вещи теряетъ свой природный вѣсъ и цѣнность.

Во-вторыхъ. Въ современномъ русскомъ обществѣ Крыловъ выставляетъ на видъ и неумолимо преслѣдуетъ *неуваженіе къ человѣческому достоинству, непризнаніе истинныхъ заслугъ, величаніе знатностію рода, высокомѣріе и барскую спесь.*

„Сколько ни бредятъ философы, что мы братья и дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи. Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели; если это правда, то тутъ не вина благородныхъ, а вина природы. Къ стыду ея и сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ, дворянинъ отъ мужика, и не прибавила намъ ни одного пальца, въ знакъ нашего преимущества предъ крестьяниномъ? Неужели она болѣе печется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И мы должны привѣшивать шпагу, съ которою бы, кажется, надлежало намъ родиться. Вотъ болѣе 300 лѣтъ прошло, какъ въ родѣ Звениголова появился добродѣтельный и разумный человѣкъ, который надѣлалъ такъ много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи его не были уже болѣе нужны такія явленія... наконецъ появился Звениголовъ; онъ еще не зналъ, что̀ онъ такое, но уже благородная душа его чувствовала выгоды своего рожденія, и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ. Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь, сказалъ восхищен-

ный отецъ, онъ еще не знаетъ толкомъ приказывать, но учится уже наказывать; по этому можно отгадать, что онъ благородной крови!"

Сколько такихъ встрѣчъ понадобилось автору, сколько ощущеній нужно было ему пережить, сколько образовъ лелѣяла его фантазія пока, наконецъ, (1811) цѣлое поколѣніе, пораженное блестящимъ живописнымъ разсказомъ и художествомъ драматизма не начало повторять въ слѣдъ за Крыловымъ:

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать.

Въ-третьихъ. Крыловъ *обнажаетъ и безпощадно преслѣдуетъ взяточничество*, порокъ еще старой Руси, но и при немъ повсемѣстный, и притомъ едва ли не болѣе всѣхъ ему знакомый, потому что съ ранняго возраста онъ встрѣчался съ нимъ лицомъ къ лицу въ землѣ нашей, великой и обильной, въ самыхъ мелкихъ и въ самыхъ крупныхъ видахъ и во всемъ разнообразіи, въ соединеніи съ заискиваніемъ у низшихъ и съ угодливостію высшимъ. Вотъ письмо взяточника—судьи: онъ журитъ племянника за слишкомъ частое употребленіе буквы ѣ, двоеточій, запятыхъ и точекъ, пожалуй, скажутъ, не кстати умничаетъ. „Съ чего ты взялъ бросать службу. Да знаешь ли, что твой дѣдъ нажилъ болѣе 40,000 рублей; твой отецъ пріобрѣлъ большой каменный домъ въ четыре этажа. Да и ты, мой свѣтъ, доколѣ я тебя изъ этой саужбы не вытащу, или не будь надъ тобой мое благословеніе; а ты знаешь, что этимъ шутить дурно".

„Низко ходить на поклонъ къ своему судьѣ! Да я, братъ, да и выросъ въ прихожей у своихъ командировъ; зато теперь и у себя въ прихожей людей выращиваю. Учтивость, мой другъ, шеи не вывихнетъ, а гордымъ и Богъ противится. Велика бѣда въ праздникъ сходить на поклонъ. Къ обѣднѣ, скажешь ты мнѣ.—Къ обѣднѣ, другъ мой, успѣешь и отъ начальника, а если некогда будетъ, то Богъ не взыщетъ: Онъ до насъ милостивъ и не прогнѣвается, если иногда прогуляешь обѣдню; а совѣтникъ станетъ сердиться, и можетъ за это отомстить".

Весьма замѣчательно, что на обличеніе этого закоренѣлаго порока Крыловъ написалъ самое большое количество басенъ. Если взять всѣ эти басни, поставить ихъ цѣлымъ рядомъ картинъ, отнять у нихъ забавный тонъ и веселую, игривую форму, уничтожить всѣ аллегоріи, превратить дѣйствующія лица въ людей, то невозможно будетъ смѣяться; внезапно вы будете поражены ужас-

ною картиною *неправосудія, грабительства, безправій, продажности, обмановъ:* вотъ бѣдные крестьяне пришли къ „Большой рѣкѣ” съ жалобой на ручьи и ручейки, и вдругъ видятъ, что половину расхищеннаго ихъ добра нáбольшая-то Рѣка несетъ на себѣ; а тамъ могучій Левъ разрываетъ на части добычу, налагаетъ лапу на всѣ четыре и грозитъ смертію тому, кто посмѣетъ итти противъ его силы. Посмотрите на этого беззащитнаго Ягненка, котораго сейчасъ растерзаютъ: онъ виноватъ даже тѣмъ, что Волку захотѣлось кушать. Всѣмъ извѣстно, что овцы не ѣдятъ мясного, но послушайте, какъ судья-Лиса, наведя справки, читаетъ приговоръ за съѣденіе куръ:

Казнить овцу
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.

Тамъ благодушный Слонъ-воевода строго-на-строго приказываетъ всѣмъ... что же? Не брать съ овецъ одной шкуры! Здѣсь звѣри собрали дань Льву, и каждый сумѣлъ сдѣлать изъ нея запасъ на зиму. Какая горькая иронія слышится въ рѣшеніи закона: Овца властна схватить за шиворотъ обидчика Волка и представить его въ судъ! Здѣсь плотоядные звѣри, каясь въ грѣхахъ во время чумы, приговариваютъ Вола къ сожженію на кострѣ, а онъ согрѣшилъ меньше всѣхъ: только взялъ у попа съ воза небольшой клокъ сѣна. Тутъ слабая власть въ лицѣ повара безъ умолку разглагольствуетъ и увѣщеваетъ вора-Кота, а онъ подъ эту брань успѣлъ уже съѣсть все жаркое. Вотъ бѣжитъ Лиса и жалуется, что ее прогнали за взятки, тогда какъ она отъ усердія къ службѣ и не доѣдала и не досыпала; а въ этой теплой берлогѣ сосетъ лапу Медвѣдь, падкій къ меду и ждетъ погоды. Здѣсь строгіе судьи приговорили вора къ позорной казни; „этого мало”, говоритъ прокуроръ-Лиса, „утопить Щуку и бросить ее въ рѣку!” Тутъ раздается крикъ: это Волкъ, скликающій народъ: онъ увидѣлъ мышенка, утащившаго косточку, и кричитъ „караулъ”, а самъ съѣлъ почти цѣлую овцу. Савва, пастухъ изъ опальныхъ поваренковъ, въ горькой кручинѣ жалуется міру на страшнаго волка, который терзаетъ овецъ, а потомъ оказалось, что овецъ-то ѣлъ Савва. Всѣ хвалятъ Лису-строителя за огражденіе отъ воровъ, а куры между тѣмъ исчезаютъ. Тутъ самъ левъ поймалъ похитителя на мѣстѣ преступленія: онъ жаритъ рыбъ, и тѣ прыгаютъ на сковоро-

дѣ, но виновникъ нагло увѣряетъ: „Рыбы пляшутъ отъ радоси, что видятъ царя звѣрей!“

Кажется, очевидно, что отъ такихъ объективныхъ описаній, аллегорическихъ картинъ и забавныхъ разсказовъ становится гораздо страшнѣе, нежели отъ всей „Почты Духовъ“, отъ „Зрителя”, отъ „С.-Петербургскаго Меркурія” и отъ всѣхъ комедій Крылова.

Чтобы сколько-нибудь успокоить возмущенное нравственное чувство, невольно спрашиваете вы: кто же спасется въ этой кромѣшной тьмѣ беззаконій и войдетъ въ рай? Только одинъ нищій духомъ, тотъ сатрапъ, который жилъ растительною жизнію: пилъ, ѣлъ и спалъ и только подписывалъ все, что ни подавалъ ему секретарь!

Наконецъ, сатирическія статьи, названныя нами прологомъ къ баснямъ, сами по себѣ, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны представляютъ фазисы въ развитіи поэтическаго таланта Крылова.

Въ первомъ значеніи онѣ отличаются *крайне рѣзкимъ тономъ, безпощадностію обличенія и очевиднымъ преувеличеніемъ.* На первомъ планѣ личное чувство автора: онъ не столько занятъ изображеніемъ предметовъ, сколько изліяніемъ собственныхъ ощущеній, которыя они возбуждаютъ въ немъ; читателя не столько поражаетъ вѣрная картина пороковъ, сколько негодованіе самого сатирика, ѣдкая его насмѣшка, иногда *аттическая иронія и ядовитый сарказмъ:*

„Чѣмъ болѣе живу между людьми, тѣмъ больше кажется мнѣ, будто я окруженъ безчисленнымъ множествомъ куколъ, которыхъ самая малая причина заставляетъ прыгать, кричать, плакать и смѣяться. Знатная барыня заплачетъ— и въ ту же минуту всѣ лица вокругъ нея сморщатся; большой баринъ улыбнется—и вдругъ собранныя вокругъ его машинки на красивыхъ каблучкахъ начинаютъ хохотать во все горло. Никто не дѣлаетъ ничего по своей волѣ, но всѣ какъ будто на пружинахъ, которыми движутъ такія же машины: „свѣтская благопристойность, шекотливая честь, обряды и моды“. Воззрѣнія эти на жизнь и людей возвышаются иногда до мрачнаго, трагическаго паѳоса: „всѣ жалуются, всѣ толкуютъ, что жить нечѣмъ: у всѣхъ недостатокъ въ необходимости“, и всѣ говорятъ, что будто приближается послѣдній вѣкъ; а я такъ думаю, что свѣта преставленіе давно уже было, и что люди всѣ померли, а остались однѣ только машины, которыя думаютъ, будто онѣ дѣйствуютъ“...

Въ 1792 г. Крыловъ почти отступается отъ сатиры, точно такъ какъ нѣкогда оставилъ онъ трагедію; вотъ почему нельзя не обратить вниманіе на высказанную имъ мысль: „пиши такъ, что-

бы всякій улыбался, читая твои писанія, иные бы краснѣли, но чтобы на тебя не сердился никто: это-то и есть искусство сатиры",

Здѣсь Крыловъ начинаетъ уяснять собственный свой талантъ: *вмѣсто личныхъ чувствъ—осмѣянія слабостей и негодованія къ пороку*—что и составляетъ сущность сатиры—онъ уже стремится стать *въ положеніе живописца*, котораго бы не видно было за картиной, требуетъ *описанія*, т. е. вѣрнаго изображенія дѣйствительности, а не изліяній душевныхъ.

Итакъ, съ внутренней стороны, мы видимъ не только *переходъ отъ лирическаго вдохновенія, отъ выраженія личныхъ чувствъ къ эпическому изображенію явленій жизни*, но и постепенное движеніе таланта къ уразумѣнію истиннаго своего назначенія.

Уже въ басняхъ, и только тамъ, Крыловъ высказываетъ съ совершенною ясностію, какое настроеніе души необходимо ему для того, чтобы геній его могъ принять смѣлый полетъ и явиться во всей полнотѣ, во всей силѣ поэтическаго творчества.

Это сознаніе онъ высказалъ, когда уже написалъ почти 90 басенъ и когда онъ, можно сказать, царствовалъ уже въ этой области поэзіи, именно—въ трехъ знаменательныхъ словахъ эпилога „Волкъ и Лисица" (1816 г.):

Истина сноснѣе вполоткрыта.

Не даромъ ихъ написалъ на портретѣ профессоръ Волковъ, изобразившій Крылова на 44-мъ году жизни, въ моментъ эпическаго вдохновенія, глубоко спокойнаго созерцанія явленій жизни, которыя шумною, разнообразною толпою несутся мимо, отражаясь на зеркальной поверхности его невозмутимой фантазіи. На этомъ лицѣ, вдохновленномъ олимпійски-спокойно, художникъ изобразилъ всю сущность, весь характеръ поэзіи Крылова, изобразилъ именно такъ, какъ долженъ опредѣлить ихъ ученый критикъ.

Г. Селинъ.

Первая басня Крылова.

(„Дубъ и трость").

По времени появленія въ печати это первая басня *Крылова* Еще въ 1781 г., на четырнадцатомъ отъ рожденія, онъ испробовалъ свои силы въ этомъ родѣ поэзіи — перевелъ одну б. изъ *Ла Фонтена*; знатоки того времени и между прочими *И. И. Бецкій* хвалили этотъ переводъ.

Съ тѣхъ поръ онъ посвящалъ свою дѣятельность преимущественно театру и только въ 1805 г., когда ему было 37 лѣтъ, снова обратился къ баснѣ: „перечитывая *Ла Фонтена*, онъ вдругъ почувствовалъ желаніе передать нѣкоторыя изъ его басенъ своимъ языкомъ русскому народу".

И. И. Дмитріевъ первый радушно привѣтствовалъ будущаго великаго баснописца: „Это истинный вашъ родъ", сказалъ онъ ему: „наконецъ вы нашли его".

Эти басни были: „Дубъ и Тростъ" и „Разборчивая Невѣста", напечатанныя въ „Московскомъ Зрителѣ", изд. кн. *П. Шаликовымъ*, 1806 г. ч. I, стр. 73, подъ общимъ заглавіемъ: „Двѣ басни для С. К. Бкндрфвой", съ полною подписью и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: „Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И* И* Д*: Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то удовольствіе, которое онѣ принесли ему . . . Имя любезнаго поэта обрадуетъ конечно и читателей моего журнала такъ, какъ обрадовало меня".

„Всего замѣчательнѣе, говоритъ *М. А. Дмитріевъ* въ своей статьѣ: „Мелочи изъ запаса моей памяти" („Москвитянинъ", 1854. Мартъ, № 6. кн. 2, стр. 92), что одна изъ этихъ басенъ была „Дубъ и Трость", въ которой *Крыловъ* (переводя ее послѣ Дмитріева) именно вступалъ съ нимъ въ соперничество".

Въ „Московскомъ Зрителѣ" „Дубъ и Трость" напечатана въ такомъ видѣ:

Тростинкѣ какъ-то Дубъ изволилъ сдѣлать честь—
Съ ней разговоръ завесть. — [1]

---

[1] У *Ла Фонтена*: „Le chêne un jour dit au roseau. — Измѣнить этотъ простой стихъ *Крылову*, вѣроятно, подало поводъ выраженіе *Дмитріева*: „Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры", которымъ первый переводчикъ желалъ съ самаго начала опредѣлить отношеніе между дѣйствующими лицами.

„Куда тебя обидѣла Природа!
(Онъ началъ) вѣдь тебѣ овсянка ужь тяжка; [2]
Чуть мелкой рябью лишь погода
Подернетъ по водѣ слегка,
Нагнешься такъ ты сиротливо!.. [3]
Не такъ, какъ я! Чело подъемля горделиво
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазурь:
Спокойно вѣтви тамъ мои распространяю,
Долинамъ цѣлымъ здѣсь я солнце заслоняю
И посмѣваюся порывамъ злѣйшихъ бурь; [4]
Я наслаждаюсь тихимъ миромъ
Среди стихiйныя войны . . .
Какъ розно мы съ тобой сотворены!
Тебѣ все бурей — мнѣ все кажется зефиромъ. [5]
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Моей тѣнiю покрытой:
Отъ вѣтровъ и отъ бурь я бъ былъ тебѣ защитой! [6]
Но васъ природа разнесла

---

[2] У *Ла Фонтена*: Un roitelet pour vous est un pesant fardeau. У *Дмитрiева*: Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей.

[3] Эти три стиха ближе къ *Ла Фонтену*, чѣмъ *Дмитрiева*; у перваго:

Le moindre vent qui d'aventure
Fait rider la face de l'eau
Vous oblige à baisser la tête.

[4] Этотъ и предыдущiй стихи у *Ла Фонтена*:

Non content d'arrêter les rayons du soleil,
Brave l'effort de la tempête.

[5] У *Ла Фонтена*: Tout vous est aquilon, tout me semble zéphyr. У *Дмитрiева*: Все для меня зефиръ, тебѣ жъ все аквилонъ.

[6] У *Ла Фонтена*: Encor si vous naissiez à l'abri du feuillage

Dont je couvre le voisinage,
Vous n'auriez pas tant à souffrir:
Je vous défendrais de l'orage.

3-й изъ приведенныхъ стиховъ опущенъ и у *Дмитрiева*, который эту мысль передаетъ такъ:

Блаженна-бъ ты была, когда-бъ росла со мною:
Подъ тѣнiю моей густою
Ты-бъ не страшилась бурь . . .

По влажнымъ берегамъ Эолова владѣнья: [7]
Конечно, въ ней о васъ ни мало нѣтъ радѣнья!" — [8]
„Ты очень жалостливъ" [9] — сказала Трость въ отвѣтъ —
„Однако не крушись! [10] мнѣ столько худа нѣтъ;
Не за себя я вихрей опасаюсь —
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь: [11]
А ты еще во вѣкъ не уклонялъ лица,
Какъ сдерживалъ порывы ихъ ужасны;
Погнуть тебя досель всѣ силы ихъ напрасны! [12]
Но подождемъ конца", — [13]
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
Взвивая пыль столбомъ, ревущій Аквилонъ. [14]
Уперся Дубъ; къ землѣ Тростиночка припала; — [15]
Бунтуетъ вѣтръ, — удвоилъ силы онъ
И вырвалъ съ корнемъ вонъ

---

[7] У *Ла Фонтена*: Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.

Стихи *Крылова* болѣе приближаются къ стихамъ *Дмитріева*:

. . . . но рокъ тебѣ судилъ
Расти ма мѣстѣ злачна дола
На топкихъ берегахъ владычества Эола.

[8] У *Ла Фонтена*: La nature envers vous me semble bien injuste.

[9] У *Дмитріева* такъ же.

[10] У *Ла Фонтена*: . . . . mais quittez ce souci.

[11] У *Ла Фонтена*: Je plie, et ne romps pas.

[12] У *Ла Фонтена*: . . . . . Vous avez jusqu'ici
Contre leurs coups épouvantables
Résisté sans courber le dos.

[13] У *Ла Фонтена*: Mais attendons la fin. У *Дмитріева* то же.

[14] Наступленіе грозы у *Ла Фонтена* изображено нѣсколько иначе:

. . . . Comme il disait ces mots,
Du bout de l'horizon accourt avec furie
Le plus terrible des enfants
Que le nord eût portés jusque-là dans ses flancs.

[15] У *Ла Фонтена*: L'arbre tient bon; le roseau plie. У *Дмитріева*: Трость гнется — Дубъ стоитъ.

Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался. [16]

Въ 1808 году „Дубъ и Трость“ снова была напечатана въ „Драматическомъ Вѣстникѣ" (часть 1, № 2, стр. 22, съ подписью *К.*). Здѣсь находимъ только двѣ незначительныя перемѣны: въ 14 стихѣ устарѣлая форма *стихійныя* замѣнена—*стихій* и 27 стихъ читается такъ: А ты, — такъ ты еще не уклонялъ лица.

Въ первомъ изданіи басенъ *Крылова* (1809 г.) находимъ новыя перемѣны: вм. 3-го стиха: Какъ мало о тебѣ заботится природа; въ 8-мъ стихѣ: вм. *Не такъ какъ я* — Тогда какъ я; вм. 19-го стиха: То былъ бы я тебѣ защитой; въ 25 стихѣ: . . . всѣ силы собралъ онъ.

Въ изданіи 1811 г. „Дубъ и Трость" подверглась болѣе значительнымъ перемѣнамъ: въ 10 ст. вм. *тамъ* — вкругъ; вм. 11 ст. Отъ солнца цѣлыя долины заслоняю; вм. 13 и 14 ст.

Какъ-будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ
Стою неколебимъ среди стихій войны;

въ 21 ст. вм. *берегамъ* — рубежамъ;

Въ изд. 1815 г. второй изъ приведенныхъ стиховъ:

Ни вихремъ, ни грозой стою неколебимъ.

вм. 15 ст. Какъ розенъ жребій мой съ твоимъ; въ 21 ст. По тинистымъ берегамъ . . . ; въ 27 ст. А ты хотя еще . . . ; въ 28 ст. вм. *ихъ* — бурь; вм. 29 ст. И всѣ усилья ихъ погнуть тебя . . ; въ 35 ст. вм. *бунтуетъ* — бушуетъ.

Въ изд. 1819 года не находимъ никакихъ перемѣнъ сравнительно съ предыдущимъ.

При изданіи 1825 года *Крыловъ* совершенно переработалъ свой первый переводъ.

---

[16] Послѣдніе 4 стиха составляютъ весьма близкій переводъ слѣдущюихъ стиховъ *Ла Фонтена*:

Le vent redouble ses efforts,
Et fait si bien qu'il déracine
Celui de qui la tête au ciel était voisine,
Et dont les pieds touchaient à l'empire des morts.

Семь передѣлокъ его сохранились въ рукописяхъ, принадлежащихъ г. *Савельеву*; одна изъ нихъ написана карандашемъ, который отъ времени почти совершенно стерся; другая, хотя и написана чернилами, но такъ неразборчиво, что трехъ строкъ вовсе нельзя прочитать; въ ней поэтъ остановился на словахъ: „хоть я и гнусь, но не ломаюсь"; третья также доведена до словъ: „но подождемъ конца". Остальныя четыре совершенно полны.

Приводимъ вполнѣ редакцію 1825 года, а въ выноскахъ варіанты по рукописямъ и изданіямъ; въ приложеніи же для удобнѣйшаго сравненія помѣщаемъ всю басню *Ла Фонтена*.

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ. [a]
Поистинѣ роптать ты въ правѣ на природу, [b]
Сказалъ онъ: воробей, [c] и тотъ тебѣ тяжелъ. [d]
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть. [e]
Межъ тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, гордѣливо,
Не только солнца я препятствую лучамъ, [f]

---

[a] Дубъ съ Тростью нѣкогда такую рѣчь завелъ (рукоп.).
— Дубъ нѣкогда съ Тростинкой рѣчь завелъ.

[b] Поистинѣ пенять ты можешь на природу. [c] . . . снигирь . . . .

[d] . . . . ты такъ тонка, мала, хила,
Что для тебя овсянка тяжела.

[e] Едва лишь легкой рябью воду
Подернетъ вѣтеръ въ непогоду,
Нагнешься ты такъ сиротливо!
— Въ легкую погоду
Едва отъ вѣтерка начнетъ вода рябить
Нагнешься . . . .
— И въ легкую погоду
Едва вода начнетъ рябить,
Ты такъ нагнешься . . . .

[f] . . . . гордѣливо
Я взношу главу въ небесную лазурь,
Спокойно вѣтви здѣсь распространяю
И солнце заслоняю.

Но, посмѣваяся и вихрямъ и грозамъ,
Стою и твердъ и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все бурей, — мнѣ все кажется зефиромъ. [g]
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнью вѣтвей моихъ покрытой,
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой; [h]
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела
Брега бурливаго Эолова владѣнья: [i]
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья. [k]
Я вижу, какъ ты добръ, [l] сказала Трость въ отвѣтъ.
Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Я гнусь, [m] но не ломаюсь;
И [n] бури мало мнѣ вредятъ;
Едва не болѣе ль [o] тебѣ онѣ грозятъ! [p]

— Я, возносясь главой до тучъ,
Не только солнечный остановляю лучъ,
Но, будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ,
При вихряхъ и грозахъ стою и твердъ и прямъ,
Всю ярость презирая ихъ.

g Послѣ этого стиха:—Какъ розна жизнь моя съ твоей.

h Тебѣ бы могъ быть покровомъ и защитой.
— Отъ бурь былъ я тебѣ защитой.

i Но вамъ, какъ на бѣду, природа отвела
Брега Эолова владѣнія бурлива.
— Но вамъ рости природа отвела . . .

k Признаться, къ вамъ она совсѣмъ несправедлива.

l Ты очень жалостливъ (изъ. 1830). m Хоть я и гнусь.

n Такъ . . . o Едва ль не болѣе . . .

p Я вижу, Трость на то сказала: съ доброты
Такъ живо выразилъ межъ нами всю разность ты;
Но сожалѣнія твои напрасны:
Мнѣ менѣе, чѣмъ тебѣ, набѣги бурь опасны:
Хоть я гибка,
Но не ломка.
— Я вижу, съ доброты
Такъ живо выразилъ межъ насъ всю разность ты,
Трость Дубу отвѣчаетъ:
Но жребій мой тебя напрасно огорчаетъ;
Подумай лучше о себѣ.

То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость [ч]
Твою не одолѣла крѣпость
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но подождемъ конца!
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ и съ дождемъ шумящій [г] аквилонъ.
Дубъ держится,—къ землѣ Тростиночка припала,
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался. [1]

Такимъ образомъ переводъ, сдѣланный въ 1806 году, *Крыловъ* обработалъ окончательно только въ 1830; при этомъ должно

А мнѣ чего робѣть? Благодарю судьбинѣ:
Легко погнуть меня — за то я не ломаюсь.
— Я вижу, Тростиночка сказала: съ доброты
Такъ живо выразилъ межъ насъ всю разность ты.
Но сожалѣніе твое напрасно:
Хоть я и гнусь,
Но не ломаюсь.
— Я чувствую ко мнѣ твою всю доброту,
Трость Дубу отвѣчала.
. . . .
Тебѣ едва ли вѣтръ не болѣе угрожаетъ,
Чѣмъ мнѣ: хотя и гнусь,
Но не ломаюсь.

ч То правда, ты еще не уклонялъ лица,
Какъ вѣтры здѣсь бушуя выли;
Тебя погнуть всѣ ихъ порывы тщетны были;
Но подождемъ конца (рукоп.).

г . . . ревущій.

---

[1] Басня, говоритъ *Измайловъ*, есть поэма; слѣдовательно всѣ стихотворные обороты, всѣ почти риторическія украшенія, тропы и фигуры могутъ имѣть въ ней мѣсто. Надобно только употреблять ихъ съ особеннымъ искусствомъ и благоразуміемъ, смотря по важности предмета и по тому, самъ ли въ баснѣ говоритъ сочинитель, или животныя и другія актеры“. Какъ образецъ такого искуснаго употребленія риторическихъ украшеній онъ проводитъ послѣдніе три стиха (*Соч.* т. II, стр. 678).

замѣтить, что послѣдняя редакція гораздо ближе къ *Ла Фонтеновой* баснѣ, чѣмъ первая.

Ла Фонтенъ заимствовалъ эту басню у Эзопа, у котораго она носитъ заглавіе: „Трость и Олива" (переводъ *Мартынова*, № 142); уже *Ла Фонтенъ* замѣнилъ Оливу Дубомъ и озаглавилъ басню: „Le Chène et le Roseau" (l. I, f. XXII).

Изъ русскихъ писателей переводили ее: *Сумароковъ* (кн. I, притча 5), *Княжнинъ* („Сочиненія", изд. Смирдина, 1848 г. II, стр. 537), и *Дмитріевъ* (кн. I, б. 1) подъ тѣмъ же заглавіемъ: „Дубъ и Трость".

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Le Chêne et le Roseau.

(*Ла Фонтена*).

Le chêne, un jour, dit au roseau:
„Vous avez bien sujet d'accuser la nature;
Un roitelet pour vous est un pesant fardeau:
Le moindre vent qui, d'aventure,
Fait rider la face de l'eau,
Vous oblige à baisser la tête;
Cependant que mon front, au Caucase pareil,
Non content d'arrêter les rayons du soleil,
Brave l'effort de la tempête,
Tout vous est aquilon, tout me semble zéphyr.
Encor si vous naissiez à l'abri du feuillage
Dont je couvre le voisinage,
Vous n'auriez pas tant à souffrir;
Je vous défendrais de l'orage:
Mais vous naissez le plus souvent
Sur les humides bords des royaumes du vent.
La nature envers vous me semble bien injuste".
„Votre compassion, lui répondit l'arbuste,
Part d'un bon naturel; mais quittez ce souci:
Les vents me sont moins qu'à vous redoutables;
Je plie, et ne romps pas. Vous avez, jusqu'ici,
Contre leurs coups épouvantables

Résisté sans courber le dos;
Mais attendons la fin." Comme il disait ces mots,
Du bout de l'horizon accourt avec furie
Le plus terrible des enfants
Que le Nord eût portés jusque-là dans ses flancs.
L'arbre tient bon, le roseau plie;
Le vent redouble ses efforts,
Et fait si bien qu'il déracine
Celui de qui la tête au ciel était voisine,
Et dont les pieds touchaient à l'empire des morts!

В. Кеневичъ.

Взглядъ Крылова на воспитаніе.

(„КРЕСТЬЯНИНЪ И ЗМѢЯ". — „ЧЕРВОНЕЦЪ". — „БОЧКА„ — „КУКУШКА И ГОРЛИНКА").

Вопросъ о воспитаніи въ началѣ прошлаго вѣка былъ наболѣвшимъ вопросомъ въ Россіи.

Франція, задававшая тогда тонъ всей Европѣ, наложила свой отпечатокъ и на воспитаніе русской молодежи.

Оно находилось почти всецѣло въ рукахъ французскихъ эмигрантовъ, которые очень рѣдко стояли на высотѣ своего призванія.

Конечно, они воспитывали своихъ питомцевъ французскими патріотами, которымъ было дорого только то, что исходило изъ Франціи, и которые презирали все русское.

Противъ подобнаго ненормальнаго положенія вооружались всѣ лучшіе представители русскаго общества того времени.

И въ литературѣ слышались обличительные голоса противъ пустого французскаго воспитанія.

Крыловъ, самобытный русскій поэтъ, не могъ не остановиться на такомъ важномъ вопросѣ, какъ воспитаніе дѣтей. И, дѣйствительно, онъ написалъ нѣсколько басенъ, въ которыхъ выразилъ свой взглядъ на этотъ вопросъ.

Въ баснѣ *„Крестьянинъ и змѣя"* Крыловъ высказываетъ свое отвращеніе къ французскимъ гувернерамъ.

Онъ говоритъ, что родители должны воспитывать дѣтей въ національномъ духѣ, чтобы сдѣлать ихъ вѣрными сынами отечества. Поручая воспитаніе дѣтей французскимъ эмигрантамъ, нельзя достигнуть положительныхъ результатовъ: французъ, не знающій ни русскаго характера, ни русской жизни, погубитъ своихъ воспитанниковъ. Они будутъ потеряны для Россіи.

Если французъ можетъ принести своимъ воспитанникамъ какую-нибудь пользу, то только сообщеніемъ общеобразовательныхъ свѣдѣній. Но и послѣднее сомнительно, такъ какъ въ Россію пріѣзжаютъ *низшіе элементы* французскаго общества, люди сомнительной нравственности, преслѣдующіе только корыстныя цѣли.

Конечно, попадаются и хорошіе французскіе воспитатели, но они теряются въ массѣ дурныхъ.

Указавъ, въ какомъ *духѣ* должно воспитывать дѣтей, Крыловъ указалъ также, какъ *серьезно* надо относится къ дѣлу воспитанія.

Не надо давать дѣтямъ только поверхностное воспитаніе, не надо сообщать имъ только внѣшній лоскъ европейской цивилизаціи. Просвѣщеніе полезно *только тогда*, когда оно *глубоко*, *серьезно*.

Внѣшній лоскъ часто лишаетъ человѣка добрыхъ свойствъ его души, и тогда просвѣщеніе вредно („*Червонецъ*").

Но давая дѣтямъ серьезное воспитаніе, надо также остерегаться, чтобы не внушать имъ *ложныхъ взглядовъ*.

Эту мысль Крыловъ развиваетъ въ баснѣ „Бочка".

Онъ говоритъ, что если дать ребенку ложное воспитаніе, то оно будетъ сказываться во всей его жизни, и у человѣка будетъ всегда ложный взглядъ на жизнь.

Когда потомъ захотятъ искоренить въ немъ эти взгляды, то будетъ уже невозможно.

Разобравъ вопросъ о томъ, какое умственное воспитаніе надо давать дѣтямъ, Крыловъ также зачялся вопросомъ *о взаимныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми*.

Въ баснѣ „*Кукушка и Горлинка*" онъ говоритъ, что въ обществѣ замѣчается странное явленіе: дѣти не любятъ своихъ родителей, а родители жалуются на это.

Крыловъ нисколько не оправдываетъ дѣтей, но говоритъ, что во всемъ виноваты родители.

Родители должны тщательно заняться воспитаніемъ дѣтей, такъ какъ только тогда между ними установится та нравственная связь, которая называется любовью и почтеніемъ. Но родители

часто не понимаютъ своихъ обязанностей. Дорожа своей свободой и спѣша насладиться всѣми удовольствіями жизни, они поручаютъ воспитаніе дѣтей „наемничьимъ рукамъ". Конечно, дѣти, выростая въ разлукѣ съ родителями, чуждаются ихъ, не могутъ чувствовать къ нимъ любви.

Изъ всего вышесказаннаго видимъ, что Крыловъ очень серьезно отнесся къ одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ русской жизни, и указалъ тѣ условія, при которыхъ воспитаніе дѣлается нормальнымъ и достигаетъ положительныхъ результатовъ. Поэтому вышеуказанныя басни Крылова имѣютъ общественное значеніе.

Н. Г. Григорьевъ.

„Крестьянинъ и змѣя".

Напечатана въ первый разъ въ „Сынѣ Отечества" 1813 г. № XXXIX, стр. 43, съ слѣдующими перемѣнами.

Ст. 1: Къ крестьянину пришла змѣя проситься въ домъ (С. О.).
2: Не даромъ...
9: . . . . твердитъ молва.
13: Къ несчастью, правда все.... (до изд. 1819).
19—20: И, словомъ, всѣхъ я змѣй добрѣй (С. О.).
29: А сверхъ того....
33: Отцы! Вдогадъ ли вамъ, на что здѣсь цѣлю я? (С. О.).
— Отцы! Вы видите-ль, на что здѣсь мѣчу я?
(изд. 1815—1819).

Эта б. касается непосредственныхъ слѣдствій Отечественной Войны и при своемъ появленіи имѣла живое современное значеніе. Она была направлена противъ зла, возбуждавшаго въ тѣ времена сильное негодованіе патріотовъ и усилившагося послѣ кампаніи 1812 года, — противъ обыкновенія *поручать воспитаніе дѣтей иностранцамъ, преимущественно французамъ.*

„Выморозки" — такъ называли тогда оставшихся въ Россіи воиновъ изъ арміи *Наполеона*—были разсылаемы партіями въ различныя, преимущественно внутреннія губерніи, гдѣ имъ, по сви-

дѣтельству анонимнаго современника *), оказывали не только человѣколюбіе, но даже лестное вниманіе.

„Достовѣрные свидѣтели разсказывали намъ, говоритъ этотъ современникъ,... что не бываетъ ни одного собранія, ни одного бала, куда бы французы преимущественно приглашены не были, что они имѣютъ входъ во всѣ дома, что нѣкоторые русскіе дворяне съ ними о Россіи разсуждаютъ, слушаютъ ихъ, любуются ихъ красноречіемъ и даже берутъ ихъ въ учители къ дѣтямъ своимъ; увѣряютъ, и „безъ ужаса повторить сего не можно,

On dit et sans horreur je ne puis le redire,

что нѣсколько благородныхъ дѣвицъ собираются выдти за нихъ замужъ; что, забывъ честь, долгъ родства и любви къ отечеству, не погнушались онѣ руку свою предложить—кому? Тѣмъ, у которыхъ кровь свойственниковъ или ближнихъ, несчастнымъ симъ дѣвицамъ принадлежащихъ, не успѣла еще на рукахъ обсохнуть...**)

Вотъ достойная награда родителямъ, столь много пекущимся о томъ только, чтобы дѣти ихъ болтали по-французски! вотъ плодъ воспитанія, введеннаго у насъ въ XVIII столѣтіи,--воспитанія, въ которомъ отцы и матери, отрекшись отъ священной обязанности своей, отъ дожнаго присмотра за своими дѣтьми „слѣпо" ихъ предаютъ въ руки иноплеменныхъ, ибо безъ сего коварнаго условія ни одинъ французскій гувернеръ или гувернантка въ русскій домъ не вступаетъ! Нерѣдко случается, что въ провинціяхъ парижская судомойка становится наставницею молодыхъ благородныхъ дѣвицъ! И чему удивляться, когда здѣсь, въ столицѣ, мы часто видимъ французскую горничную дѣвку, вдругъ возведенную въ почетное достоинство наставницы!

Сіи-то наставницы, а паче тѣ, которые слывутъ учеными, постепенно развращаютъ нашихъ дѣвицъ, знакомятъ ихъ съ образомъ мыслей, съ языкомъ непримиримыхъ враговъ нашихъ, заста-

---

*) Муравьева-Апостола. (См. Ист. Рус. Слов. г. Галахова, т. II, стр. 262 и слѣд.).

**) Подобный бракъ авторъ признаетъ не дѣйствительнымъ, основываясь на правилахъ, составленныхъ святѣйшимъ Синодомъ, по порученію *Петра I*, послѣ пораженія *Карла XII* (о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными *и проч.* Спб. 1721 г. мѣсяца августа, въ 18 день), гдѣ на страницѣ 8 сказано, что бракъ такой допускается только въ томъ случаѣ, когда *плѣнники и свободные иностранцы царскому величеству запишутся въ вѣчную службу.*

вляя забывать и презирать нашъ отечественный"! *) („Сынъ Отечества", 1813, № XXVI, стр. 301—305).

Въ томъ же духѣ высказались около того времени *Оленинъ* и *Гнѣдичъ,* лица, бывшія въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ *Крыловымъ.*

Приглашая митрополита *Филарета* (бывшаго тогда ректоромъ петербургской духовной академіи) принять участіе въ торжественномъ открытіи императорской публичной библіотеки, онъ предлагалъ ему написать рѣчь, въ которой были бы разрѣшены слѣдующіе вопросы: 1) Что полезнѣе для успѣха въ отечественной словесности: изученіе ли двухъ мертвыхъ классическихъ, или многихъ чужихъ языковъ? 2) Время, употребляемое въ нашей молодости на пріобрѣтеніе самаго чистаго произношенія иностранныхъ языковъ, а особливо французскаго, не лучше ли бы сберечь на усовершенствованіе въ знаніи природнаго своего языка? и наконецъ 3) Не вредно ли будетъ со временемъ для народной нравственности и для любви къ отечеству общее употребленіе живого чужого языка съ исключеніемъ природнаго даже въ обыкновенномъ разговорѣ съ ближними родственниками, не говоря о единоземцахъ".

Къ послѣднему пункту *Оленинъ* относитъ слѣдующее примѣчаніе, прямо касающееся нашего предмета: „Признаюсь, я не могу довольно надивиться непонятной для меня страсти щеголять знаніемъ, а особливо чистымъ произношеніемъ всѣхъ языковъ, кромѣ своего природнаго! Скоро между нами будетъ, какъ при Вавилонскомъ столпотвореніи! *Не услышитъ кійждо гласа ближняго (своего).* Сіе странное изступленіе ума до такой степени доходитъ, что въ иныхъ русскихъ домахъ дѣти, рожденныя отъ русскихъ, учиться должны природнаго своего языка отъ такихъ учителей, которые бы знали какой нибудь иностранный языкъ, а безъ того бѣдныя, невинныя дѣти учителя своего въ самыхъ простыхъ изрѣченіяхъ понимать не въ состояніи. О tempora! о mores!"

Гнѣдичъ въ своей рѣчи *„о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности"*, читанной при открытіи публичной библіо-

*) Статья эта была доставлена издателямъ съ слѣдующимъ, не лишеннымъ интереса письмомъ: „Соболѣзнующіе о заблужденіи нашихъ соотечественниковъ, а еще болѣе нашихъ молодыхъ соотечественницъ, просятъ издателей *Сына Отечества* помѣстить слѣдующее извѣстіе въ ихъ смѣси для свѣдѣнія всѣхъ вѣрныхъ и доблестныхъ россіянъ и россіянокъ".

теки, находитъ, что главная причина заключается въ недостаткѣ строгаго классическаго образованія и пристрастіи къ французскому языку, который не могла вытѣснить даже ненависть, внушенная варварствомъ наполеонцевъ. „Я слышалъ", говоритъ онъ, „какъ убійцъ нашихъ дѣтей языкомъ убійцъ ихъ у насъ проклинали съ прекраснымъ произношеніемъ. Я слышалъ, какъ молили Бога о спасеніи отечества—языкомъ враговъ Бога и отечества, сохраняя выговоръ во всемъ совершенствѣ".

Такой рѣшительный протестъ противъ укоренившагося пристрастія къ французскому языку, французскимъ гувернерамъ и гувернанткамъ, конечно былъ слѣдствіемъ измѣненія понятій о Франціи и о французахъ, послѣдовавшаго за нашествіемъ *Наполеона*. Мы не станемъ говорить о ненависти, возбужденной его полчищами въ массѣ народа (см. „Зап." *Р. Вильсона*, „Русск. Вѣстн." за январь 1862 г., стр. 191 и 192); обратимъ вниманіе на то, какъ это чувство выразилось въ литературѣ, и именно въ „Сынѣ Отечества", въ которомъ *Крыловъ* въ то время помѣщалъ свои басни.

„Нынѣшнее слово французъ есть синонима чудовищу, извергу, варвару и проч. такого рода", говорится въ этомъ журналѣ (1812 г., ч. 8, стр. 90). Дѣйствительная безнравственность наполеонскихъ солдатъ, которые оскверняли не толко православные, но и католическіе храмы, какъ то видно изъ письма католическаго священника въ Москвѣ, свидѣтельствующаго о ихъ неблагопристойномъ поведеніи въ церкви, а впослѣдствіи подвергшагося личнымъ оскорбленіямъ и насмѣшкамъ при посѣщеніи больницы, гдѣ помѣщались плѣнные („Сынъ От.", 1812 г., ч. стр. 180),—перенесена на всю націю и приписана французскому воспитанію.

Французскій народъ представлялся лишеннымъ всѣхъ нравственныхъ основъ, разрушенныхъ энциклопедистами (тамъ же стр. 71), у него „религія сдѣлалась посмѣшищемъ, добродѣтель предразсудкомъ, а блестящіе пороки—добродѣтелями".

А такъ какъ, по словамъ *Платона*, легче городъ построить на воздухѣ, чѣмъ учредить государство безъ религіи и нравственности, то авторъ анонимныхъ писемъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ („Сынъ От." ч. 8, 9 и 10), позволяя себѣ забѣжать впередъ, предсказываетъ совершенное исчезновеніе французской націи. „Приговоръ: delenda Francia! по его мнѣнію, во всѣхъ сердцахъ, если не у всѣхъ въ устахъ"; но этотъ приговоръ исполнится, „и тогда развратнѣйшій изъ всѣхъ народовъ представитъ со-

бою ужасное позорище на театрѣ міра. Останки его, скитающіеся по свѣту, будутъ вопить, подобно Өезею въ Виргиліевомъ аду:

Discite justitiam moniti et non temnere Divos!

и докажутъ примѣромъ своимъ, что безъ вѣры общество человѣческое, какъ бы оно сильно ни было, долго существовать не можетъ". Французскому народу наконецъ, предсказывается участь болѣе плачевная, чѣмъ евреевъ: „послѣднимъ религія служитъ узломъ, связующимъ бродячее ихъ общество; французамъ не предстоитъ и подобнаго сему жребія. Одно имъ останется—быть особливымъ родомъ цыганъ". („С. От." 1813 г., ч. 8, стр. 96—97).

Отказавъ французскому народу въ нравственныхъ началахъ, отказали и въ качествахъ гражданина. Быстрый переходъ отъ революціи и республики къ монархіи объясняется „подлостію и низостію народа". „Нѣсколько вѣковъ разврата потребно было на то, чтобы пріучить потомство Гракховъ ползать у ногъ Тиверія", говоритъ авторъ тѣхъ же писемъ: „во Франціи это дѣлается скорѣе: сегодня издается законъ, которымъ осужденъ на казнь всякъ, кто только осмѣлится предложить возстановленіе монархіи, а на другой день все стадо французское уже лежитъ у ногъ пришельца и присягаетъ ему въ вѣчномъ рабствѣ. Каковъ народъ?—Natio comoeda est!"

Французская литература, предъ которою безусловно преклонялись лучшіе умы XVIII и начала нынѣшняго вѣка, подверглась также строгому осужденію. *О Расинѣ* говорили, что все его очарованіе состоитъ въ искусствѣ владѣть своимъ языкомъ, что однакожъ не составляетъ генія-творца; поэму *Вольтера* называли „уродливою рапсодіею, холодною въ стихахъ декламаціею" въ *Мольерѣ* цѣнили только „очищеніе комедіи отъ кощунства; что же касается характеровъ, хода комедіи и развязки, то онъ занялъ ихъ отчасти у древнихъ, отчасти у испанскаго театра"; *Ла-Фонтенъ* оказывается подражателемъ *Федру, Боккачіо* и *Аріосту*. Наконецъ всю поэзію и художества французовъ упрекали въ страсти украшать природу и въ изнѣженномъ жеманствѣ, проникающемъ ихъ живопись, скульптуру и музыку".

Такимъ жалкимъ представлялся этотъ народъ, къ которому русское общество питало ничѣмъ непобѣдимое пристрастіе. На чемъ же могло основываться и чѣмъ поддерживалось это пристрастіе? Вопросъ этотъ разрѣшался очень просто: основано на при-

вычкѣ, заразившей русское общество еще въ XVIII в., а поддерживается воспитаніемъ, „которое отравлено вліяніемъ французскимъ, которое изведено до безсмысленной заботливости о правильномъ носовомъ выговорѣ и изяществѣ манеръ".

Всѣ эти разсужденія были, такъ сказать, резюмированы въ карикатурѣ *Теребенева:* „Жидъ обманываетъ вещами, цыганъ лошадьми, французъ воспитаніемъ! Который вреднѣе"? Содержаніе ея слѣдующее: съ правой стороны еврей услужливо подаетъ ящикъ съ галантерейными вещами; по серединѣ цыганъ старается украдкою разгорячить уродливую клячу, а на лѣвой сторонѣ—французъ, качаясь на стулѣ, самодовольно любуется билетомъ, на которомъ написано: 10 руб. за часъ. За нимъ у стола сидитъ мальчикъ за книжкою, и возлѣ него: Oeuvres de Voltaire, Honny soit qui mal y pense; далѣе — романъ Pigault le Brun, l'histoire de France ,и наконецъ, географическая карта, на которой видна только Франція; законы же русскіе и россійская грамматика лежатъ подъ столомъ, надъ сочиненіями русскихъ авторовъ трудится мышь, а катихизисъ валяется подъ ногами учителя.

Таковы были мнѣнія, высказываемыя тѣмъ кругомъ, къ которому тогда принадлежалъ *Крыловъ* и нисколько не противорѣчившія его собственнымъ убѣжденіямъ.

Вотъ какъ онъ отзывался о французахъ еще въ „Почтѣ Духовъ": Скорѣе всего можно познакомиться съ французомъ: въ немъ нѣтъ ни гордости, свойственной испанцамъ, ни врожденной нѣмцамъ угрюмости, ниже той подозрительной улыбки, которая въ поступкахъ сопровождаетъ всегда италіянцевъ; кажется, природа одарила его столь выгодною наружностію, подъ которою должны храниться истинная добродѣтель и честнѣйшая въ свѣтѣ душа, но напротивъ того.... Однакожъ, оставимъ это; я не хочу никого вооружать противъ себя; если мало могу сказать добраго о французахъ, такъ, право, это самому мнѣ досадно"....

Въ 1807 году въ двухъ своихъ комедіяхъ („Модная Лавка", гдѣ французъ представленъ плутомъ, ростовщикомъ и доносчикомъ, и „Урокъ дочкамъ"), имѣвшихъ огромный успѣхъ на сценѣ („Воспом." *Вигеля*, ч. Ш, стр. 123), онъ язвительно смѣялся надъ галломаніею, господствовавшею въ столицѣ и въ провинціяхъ. Теперь же, когда литература сдѣлалась выраженіемъ патріотизма, иногда слишкомъ неумѣреннаго, но совершенно понятнаго при тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда въ ней безпрестанно слышался громкій протестъ противъ „враговъ Бога и отечества", *Крыловъ*

присоединился къ этому протесту и подъ видомъ змѣи, просящейся къ крестьянину въ домъ няньчить дѣтей, изобразилъ гувернера француза, несущаго съ собою нравственный ядъ.

В. Кеневичъ.

„Червонецъ“.

Напечатана въ первый разъ въ „Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова", кн. V, стр. 55 съ незначительною перемѣною въ одномъ стихѣ:

Ст. 20: Червонецъ былъ измаранъ... (Ч. въ Б.).

Къ ст. 1—2: Измайловъ приводитъ эти два стиха въ подтвержденіе правила, что „повѣствованіе бываетъ весьма естественно и пріятно, когда въ продолженіе онаго сочинитель обращается къ своимъ читателямъ, или слушателямъ съ вопросами и самъ себѣ на нихъ отвѣчаетъ“.

Басня эта, конечно, имѣетъ значеніе добраго совѣта тѣмъ лицамъ, которыя направляли общественное образованіе въ первую половину царствованія *Александра I*.

Уже въ первые четыре года этого царствованія было много сдѣлано по министерству народнаго просвѣщенія: „составлено положеніе объ устройствѣ учебныхъ заведеній на всемъ пространствѣ Россійской имперіи, преобразованы три и вновь учреждены два университета, основаны три высшихъ училища, 26 гимназій и 80 уѣздныхъ училищъ... Наконецъ, что всего важнѣе, проявилась во всѣхъ сословіяхъ русскаго народа жажда къ образованію, залогъ будущихъ успѣховъ: богатые приносили обильныя жертвы; прочіе возлагали съ усердіемъ лепту свою на алтарь народнаго просвѣщенія“.

Мѣры, принятыя правительствомъ, были такъ дѣйствительны и прочны, что съ 1800 по 1812 г. открыто было слишкомъ 300 разнаго рода учебныхъ заведеній. Даже въ тягостную эпоху 1812 г. дѣйствіе этихъ мѣръ не прекращалось; въ этомъ году было открыто 51 училище. С.-Петербургскія и Московскія вѣдомости напол-

ены свѣдѣніями о происшествіяхъ этого рода. Съ какимъ энтузіазмомъ всѣ сословія оказывали содѣйствіе благимъ начинаніямъ правительства, видно изъ того, что предложеніе объ устройствѣ университетовъ и училищъ вызвало повсемѣстныя пожертвованія— даже крестьяне участвовали въ нихъ.

Должно помнить, что такое настроеніе русскаго общества совпало со временемъ наибольшаго вліянія иностранцевъ и преимущественно французовъ, противъ чего *Крыловъ* уже не разъ высказывался и прежде. Естественно, что эти люди, за которыми обычай утвердилъ славу отличныхъ педагоговъ, заняли вліятельнѣйшія мѣста во всѣхъ вновь учрежденныхъ училищахъ. Проистекшее отъ того зло замѣчено было еще ранѣе правительственными лицами, и вызвало противодѣйствіе съ ихъ стороны.

„Въ отечествѣ нашемъ давно простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое“, пишетъ министръ народнаго просвѣщенія, гр. *Разумовскій,* въ докладѣ своемъ, 1811 г. Мая 25. „Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстію занятыхъ, презирающихъ все не иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу, воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло толь глубоко въономъ внѣдрившееся. Поставленъ будучи бодрствовать надъ воспитаніемъ согражданъ своихъ, священнымъ чту долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣянію ихъ истинными сынами отечества”.

Но, говоритъ онъ, не отъ него зависитъ переломить духъ своихъ согражданъ и внушить имъ духъ счастливаго недовѣрія къ иностранцамъ; онъ полагаетъ, что вліяніе государя и примѣръ правительства, быть можетъ, благодѣтельно подѣйствуютъ на общество.

„Всѣ почти пансіоны въ имперіи“, продолжаетъ онъ, „содержатся иностранцами, которые рѣдко бываютъ съ качествами, для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ, для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянъ образуютъ иностранца. Сего недовольно: и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ же, что усугубляетъ вредъ

воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго".

За тѣмъ предлагаются мѣры если не къ совершенному уничтоженію, то по крайней мѣрѣ къ уменьшенію господствующаго зла. Этотъ докладъ, вполнѣ знакомящій съ характеромъ народнаго образованія, въ тоже время разрѣшаетъ вопросъ: что вызвало басню „Червонецъ"?

Г. Галаховъ также высказываетъ мнѣніе, что здѣсь разумѣется „давно извѣстная намъ наружно-европейская образованность, пріобрѣтенная русскими въ ущербъ ихъ народному и человѣческому достоинству", и что „*Крыловъ* имѣлъ полное право отвергнуть это мнимое и вредное просвѣщеніе: образъ его мыслей раздѣляли съ нимъ всѣ благонамѣренные люди".

В. Кеневичъ.

„Б о ч к а".

Напечатана въ первый разъ въ „Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова", чтеніе 16, стр. 55 (Цензорская отмѣтка 6-го апрѣля 1816 г.) *)

Ст. 2: .... дни на два.... (Чт. въ Б.).
4: Ну....
7—8: Какъ воротилася она, тогда опять
По-прежнему возить въ ней стали воду.
9: .... да дѣло только въ томъ.
11—12: И напиталась такъ простымъ виномъ,
Что винный духъ отъ ней пошелъ во всемъ.
18: .... онъ долженъ былъ разстаться.
19—21: Нельзя довольно вамъ, отцы, остерегаться,
Когда ввѣряете наставнику дѣтей.
Намъ стоитъ только съ юныхъ дней

---

*) Хотя 17-е чтеніе въ Бесѣдѣ было цензуровано прежде 16-го (18-го декабря 1814), но мы здѣсь, какъ и выше, слѣдуемъ порядку чтеній, о которыхъ въ свое время были публикаціи, между прочимъ въ „Сынѣ Отечества".

Лишь вреднымъ толкомъ напитаться....
24: Имъ станешь вѣчно отзываться.

Значеніе этой басни отчасти объясняетъ *Плетневъ:* „Глубоко проникнутый убѣжденіемъ, сколько нравственнаго зла распространяется въ государствѣ отъ ложнаго понятія о воспитаніи, и въ какой мѣрѣ задерживаются успѣхи общественнаго образованія отъ предпочтенія иностраннаго языка отечественному, *Крыловъ*, въ каждомъ періодѣ литературной жизни своей, обращался къ развитію темы о воспитаніи. Ей посвятилъ онъ двѣ комедіи: „Модная лавка" и „Урокъ дочкамъ" и три басни: „Крестьянинъ и Змѣя", „Бочка" и „Воспитаніе Льва".

Въ „Почтѣ Духовъ" онъ также затрогиваетъ этотъ вопросъ: „Еще не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей, и толковали имъ только о томъ, чтобы были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія. Къ такимъ наставленіямъ нерѣдко способствовали примѣры самихъ отцовъ, которые всегда старались содержать при себѣ дѣтей своихъ. Тогда жители здѣшніе хотя не были краснорѣчивы, но говорили такія истины, которыя не было нужно поддерживать краснорѣчіемъ. Теперь же по прошествіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски и болтать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова о томъ, что есть добродѣтель и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки; а учители научаютъ промѣнивать эти деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство". („Полн. собр. соч.", т. I, стр. 151).

Нельзя однакожъ не видѣть, что въ этой баснѣ *Крыловъ* глубже, чѣмъ во всѣхъ упомянутыхъ произведеніяхъ, разсматриваетъ этотъ вопросъ. Онъ не ограничивается однимъ языкомъ: онъ прямо говоритъ о томъ „вредномъ ученіи" или „вредныхъ толкахъ", проводниками которыхъ въ нашемъ обществѣ могли быть француз-

скіе наставники, оставшіеся въ Россіи послѣ 1812 года. Но въ чемъ состояло это вредное, по мнѣнію *Крылова*, ученіе? На этотъ вопросъ отвѣчать возможно только предположительно. „Ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ", говоритъ *Плетневъ*, не свели его съ той дороги религіи, философіи и политики, на которой утвердился онъ собственнымъ размышленіемъ". Т. е. *Крыловъ*, никогда не увлекаясь моднымъ настроеніемъ умовъ, постоянно оставался вѣренъ однимъ и тѣмъ же убѣжденіямъ.

Замѣчаніе *Плетнева*, въ которомъ рядомъ съ матеріализмомъ, проповѣдывавшимся до 1812 года, упомянуто о мистицизмѣ, даетъ нѣкоторое основаніе думать, что въ концѣ 1814 года онъ вооружился противъ мистиковъ. Вспомнимъ, что въ это время знаменитая баронеса *Крюднеръ* уже вела въ Парижѣ бесѣды съ монархами, рѣшавшими судьбы Европы; что сочиненія *Штиллинга* не только читались и переводились въ Россіи, но и вызывали подражанія; такова, напр., „Побѣдная повѣсть", въ которой предсказывается всемірная революція и свѣтопреставленіе, долженствующее наступить въ 1836 году. Къ этому же времени относится возникновеніе тайныхъ мистическихъ обществъ, о цѣли которыхъ одинъ современникъ выражается такимъ образомъ: „Адская гордость породила тайныя общества, кои подъ видомъ братолюбія и самоотверженія стремятся надъ всѣми владычествовать тайнымъ образомъ.... Это обольщеніе производятъ они наипаче изданіемъ коварныхъ книгъ, имѣющихъ благовидную наружность, но внутренность, постигаемую размышленіемъ, погибельную" *). Что эти общества пріобрѣтали многочисленныхъ адептовъ и начинали угро-

*) Степанъ Смирновъ, „Чтенія въ имп. обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ", 1858 г., окт.—дек., кн. 4, отд. V, стр. 139, „Письмо къ государю о богохульныхъ книгахъ".

Здѣсь въ числѣ богохульныхъ книгъ, имѣющихъ такую цѣль, находимъ „Науку чиселъ" *Эккартгаузена*, гдѣ доказывается мысль, что Илія пророкъ зналъ кабалистику; „Приключенія по смерти", *Штиллинга*, въ которой говорится о временности мукъ по смерти; „О истлѣніи и сожженіи всѣхъ вещей", безыменное сочиненіе, написанное, какъ кажется, въ подражаніе первымъ двумъ: въ немъ проповѣдуется пантеизмъ, утверждается высокое значеніе кабалистики, которую будто бы въ совершенствѣ постигали Адамъ и Моисей, отвергается вѣчность мукъ и проч.—Эти сочиненія не могли пройти незамѣченными для *Крылова*: какъ библіотекарь публ. библіот., онъ ихъ принималъ и, ужъ только для того, чтобы опредѣлить имъ соотвѣтственное мѣсто, долженъ былъ хоть поверхностно познакомиться съ ихъ содержаніемъ.

жать общественному благосостоянію, видно изъ письма бывшаго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, *С. С. Уварова* къ императору *Александру* (отъ 18 ноября 1821 года) по поводу гоненія на профессоровъ с.-петербургскаго университета (*Германа, Раупаха, Арсенева и Галича*), обвиненныхъ въ либерализмѣ и стремленіи къ ниспровerженію существующаго порядка:

„Peut-être alors sera-t-il clairement déterminé quels sont ceux qui menacent l'ordre établi et quels sont les amis de l'ordre? S'il faut les chercher dans les rangs des hommes essentiellement religieux et monarchiques, liés à la conservation de ce qui existe par tous les liens de principes, de sentiments, de patriotisme, d'orgueil national, de lumières, de propriété et de famille; qui ne „peuvent" connaitre „qu'une voye" et qui fidèles à Dieu sans ostentation et à Votre Majesté Impériale sans servilité sont prêts à donner pour Vous tout leur sang parcequ'ils savent que „Vous êtes la pierre angulaire de l'édifice social" et leur unique point de ralliements,— ou bien si les provocateurs des désordres ne seraient pas plutôt cette poignée d'hommes sans aveu qui le fiel dans le coeur et la charité à la bouche ennemis-nés „de tout ordre positif" et par conséquent „amis des ténèbres" se revêtent des noms les plus saints pour s'emparer de l'autorité et saper dans ses fondements l'ordre établi; fanatiques de sang-froid qui tour à tour exorcistes, illuminés, quakers, maçons, lancastriens, méthodistes, tout enfin excepté hommes et citoyens, préfendent détendre le trône et l'autel contre des attaques qui n'existens pas et faire en même temps planer le soupçon sur les véritables appuis de l'autel et du trône; comédiens habiles qui prennent tous les masques pour troubler toutes les consciences, alarmer tous les esprits et qui créent maintenant autour d'eux des dangers chimériques pour prolonger de quelques instants leur éphémère existence"? „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I", М. Сухомлинова, стр. 371). Соображая всѣ эти данныя, мы рѣшились высказать предположеніе, что подъ „вредными ученіями" или по варіанту, подъ „вредными толками" *Крыловъ* разумѣетъ здѣсь мистическіе толки.

Г. Галаховъ предполагаетъ, что баснописецъ указываетъ здѣсь на „образъ мыслей, передаваемый молодому поколѣнію иностранцами".

В. Кеневичъ.

Административные и судебные нравы въ басняхъ Крылова.

Настоящую галлерею чисто русскихъ портретовъ мы находимъ въ басняхъ, рисующихъ современные автору административные и судебные нравы.

Здѣсь полное торжество таланта Крылова, его главныя общественно-литературныя заслуги и права на безсмертіе.

Сама жизнь, съ ея нелѣпыми противорѣчіями разумному идеалу, въ изобиліи преподносила матеріалъ для сатиры и вызывала смѣхъ сквозь невидимыя слезы.

Лисица была судьею въ *курятникѣ; медвѣдь* выбранъ въ надсмотрщики надъ *пчелами; волкъ* просится въ *овечьи* старосты и получаетъ искомое мѣсто, благодаря тому, что „стараньемъ кумушки лисицы словцо о немъ замолвлено у львицы“; для соблюденія приличія созывается звѣриная сходка для опроса относительно нравственныхъ качествъ волка,— и только наиболѣе заинтересованныя въ дѣлѣ овцы отсутствуютъ на сходкѣ!

Результаты такой системы ясны сами по себѣ: медвѣдь потаскалъ весь медъ въ свою берлогу и попалъ подъ судъ по всей формѣ, присуждающій его—пролежать всю зиму въ берлогѣ, гдѣ онъ вполнѣ обезпеченный, можетъ спокойно „ждать у моря погоды“.

Лисица-судья „съ рыльцемъ въ пуху“ также выгнана за взятки, но это не мѣшаетъ ей вынырнуть вновь въ качествѣ прокурора, согласно съ заключеніемъ котораго судьи,—два осла, двѣ старыя клячи два иль три козла,—приговариваютъ къ *потопленію въ рѣкѣ* виновную *щуку,* поставлявшую, по слухамъ, рыбный столъ лисѣ-прокурору (*Лисица и Сурокъ, Медвѣдь у Пчелъ, Мірская сходка, Щука*).

Та же самая или такая же лисица является и въ роли судьи по дѣлу крестьянина, обвиняющаго овцу въ съѣденіи куръ (*Крестьянинъ и Овца*), и изрекаетъ приговоръ „по совѣсти своей“: „не принимая никакихъ резоновъ отъ овцы“, казнить ее „и мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу“.

Эта басня, которую Бѣлинскій призналъ едва ли не лучшею между всѣми баснями Крылова, дѣйствительно представляетъ собою неподражаемую сатиру на формальное кривосудіе, художе-

ственно-реальное и наглядное до осязательности воспроизведеніе старой судебно-канцелярской процедуры и подъяческаго стиля.

Подвиги лисы этимъ еще не оканчиваются: она нанимается и на частную службу—охранять курятникъ крестьянина отъ своихъ же собратій—и благоденствуетъ на этой службѣ (*Крестьянинъ и Лисица*); она же, по порученію льва, охотника до куръ, строитъ для нихъ помѣщеніе на славу, въ которое ни одинъ воръ не можетъ пробраться, и только для себя самой оставляетъ лазейку (*Лиса-Строитель*).

Лиса, по совѣту звѣрей, поставлена львомъ въ воеводы надъ рыбами и дѣлитъ свою прибыль съ кумомъ-мужичкомъ до тѣхъ поръ, пока левъ не изобличаетъ на мѣстѣ преступленія своего воеводу и его „главнаго секретаря“ и не подвергаетъ ихъ заслуженной карѣ (*Рыбьи пляски*).

Однако извѣстно по рукописямъ, что эта басня сперва оканчивалась совершенно иначе и только вмѣшательство цензуры заставило автора передѣлать ея финалъ въ смыслѣ наказанія порока...

Любопытны также сохранившіяся въ черновыхъ спискахъ басни и опущенныя въ печатной редакціи подробности о томъ, что „въ царствѣ льва такъ развратились нравы, что безъ суда и безъ расправы, кто посильнѣй, тотъ слабаго давилъ“, вслѣдствіе чего „всенародный ропотъ“ всякій день доходилъ до льва, и онъ уставалъ слушать прошенья и жалобы.

Наконецъ, опять-таки лиса вмѣстѣ съ медвѣдемъ являются совѣтниками у льва, не взлюбившаго пестрыхъ овецъ и не знающаго, какъ отъ нихъ избавиться, и въ то время, какъ медвѣдь простодушно совѣтуетъ „безъ дальнихъ сборовъ“ велѣть передушить непріятныхъ льву овецъ, лисица, не желая погибели невинныхъ, рекомендуетъ отвести имъ хорошія пастбища и приставить къ нимъ въ пастухи волковъ.

Цѣль вполнѣ достигнута, и звѣри толкуютъ, что „левъ бы хорошъ, да все злодѣи волки!“

Эта басня (*Пестрыя Овцы*) вовсе не была напечатана при жизни автора и стала извѣстна только въ 1867 г., появившись въ „Русскомъ Архивѣ“.

Такое промедленіе едва ли объясняется случайными причинами, хотя и трудно видѣть въ баснѣ намекъ на какое-нибудь дѣйствительное событіе того времени. Фабула и заключеніе ея напоминаютъ другое позднѣйшее произведеніе Крылова: богачъ-скряга

Миронъ, желая добиться доброй славы, объявляетъ, что будетъ кормить нищихъ по субботамъ, и точно, не запираетъ своихъ воротъ въ этотъ день, но зато спускаетъ съ цѣпи такихъ злыхъ собакъ, которыя вполнѣ ограждаютъ его отъ докучливыхъ посѣтителей (*Миронъ*). Между тѣмъ всѣ говорятъ, что Миронъ радъ послѣднимъ подѣлиться, и только жалѣютъ, что до него трудно дойти, благодаря его злымъ собакамъ. Характерная иллюстрація въ наивности общественнаго мнѣнія!...

Авторъ счелъ нужнымъ еще ближе пояснить свою мысль: „Видать случалось мнѣ, какъ доступъ не легокъ *въ высокія палаты*, да только все собаки виноваты, Мироны жъ сами въ сторонѣ“.

Въ одной изъ рукописныхъ редакцій читаемъ такой варіантъ: „Случалось *въ старину* — и то *едва ли не во снъ*—*вельможу* видѣть мнѣ: нѣтъ доступа въ его палаты, но все *секретари* его въ томъ виноваты, а самъ онъ вѣчно въ сторонѣ“.

Къ числу такихъ вельможъ легко могъ принадлежать и тотъ персидскій сатрапъ, который попалъ въ рай за то, что за дѣла не принимался, а предоставилъ за слабостью здоровья всѣ дѣла секретарю, самъ же „пилъ, ѣлъ и спалъ да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ“ (*Вельможа*).

На этотъ разъ Крыловъ заявляетъ, что онъ уже не во снѣ и не въ старину, а наяву и не далѣе, какъ вчера, видѣлъ въ судѣ судью, имѣющаго всѣ шансы попасть въ рай по той же причинѣ, по какой попалъ туда и выведенный имъ въ баснѣ вельможа. Впрочемъ, признавая вполнѣ, что покойникъ „погубилъ бы цѣлый край“, если бы, пользуясь данною ему властью, самъ вздумалъ заниматься дѣлами, мы должны предположить, что ему посчастливилось напасть на хорошаго секретаря, вслѣдствіе чего ввѣренный ему край не пострадалъ.

Эта мысль о зависимости достоинства администраторовъ и судей отъ личныхъ качествъ приставленныхъ къ нимъ секретарей выражена въ одной изъ раннихъ басенъ Крылова—*Оракулъ;* послѣдняя заключается такою моралью: „Я слышалъ—правда-ль?—будто *встаръ* судей такихъ видали, которые весьма умны бывали, пока у нихъ былъ умный секретарь“.

Даже въ такой серіозно-дидактической баснѣ, какъ *Водолазы*, Крыловъ замѣчаетъ мимоходомъ, что иные изъ царскихъ совѣтниковъ подавали голосъ *работы секретарской*.

При такой зависимости не всякій вельможа, не смыслящій

толка въ дѣлахъ, окажется достойнымъ рая, хотя бы лично и не вмѣшивался ни во что: примѣромъ можетъ служить тотъ слонъ-воевода, который приходитъ въ негодованіе, узнавъ изъ поступившаго въ приказъ прошенія овецъ, что имъ нѣтъ житья отъ волковъ, а затѣмъ удовольствовавшись объясненіемъ послѣднихъ, позволяетъ имъ взять съ овцы по шкуркѣ на тулупы въ видѣ оброка, „а больше ихъ (овецъ) не трогать волоскомъ“ (*Слонъ на воеводствѣ*).

„Кто знатенъ и силенъ, да не уменъ, такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ“, заключаетъ Крыловъ по этому поводу, припоминая въ другомъ мѣстѣ „невѣждамъ не во гнѣвъ“ старую истину, что, „если голова пуста, то головѣ ума не придадутъ мѣста“ (*Парнасъ*).

Зато важный чинъ на *плутѣ*, по словамъ Крылова, „какъ звонокъ: звукъ отъ него и громокъ, и далекъ” (*Оселъ*), тогда какъ плутъ въ маломъ чинѣ „не такъ еще примѣтенъ”.

Въ указанной баснѣ этотъ звонокъ имѣлъ весьма печальныя послѣдствія для его носителя, но что въ жизни это не общее правило, показываетъ самъ же Крыловъ въ другой баснѣ, изображая вороненка, вздумавшаго некстати подражать орлу въ похищеніи изъ стада барана, и замѣчая въ заключеніе своего разсказа: „Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ, коль мелкій плутъ большому плуту подражаетъ: что̀ сходитъ съ рукъ *ворамъ*, за то *воришекъ* бьютъ” (*Вороненокъ*).

Правда, левъ поступилъ иначе, покаравъ волка, взявшаго примѣръ хищенія съ маленькой собачонки, простивъ послѣднюю въ виду ея молодости и глупости (*Левъ и Волкъ*).

Вопросъ объ отвѣтственности старшихъ за младшихъ, начальствующихъ за подчиненныхъ разсматривается Крыловымъ съ различныхъ сторонъ: крестьяне идутъ жаловаться рѣкѣ на разоренье отъ ручейковъ и мелкихъ рѣчекъ и видятъ, что половина ихъ расхищеннаго добра плыветъ по этой самой рѣкѣ: отсюда выводъ простой: „на младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ, гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ” (*Крестьяне и Рѣка*).

Здѣсь круговая порука въ дѣлѣ злоупотребленій; но такой солидарности можетъ и не быть при извѣстныхъ условіяхъ, какъ видно изъ примѣра воеводы-слона.

При недальновидности лицъ высшихъ, иногда вполнѣ отсутствуетъ сознаніе собственной отвѣтственности за глупось или без-

честность подчиненныхъ: мужикъ, приставившій осла стеречь свой огородъ, обвиняетъ потомъ въ убыткахъ не себя самого, а исключительно своего неудачнаго сторожа (*Оселъ и Мужикъ*).

Припомнимъ мысль, выраженную въ *Бритвахъ:* есть люди, предпочитающіе имѣть дѣло съ дураками, чѣмъ держать при себѣ умныхъ людей; но въ указанномъ случаѣ не видно, чтобы мужикъ, нанявшій осла въ сторожа, дѣйствовалъ сознательно, и приходится предположить, что и самъ наниматель не былъ умнѣе наемника.

Такая солидарность тупоумія предполагается, какъ общее правило, волкомъ относительно пастуховъ, „гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры" (*Волкъ и Волчонокъ*).

Не умнѣе мужика, поручившаго ослу стеречь свой огородъ, или другого, которому Барбосъ нанялся за тройную плату исправлять всѣ работы по дому (*Крестьянинъ и Собака*), оказался и поваръ, который оставилъ кота стеречь съѣстное отъ мышей, а затѣмъ, заставъ хищника на мѣстѣ преступленія, сталъ „тратить рѣчи по-пустому" вмѣсто того, чтобы „власть употребить" (*Котъ и Поваръ*).

Вотъ и еще налицо одно изъ тѣхъ нелѣпыхъ противорѣчій, которыми такъ изобилуетъ дѣйствительность: глупый, но честно исполнявшій свою службу оселъ наказанъ дубиною, а котъ, хитрый и сознательный воръ, остается безъ наказанія,—правда, на этотъ разъ благодаря лишь склонности своего хозяина къ резонерству, а не собственной изворотливости.

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы видѣли или злоупотребленія подчиненныхъ отъ имени добраго, но глупаго воеводы (*Слонъ на воеводствѣ*), или совмѣстное дѣйствіе старшихъ и младшихъ (*Крестьяне и Рѣка*), или переложеніе отвѣтственности съ высшихъ на низшихъ (*Миронъ и Пестрыя Овцы*), или, наконецъ, неумѣніе найти для дѣла подходящаго исполнителя (*Оселъ и Мужикъ*) и принять должныя мѣры противъ злоупотребленій (*Котъ и Поваръ*).

Но злоупотребленія нерѣдко исходятъ и непосредственно отъ самихъ старшихъ, совершенно независимо отъ подчиненныхъ, которымъ въ этомъ случаѣ остается только „лежать смирнехонько", подобно собакамъ, видящимъ, какъ пастухи потрошатъ лучшаго въ стадѣ барана.

По адресу этихъ волковъ въ одеждѣ пастырей настоящій, явный волкъ, дѣлаетъ справедливое замѣчаніе: „Какой бы шумъ вы

все здѣсь подняли, друзья, когда бы это сдѣлалъ я!" (*Волкъ и Пастухъ*).

Итакъ, беззащитнымъ овцамъ подчасъ приходится плохо не отъ однихъ волковъ, а и отъ собственныхъ блюстителей: пастухъ Савва самъ ѣстъ барскихъ овецъ, сваливая вину на небывалаго волка (*Пастухъ*); въ другомъ стадѣ для охраны овецъ отъ волковъ разведено столько собакъ, что онѣ сами подъ конецъ съѣли все стадо, потому что „и собакамъ надо-жъ ѣсть" (*Овцы и Собаки*).

Что же должно произойти, когда профессіональный хищникъ является въ роли официальнаго охранителя и правителя? Каково долно быть житье тѣхъ овецъ, къ которымъ въ старосты посаженъ волкъ, пчелъ, отданныхъ подъ присмотръ медвѣдя, куръ, подчиненныхъ администраціи лисицы?!

Немудрено, что „олени, серны, козы, лани" являются какъ разъ тѣми *мохнатыми* звѣрями, *почти не платящими дани*, съ которыхъ слѣдуетъ снять шерсть для мягкой постели состарившемуся льву, по совѣту его вельможъ (*Левъ*).

Не много утѣшенія приноситъ овцамъ и благодѣтельный законъ, изданный спеціально для ихъ огражденія, въ силу коего овца имѣетъ право всякаго волка, обижающаго ее, „не разбираючи лица, схватить за шиворотъ и въ судъ тотчасъ представить" (*Волки и Овцы*): есть условія, при которыхъ самыя благія намѣренія остаются только на бумагѣ...

При изображеніи разнаго рода хищниковъ Крыловъ иногда касается ихъ психологіи, хотя бы съ какой-нибудь одной стороны: взяточники не любятъ узнавать себя въ сатирѣ и „украдкою киваютъ на Петра" при чтеніи о взяткахъ (*Мартышка и Зеркало*); крупный воръ искренно негодуетъ на мелкаго воришку, и *судья* Климычъ, у котораго стянули часишки, кричитъ на вора: „караулъ!" (*Волкъ и Мышенокъ*).

Лисица оправдываетъ передъ крестьяниномъ свои воровскія наклонности нуждою, дѣтьми, примѣромъ другихъ, а затѣмъ, получивъ возможность добывать кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ, продолжаетъ воровать попрежнему, изъ чего дѣлается выводъ, къ сожалѣнію, справедливый для весьма многихъ случаевъ, что „вору дай хоть милліонъ, онъ воровать не перестанетъ" (*Крестьянинъ и Лисица*).

Не можемъ не отмѣтить еще прекрасной басни о ручьѣ, безобидномъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлался многоводною рѣкою (*Ручей*). Авторъ правъ тысячу разъ: много на свѣтѣ та-

кихъ сладко журчащихъ ручейковъ, выражающихъ наилучшія намѣренія даже искренно, „лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!"

Мы, конечно, далеко не обозрѣли всѣхъ басенъ Крылова, заключающихъ въ себѣ драгоцѣнные, мѣткіе намеки на окружающую жизнь съ ея уклоненіями отъ началъ справедливости и разума: такіе намеки разсѣяны даже мимоходомъ, вскользь, тамъ, гдѣ повидимому, серіозность тона исключаетъ сатирическія выходки: въ *Сочинитель и Разбойникъ* дѣйствіе происходитъ въ загробномъ мірѣ, но и тутъ именно по этому поводу авторъ вставляетъ такое замѣчаніе: „Въ аду обрядъ судебный скоръ: нѣтъ проволочекъ безполезныхъ".

Также въ *Водолазахъ* для „разумниковъ", созванныхъ царемъ на совѣтъ, разладъ въ голосахъ былъ настоящимъ кладомъ, и, если бы имъ волю дали, они бъ донынѣ толковали *да жалованье брали*".

А какія мѣткія сатиры представляютъ собою, напримѣръ, *Тришкинъ кафтанъ, Мельникъ, Мѣшокъ, Орелъ и Кротъ, Слонъ и Моська, Левъ на ловлѣ, Музыканты, Совѣтъ Мышей*,—это наглядное изложеніе кумовства, торжествующаго надъ всѣми правилами и постановленіями, – и т. д., и т. д.

Припомнимъ кстати обрисованнаго Гоголемъ учителя Чичикова, ставившаго поведеніе превыше всѣхъ дарованій и способностей и не могшаго простить Крылову его афоризма: „по мнѣ, ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй" (*Музыканты*); воззрѣнія этого просвѣтителя юношества, особенно въ его эпоху, во всякомъ случаѣ не были исключительно его достояніемъ, а раздѣлялись весьма многими; а въ чемъ иной разъ заключалось и заключается прекрасное поведеніе, доставляющее человѣку благополучіе, объ этомъ свидѣтельствуетъ примѣръ Жужу, кудрявой болонки, ходящей на заднихъ лапкахъ (*Двѣ собаки*).

Н. Аммонъ.

Разборъ басни „Оселъ и соловей“.

(*Вопросы:* Какъ авторъ относится къ предмету своего повѣствованія? Съ какой цѣлью онъ разсказываетъ эту басню? Соотвѣтствуетъ ли форма басни его цѣли, и почему онъ могъ предпочесть эту форму всѣмъ другимъ? Какъ животныя представляются въ баснѣ? Почему авторъ выбралъ осла, соловья и пѣтуха? Какъ развивается дѣйствіе? Въ какихъ изображеніяхъ заключается иронія? Изъ какой среды авторъ заимствуетъ картины и выраженія? Всѣ ли картины и образы могутъ быть названы народными и общепонятными? Все ли представлено авторомъ естественно?)

Писатель встрѣчалъ въ жизни людей, которые самоувѣренно, точно знатоки, судили о дѣлахъ и предметахъ, не имѣя о нихъ ни малѣйшаго понятія: такъ иной судитъ о поэзіи и поэтѣ, другой объ артистѣ, третій объ ученыхъ трудахъ кого-либо.

Противорѣчіе, какое заключается въ подобномъ судьѣ между самоувѣренностью и невѣжествомъ, конечно, должно возбуждать въ наблюдателѣ *насмѣшку;* съ нею-то Крыловъ и относится къ этому явленію.

Онъ могъ бы представить его и въ повѣсти, и въ комедіи, но въ такомъ случаѣ ему должно бы было позаботиться изобразить и характеры отдѣльныхъ лицъ, и ихъ стремленія, и интересы, словомъ, все то, чѣмъ въ жизни человѣкъ заявляетъ свою личность. Но поэтъ хочетъ указать *только на дѣйствіе, на явленіе, встрѣчающееся въ жизни, выставивъ его смѣшную сторону, не распространяясь о самыхъ лицахъ.* Для этого онъ составляетъ коротенькій разсказъ, вмѣсто людей введя въ дѣйствіе животныхъ.

Такое изображеніе имѣетъ ту выгоду, что въ каждомъ животномъ развито какое-нибудь качество, свойственное и людямъ, такъ, напр., въ волкѣ мы видимъ страсть къ хищничеству, въ лисицѣ—хитрость, въ обезьянѣ—переимчивость и безобразіе, въ свиньѣ—неряшество и пр. Слѣдовательно, писатель, представляя людей въ образѣ животныхъ, не имѣетъ нужды распространяться объ ихъ характерахъ, привычкахъ, стремленіяхъ; и безъ того мы знаемъ, какія свойства соединяются съ тѣмъ или другимъ животнымъ; довольно назвать, напр., овцу, чтобы представить себѣ кроткое и безсильное существо. Автору остается здѣсь только развивать дѣйствіе сообразно съ свойствами названныхъ животныхъ. Такимъ образомъ самый разсказъ значительно сокращает-

ся, а изображеніе жизни черезъ это нисколько не теряетъ, потому что животныя, не выходя изъ своей сферы, представляютъ намъ и поступки, и обычаи, и рѣчи людей.

Они только въ одномъ противорѣчатъ себѣ—думаютъ и говорятъ по-человѣчески. Поэтому такіе разсказы и называются *баснями,* т.-е. вымысломъ, разсказомъ о событіи недѣйствительномъ, хотя на самомъ дѣлѣ событіе то берется изъ жизни людской, но только прикрывается мнимымъ дѣйствіемъ животныхъ или растеній, или даже неорганическихъ существъ. „Истина сноснѣе вполоткрыта" говоритъ тотъ же Крыловъ, держась этого взгляда, онъ любитъ изображать жизнь *иносказательно* или *аллегорически*, т.-е. уподоблять дѣйствію разнородныхъ предметовъ дѣйствіе людей, или, иначе, представить дѣйствіе въ одной сферѣ, а разумѣть совсѣмъ другую. Значитъ, иносказаніе или аллегорія можетъ заключаться не только въ баснѣ, но и въ другой формѣ, напр., въ стихахъ:

„Лишь солнце чуть кого пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко-рѣдко разумѣетъ,
Что многимъ очень холодно"

дѣйствіе выражается аллегорически. Здѣсь подъ именемъ солнца разумѣется счастіе, подъ именемъ холода—несчастіе; и мысль обыкновеннымъ языкомъ выскажется такъ: счастливый рѣдко разумѣетъ несчастнаго. Здѣсь аллегорія употреблена съ разсчетомъ сильнѣе подѣйствовать на воображеніе живописнымъ изображеніемъ мысли.

Итакъ, Крыловъ, остановившись надъ извѣстнымъ явленіемъ въ жизни, выбралъ аллегорическій способъ для его изображенія. Онъ имѣетъ въ виду представить искуснаго артиста или пѣвца и невѣжественнаго судью или критика. Для этого онъ беретъ *соловья,* какъ птицу, отличающуюся передъ всѣми своимъ чудеснымъ пѣніемъ. Слѣдовательно, выборъ сдѣланъ удачно, такъ какъ соловья болѣе, чѣмъ кого-либо можно уподобить талантливому артисту. Судьею является *оселъ*, съ которымъ у насъ связывается понятіе о глупости и тупости, его уже не нужно описывать. Поэтъ такъ и дѣлаетъ, начавъ свой разсказъ прямо съ развитія дѣйствія.

Сначала слѣдуетъ вызовъ со стороны осла, который самъ хочетъ провѣрить чужіе толки о соловьиномъ пѣніи.

Такъ какъ вся сила разсказа должна заключаться въ противорѣчіи между невѣжественнымъ судомъ осла и чуднымъ искус-

ствомъ соловья, то, разумѣется, поэту необходимо было остановиться надъ предметомъ суда, т. е. изобразить соловьиное искусство, представивъ, что оно дѣйствительно очаровательно. И въ самомъ дѣлѣ, онъ мастерски изобразилъ его, оставшись притомъ совершенно вѣрнымъ природѣ.

Затѣмъ показываетъ живое впечатлѣніе, какое артистъ соловей произвелъ на все окружающее, и, наконецъ, переходитъ къ ослиному суду, который составляетъ другую существенную часть разсказа.

Судья снисходительно отзывается о пѣніи и только жалѣетъ, что соловей не знакомъ съ пѣтухомъ.

Пѣтухъ здѣсь выбранъ для того, чтобы безъ лишнихъ словъ изобразить ослиный вкусъ: въ чемъ можетъ быть больше противоположности, какъ не въ пѣніи соловья и пѣтушиномъ крикѣ?

Въ этомъ изображеніи главнымъ образомъ и сосредоточивается иронія писателя и далѣе усиливается совѣтомъ соловью немножко поучиться у пѣтуха, чтобы навостриться еще больше.

Что оставалось дѣлать соловью при такомъ совѣтѣ? То, что онъ и сдѣлалъ:

Вспорхнулъ и полетѣлъ за тридевять полей.

Такимъ образомъ *аллегорія и иронія* составляютъ основаніе литературной обработки этого разсказа; аллегорія основывается на сходствѣ, иронія на противоположности.

Такъ какъ дѣйствіе взято изъ ежедневной жизни, изъ среды многочисленной, то и картины и самыя выраженія заимствуются оттуда же; слѣдовательно, слогъ соотвѣтствуетъ понятіямъ и воззрѣніямъ этой среды.

Особенно въ рѣчахъ осла слышится языкъ, который выработался въ массѣ и который мы обыкновенно называемъ *народнымъ* языкомъ: „Послушай-ка дружище, ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище.., велико-ль подлинно твое умѣнье... Изрядно, сказать не ложно, тебя безъ скуки слушать можно"...

Крыловъ большой мастеръ выражаться въ народномъ духѣ; но тутъ же рядомъ съ такими выраженіями встрѣчаются у него и другія, которыя никакъ не идутъ въ тонъ съ ними, напр., „внимало все тогда любимцу и пѣвцу *Авроры*". Этотъ образъ, заимствованный изъ чужихъ вѣрованій, изъ чужой поэзіи, непонятенъ тому, кто незнакомъ съ миѳологіей древнихъ, и разногласитъ съ картинами, взятыми изъ русской жизни, что конечно вредитъ об-

щему колориту рѣчи и мѣшаетъ простому неученому русскому человѣку понимать одинаково всѣ части басни Крылова, вопреки мнѣніямъ нѣкоторыхъ критиковъ, утверждающихъ, будто басни его доступны наравнѣ и дѣтямъ, и взрослымъ, и ученымъ и неученымъ.

Такое смѣшеніе картинъ и выраженій очень часто встрѣчается у Крылова. Даже извѣстная басня „Гуси", представляя картину, повидимому, изъ народной жизни, въ то же время можетъ быть ясно понята только тѣми, кто знакомъ съ римской исторіей.

Говоря далѣе о впечатлѣніи, какое соловей произвелъ своимъ пѣніемъ на все окружающее, Крыловъ впадаетъ уже въ преувеличеніе и представляетъ изображеніе неестественное: „затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры и прилегли стада".

Стихи, сами по себѣ живописные и прекрасные, въ то же время выражаютъ *ложь по отношенію къ дѣйствительности:* „затихли вѣтерки, слушая пѣнье соловья", тутъ нѣтъ естественной картины, да и стада врядъ ли могли прилечь для той же цѣли. Наконецъ, картина пастушка съ пастушкой взята не изъ дѣйствительности, а изъ той воображаемой счастливой пастушеской жизни, которая описывалась въ разныхъ повѣстяхъ въ юные годы Крылова,—картина, чуждая русской жизни.

Все это показываетъ, что писатель не можетъ совершенно отдѣлиться отъ своего времени и отстать отъ привычекъ и даже вкуса того общества, среди котораго онъ воспитался и дѣйствуетъ.

Въ прошедшемъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго у насъ любили обращаться за поэтическими образами и картинами къ древней миѳологіи и исторіи: увлекались тоже такъ называемою пастушескою поэзіею, гдѣ изображалось истинное счастье небывалыхъ пастушковъ, которые видѣли цѣль и сладость жизни въ одной любви пастушекъ.

Такая поэзія развилась въ литературѣ западныхъ народовъ перешла къ намъ и вызвала подражаніе.

Отъ пристрастія ко всѣмъ этимъ картинамъ не уберегся и Крыловъ.

Такимъ образомъ можно сказать, что онъ писалъ свои басни не для всего народа, а *для современнаго ему образованнаго общества,* несмотря на простоту разсказа, на народный складъ его рѣчи и на все то, что даетъ имъ названіе народныхъ произведеній.

В. Стоюнинъ.

„Оселъ и Соловей“.

Была читана въ первомъ засѣданіи Бесѣды любителей русскаго слова и въ первый разъ напечатана въ „Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ”, кн. I, стр. 55.

Сохранившаяся рукопись и изданія заключаютъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 4—6: Пропой мнѣ кой-что, чтобы я,
Твое услыша пѣнье,
Самъ посудилъ о твоемъ умѣньѣ (рукоп.)
— Желалъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье („Чт. въ Б.”. Послѣдній стихъ измѣненъ при изд. 1843).
— Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое послушавъ пѣнье (изд. 1811).
20—21: Ну, что жъ, сказалъ оселъ— хотя
Не худо... (рукоп.)
—Скончалъ пѣвецъ и ждадъ хвалы потомъ.
Изрядно, говоритъ оселъ, сказать не ложно.... („Чт. въ Б.”, изд. 1811).

Къ ст. 1—6: Оселъ увидѣлъ Соловья...
Велико-ль подлинно твое умѣнье?

По поводу этихъ стиховъ *Лобановъ* замѣчаетъ: „Оселъ, котораго обличаютъ уже слова: *послушай-ка, дружище*, не довѣряя похваламъ другихъ, самъ хочетъ посудить о пѣньѣ соловья. Читатель предугадываетъ уже мудрое рѣшеніе его и любопытствуетъ слышать оное; авторъ съ самаго начала овладѣлъ уже его вниманіемъ”.

Первыя 3 строки *Измайловъ* приводитъ, какъ образецъ „естественности въ изображеніи характеровъ”, при чемъ обращаетъ особенное вниманіе на увеличительныя: *дружище* и *мастерище*.

Къ ст. 8—12: Защелкалъ, засвисталъ...
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.

„Мы читывали когда-то", говоритъ *Лобановъ*, указавъ на приведенныя строки, „утомительныя, скучныя описанія пѣнія соловья, но такого мелодическаго концерта, даннаго намъ *Крыловымъ*, не случалось намъ читать ни на какомъ языкѣ. Предпослѣднимъ стихомъ очаровавши нашу душу и усладивши нашъ слухъ упоительною мелодіею, авторъ, какъ глубокій музыкантъ, оканчиваетъ свой концертъ гремучимъ, рокочущимъ стихомъ".

Ср. съ описаніемъ пѣнія соловья и произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ у *Державина*, въ стихотвореніяхъ: „Соловей" и „Обитель Добрады"; и съ слѣдующимъ четверостишіемъ *Мих. Попова:*

Урчалъ, дробилъ, визжалъ, кудряво, густо, тонко,
Порывно, косно вдруъ, вдругъ томно, тяжко, звонко,
Стеналъ, хрипѣлъ, щелкалъ, скрипѣлъ, тянулъ, вилялъ,
И разностью такой людей и птицъ плѣнялъ.

Въ 1-мъ и 2-мъ примѣчаніяхъ къ стих. „Соловей" *Я. К. Гротъ* указалъ на всѣ попытки русскихъ писателей описать пѣнье соловья и заключилъ, что *Крыловъ* наконецъ рѣшилъ эту задачу.

Къ ст. 13—16: Внимало все тогда. .
И прилегли стада:

„Подобныя фантазіи рождаются только въ головахъ такихъ людей, каковъ былъ *Крыловъ*. Очарованіе полное, нечего, кажется, болѣе прибавить, но нашъ поэтъ былъ живописецъ. Въ богатомъ своемъ воображеніи онъ нашелъ еще прелестную картину, которая увѣнчиваетъ изображеніе и довершаетъ очарованіе, произведенное пѣньемъ соловья". (*Лобановъ*).

На описаніе пѣнья соловья и впечатлѣніе, произведенное имъ, *Измайловъ* указываетъ, какъ на образецъ картиннаго описанія.

По мнѣнію же г. *Галахова* вставкою этихъ стиховъ „*Крыловъ* испортилъ картину и производимое ею впечатлѣніе".

О слѣдующихъ за тѣмъ трехъ стихахъ:

Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И толко иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.

замѣчаетъ: „Если можно еще допустить первые четыре стиха,

какъ прикрасу, хотя она и придаетъ миѳическое значеніе соловьиному голосу, то послѣдніе три непріятно вырываютъ читателя изъ русской среды и переносятъ его въ пасторальный міръ *Фонтенеля* и мадамъ *Дезульеръ*".

Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться.

Къ ст. 20—23: Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
„Изрядно", говоритъ: „сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно:

„Это судъ обыкновеннаго невѣжды, которому недоступно изящное; но окончательный нелѣпый приговоръ глупца еще не высказанъ; вотъ онъ:

А жаль, что не знакомъ,
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.

Вотъ приговоръ, отъ какихъ многіе, по слабости человѣческой природы, сходили съ ума или погибали отъ огорченія. Изящество даровъ природы всегда сопровождается и живымъ воображеніемъ и чрезмѣрною чувствительностію, которыя легко раздражаются и все принимаютъ къ сердцу; да и соловей *Крылова* что дѣлаетъ?

Вспорхнулъ—и полетѣлъ за тридевять полей".

(*Лобановъ*).

О случаѣ, подавшемъ поводъ къ сочиненію этой б., *Лобановъ* говоритъ весьма неопредѣленно: „Авторъ, зная по опыту, а можетъ быть и по собственному своему, сколько страдаютъ умные, талантливые люди отъ глупыхъ сужденій сильныхъ судей, и сколько вреда, а иногда и зла отъ того проистекаетъ, хотѣлъ выставить на позоръ такихъ людей; и если онъ ихъ не исправилъ,—вѣдь дураковъ не переродишь, — то надѣлилъ русскую словесность восхитительнымъ стихотвореніемъ".

Гораздо опредѣленнѣе выражается объ этомъ предметѣ *Кёнигъ* въ „Очеркахъ руской литературы". Онъ говоритъ: „Никто не сомнѣвается, что подъ соловьемъ и пѣтухомъ *Крыловъ* разумѣлъ себя и *Дмитріева*, а подъ осломъ одного преданнаго сему послѣднему критика".

Но это не совсѣмъ вѣрно. Намъ неоднократно случалось слышать отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ *В. Т. Плаксина*, имѣвшаго возможность узнать истину изъ ближайшихъ источниковъ, конечно устныхъ, слѣдующій разсказъ о происшествіи, подавшемъ поводъ къ сочиненію этой басни.

Какой-то вельможа (по словамъ однихъ, гр. *Разумовскій*, по другимъ, кн. *А. Н. Голицынъ*), можетъ быть, слѣдуя примѣру имп. *Маріи Өеодоровны*, покровительствовавшей поэту, а можетъ быть, искренно желая свести съ нимъ знакомство, пригласилъ его къ себѣ и просилъ прочитать двѣ-три басенки. *Крыловъ* артистически прочиталъ нѣсколько басенъ въ томъ числѣ одну, заимствованную у *Ла Фонтена*. Вельможа выслушалъ ихъ благосклонно и глубокомысленно сказалъ: „Это хорошо; но почему вы не переводите такъ, какъ Ив. Ив. *Дмитріевъ?*"—„Не умѣю", скромно отвѣчалъ поэтъ. Тѣмъ разговоръ и кончился. Возвратясь домой, задѣтый за живое баснописецъ, вылилъ свою желчь въ б. „Оселъ и Соловей". Что всѣ дѣйствующія лица этой басни и отношенія между ними—намеки на дѣйствительность, въ этомъ нельзя сомнѣваться; но мы находимъ подтвержденіе этому въ слѣдующемъ фактѣ, записанномъ *М. А. Дмитріевымъ:* „Лѣтомъ 1822 года", говоритъ онъ, „нѣсколько русскихъ литераторовъ, въ томъ числѣ *Крыловъ*, нанимали на общій счетъ дачу близъ Руки (мѣстность указана невѣрно). Иногда у нихъ бывали чтенія. Въ этомъ маленькомъ обществѣ *Крылова* назвали „соловьемъ". Едва ли возможно сомнѣваться, что такое имя было дано ему на основаніи его басни. Сюда же, по словамъ *М. А. Дмитріева*, относится и стихотвореніе *гр. Хвостова:* „Пѣвцу-Соловью", для прочтенія котораго авторъ нарочно поѣхалъ на дачу, но поплатился за то, потому что слушатели безпрестанно прерывали чтеніе апплодисментами, увѣривъ его напередъ, что за каждый апплодисментъ у нихъ положено ставить бутылку шампанскаго. Въ „Полномъ собраніи сочиненій" *гр. Хвостова* мы нашли это стихотвореніе только не подъ тѣмъ заглавіемъ, какое даетъ ему *М. А. Дмитріевъ*, а подъ другимъ: „Новоселье въ Киріановкѣ" *), которое отнесено къ іюню 1822

---

*) Киріановка—дача на четвертой верстѣ по петергофской дорогѣ, принадлежавшая княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой; она назвала ее такъ во имя св. Кира и Іоанна, память которыхъ празднуется 28 іюня, въ день восшествія на престолъ имп. Екатеины II.

года и было читано авторомъ на дачѣ 7-го іюня, гдѣ, по словамъ гр. Хвостова, собирались не литераторы, а члены англійскаго клуба. Приводимъ 4-ю строфу стихотворенія, относящуюся къ нашему предмету:

Средь Киріановки смекали
Устроить на Руси Парнасъ,
Съ утра до вечера, подчасъ,
И въ вистъ и рокомболь играли.
Теперь, любезные друзья,
Пріѣхалъ (*я*) слушать соловья.

Г. Флёри (*Krylov* et ses Fables, p. 73—78) признаетъ эту басню заимствованною изъ басни, которую *Дидеро* разсказалъ въ своей перепискѣ съ мадмуазель Воланъ, и которая была напечатана въ „Gazette" *Гримма*. *Дидеро* разсказываетъ содержаніе разговора, происходившаго между *Гриммомъ*, *Де Руа* и аббатомъ *Галіани*. Но мы принуждены замѣтить, что какъ невозможно отрицать того, что *Крылову* былъ извѣстенъ этотъ отрывокъ, такъ невозможно утверждать, что изъ него онъ почерпнулъ сюжетъ своей басни, которая по справедливости почитается однимъ изъ лучшихъ его произведеній. Приводимъ этотъ разсказъ.

L'âne et le rossignol.

„Mes amis, je me rappelle une fable; écoutez-la. Elle sera peu-têtre un peu longue, mais elle ne vous ennuiera pas.

„Un jour, au fond d'une forêt, il s'éleva une contestation sur le chant entre le rossignol et le coucou. Chacun prise son talent. „Quel oiseau", disait le coucou, „a le chant aussi facile, aussi simple, aussi naturel et aussi mesuré que moi"?

„Quel oiseau", disait le rossignol, „l'a plus doux, plus varié, plus éclatant, plus léger, plus touchant que moi"?

Le coucou: „Je dis peu de choses; mais elles ont du poids, de l'ordre, et on les retient".

„*Le rossignol*: „J'aime à parler, mais je suis toujours nouveau, et je ne fatigue jamais. J'enchante les forêts; le coucou les attriste. Il est tellement attaché à la leçon de sa mère, qu'il n'oserait hasarder un ton qu'il n'a point pris d'elle. Moi, je ne reconnais point de maître; je me joue des règles. C'est surtout lors-

que je les enfreins qu'on m'admire. Quelle comparaison de sa fastidieuse méthode avec mes heureux écarts!"

„Le coucou essaya plusieurs fois d'interrompre le rossignol. Mais les rossignols chantent toujours, et n'écoutent point; c'est un peu leur défaut. Le nôtre, entrainé par ses idées, les suivait avec rapidité, sans se soucier des réponses de son rival.

„Cependant, après quelques dits et contredits, ils convinrent de s'en rapporter au jugement d'un tiers animal.

„Mais où trouver ce tiers également instruit et impartial qui les jugera? Ce n'est pas sans peinte qu'on trouve un bon juge. Ils vont en cherchant un partout.

„Ils traversaient une prairie, lorsqu'ils y aperçurent un âne des plus graves et des plus solennels. Depuis la création de l'espèce, aucun n'avait porté d'aussi longues oréilles.

„Ah! dit coucou en les voyant, nous sommes trop heureux: notre querelle est une affaire d'oreilles; voilà notre juge: Dieu le fit pour nous tout exprès".

„L'âne broutait. Il n'imaginait guère qu'un jour il jugerait de musique. Mais la Providence s'amuse à beaucoup d'autres choses. Nos deux oiseaux s'abattent devant lui, le complimentent sur sa gravité et sur son jugement, lui exposent le sujet de leur dispute, et le supplient très humblement des les entendre et de décider.

„Mais l'âne, détournant à peine sa lourde tête en n'en perdant pas un coup de dent, leur fait signe de ses oreilles qu'il a faim, et qu'il ne tient pas aujourd'hui son lit de justice. Les oiseaux insistent; l'âne continue à brouter. En broutant, son appétit s'apaise. Eh bien! leur dit-il, allez là: je m'y rendrai; vous chanterez, je digérerai, je vous écouterai, et puis je vous en dirai mon avis".

„Les oiseaux vont à tire-d'aile, et se perchent; l'âne les suit, de l'air et du pas d'un président à mortier qui traverse les salles du palais. Il arrive, il s'étend à terre, et dit: „Commencez, la cour vous écoute". C'est lui qui était toute la cour.

„Les coucou dit: „Monseigneur, il n'y a pas un mot à perdre de mes raisons; saisissez bien le caractère de mon chant, et surtout daignez en observer l'artifice et la méthode". Puis se rengorgeant et battant à chaque fois les ailes, il chanta: „Coucou, coucou, coucoucou, coucoucou, coucou, coucoucou". Et, après avoir combiné cela de toutes les manières possibles, il se tut.

„Le rossignol, sans préambule, déploie sa voix. s'élance dans les modulations les plus hardies, suit les chants les plus neufs et les plus recherchés: ce sont des cadences ou des tenues à perte d'haleine; tantôt on entendait les sons descendre et murmurer au fond de sa gorge comme l'onde du ruisseau qui se perd sourdement entre des cailloux. tantôt on l'entendait s'éleves, se renfler peu à peu, remplir l'etendue des airs, et y demeurer comme suspendue. Il était successivement doux, léger, brillan', pathétique, et, quelque caractère qu'il prit, il peignait; mais sont chant n'était pas fait pour tout le monde.

„Emporté par son enthousiasme il chanterait encore; mais l'âne, qui avait déjà baîlle plusieurs fois, l'arrêta, et lui dit: „Je me doute que tout ce que vous avez chanté là est fort beau, mais je n'y entends rien; cela me parait bizarre, brouillé, décousu. Vous êtes peut-être plus savant que votre rival, mais il est plus méthodique que vous; et je suis, moi, pour la méthode".

(Diderot, Lettre à M-elle Voland. Oeuvres de Diderot, édition 1821).

В. Кеневичъ.

„Пѣтухъ и Жемчужное зерно".

Первообразъ этой басни находимъ у *Федра* (кн. III, б. 10) Pullus ad Margaritam; пѣтухомъ *Федръ* называетъ того, *кто его не понимаетъ:*

Hoc illis narro, qui me non intelligunt.

Ла Фонтенъ, заимствовавъ у него содержаніе, измѣнилъ заключеніе, отнеся басню вообще *къ невѣждамъ, не умѣющимъ пользоваться предметами, драгоцѣнными для ученаго* (кн. I, б. XX, le Coq et la Perle).

Въ русскую литературу эта басня была перенесена *Тредьяковскимъ* подъ заглавіемъ: „Пѣтухъ и Жемчужина" („Соч." изд. 1849, басенка 1) безъ нравоученія; потомъ переводили ее *Сумароковъ,* подъ заглавіемъ: „Пѣтухъ и Жемчужное зерно" (кн. II,

прит. XLIV), примѣнившій ее, подобно *Федру*, къ тѣмъ, „кто притчи презираетъ"; и гр. *Хвостовъ* подъ тѣмъ же заглавіемъ (кн. III, б. IX).

Передѣлка *Крылова* напечатана въ первый разъ въ изд. 1809 года съ слѣд. варіантами:

Ст. 2: Нашелъ пѣтухъ.... (1809, 11).
5—8: Ну, что за прибыль, что на взглядъ
Ячменнаго зерна собою повиднѣе;
Я, право, вдвое былъ бы радъ,
Когда бы что нибудь здѣсь вырылъ посытнѣе.
10: Чего не во́зьмутъ въ толкъ....

Для сравненія приводимъ всю басню Ла Фонтена:

Le Coq et la Perle.

Un jour un coq détourna
Une perle, qu'il donna
Au beau premier lapidaire.
Je la crois fine, dit-il;
Mais le moindre grain de mil
Serait bien mieux mon affaire.
Un ignorant hérita
D'un manuscrit, qu'il porta
Chez son voisin le libraire.
Je crois, dit-il qu'il est bon;
Mais le moindre ducaton
Serait bien mieux mon affaire.

В. Кеневичъ.

„Свинья подъ Дубомъ".

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1825 г., кн. VII, стр. 268, и безъ перемѣнъ перешла въ позднѣйшія изданія (рукописей не сохранилось).

Идея этой басни заимствована изъ б. *Эзопа*: „Пѣшеходцы и Яворъ“ (№ 251, перев. *Мартынова*): „Пѣшеходцы лѣтнею порою, около полудня, томимые зноемъ, увидѣвши яворъ, легши подъ его тѣнью, покоились. Взглянувши же на яворъ, говорили другъ другу, что это дерево безплодно и безполезно для людей. Яворъ имъ отвѣчалъ: о неблагодарные! наслаждаясь моимъ благодѣяніемъ, называете меня безполезнымъ и безплоднымъ. Такъ многіе бываютъ несчастны: благотворя ближнимъ, больше лишь дѣлаютъ ихъ неблагодарными“. У *Лессинга* есть басня подъ тѣмъ же заглавіемъ, и хотя по сюжету она имѣетъ сходство съ б. *Крылова*, но по примѣненію значительно отличается отъ нея. Вотъ она:

Die Eiche und das Schwein.

Ein gefrässiges Schwein mästete sich unter einer hohen Eiche mit der herabgefallenen Frucht. Indem es die eine Eichel zerbiss, verschluckte es bereits eine andere mit dem Auge.

Undankbares Vieh! rief endlich der Eichbaum herab. Du nährst dich von meinen Früchten, ohne einen einzigen dankbaren Blick auf mich in die Höhe zu richten.

Das Schwein hielt einen Augenblick inne und grunzte zur Antwort: Meine dankbaren Blicke sollten nicht aussenbleiben, wenn ich nur wüsste, dass du eine Eicheln meinetwegen hättest fallen lassen.

Въ заключительныхъ стихахъ:

Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученіе
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что самъ вкушаетъ ихъ плоды.

высказывается мысль, которую Крыловъ развивалъ неоднократно какъ въ басняхъ (напр. Мартышка и Очки), такъ и въ предшествовавшихъ сочиненіяхъ, особенно въ Почтѣ Духовъ, т. I, письмо 8.

В. Кеневичъ.

Разборъ басни „Лжецъ“.

(*Вопросы*: Какія качества выказываетъ въ себѣ лжецъ? Съ какою цѣлью онъ идетъ? Можно ли видѣть, что онъ и глупъ, и необразованъ? Какимъ передъ нами является его пріятель? Можно ли извинить его ложь? Въ какое положеніе она поставила лжеца? Какое являніе, подмѣченное въ жизни, хотѣлъ авторъ высказать въ этой баснѣ? Какія противорѣчія выказываютъ въ авторѣ иронію, и какъ она развивается въ баснѣ?)

Передъ нами два человѣка.

Одинъ, возвратившись изъ путешествія, хвалится и лжетъ и въ своихъ рѣчахъ раскрываетъ передъ нами всю мелкую натуру. Страдая *глупымъ честолюбіемъ* — выставить себя на видъ передъ другими, отличить себя отъ толпы какими-нибудь достоинствами, онъ въ то же время не находитъ въ себѣ ни одного изъ тѣхъ истинныхъ достоинствъ, которыя дѣйствительно могутъ возвысить человѣка даже противъ его воли. Поэтому онъ смотритъ на свое путешествіе, какъ на личное достоинство, которое можетъ привлечь къ себѣ общее вниманіе.

Если бы въ этомъ путешествіи онъ сдѣлалъ какое-либо важное открытіе или изслѣдованіе, или многосторонне образовалъ себя, то, конечно, и оно могло бы отличить его и сдѣлаться важнымъ достоинствомъ; но въ немъ онъ не подмѣтилъ даже ни одного предмета, о которомъ бы могъ разсказать что-нибудь занимательное, чтобы въ другихъ возбудить нѣкоторую зависть, и хотя бы этимъ выказать себя, что и дѣлаютъ многіе путешественники, не вывезя изъ путешествія ничего болѣе существеннаго и полезнаго.

Найдя въ своей памяти совершенную пустоту, онъ хочетъ основать свое достоинство на выдумкахъ, на лжи, и здѣсь-то является передъ нами не только глупцомъ, но и совершеннымъ *неучемъ*. Говоря небылицы, изображая то, чего не можетъ и быть въ природѣ, онъ предполагаетъ, что другіе повѣрятъ ему, слѣдственно, считаетъ свои сказки возможными въ дѣйствительности— тутъ-то и высказывается его *полное невѣжество*.

Каждый человѣкъ, сколько нибудь знакомый съ математической географіей, какъ бы наглъ онъ ни былъ, не рѣшится передъ образованнымъ человѣкомъ утверждать, что есть такая страна, гдѣ „не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь и круглый годъ все видишь майскій день“. Онъ понялъ бы, что такимъ описаніемъ сразу бы выдалъ свою ложь. Но если на ней онъ хочетъ основать все

достоинство, то значитъ и самъ не подозрѣваетъ всей ея нелѣпости. Разумѣется, въ такое положеніе можетъ поставить себя только неучъ. Отъ описанія подобныхъ странъ до разсказа о великанѣ-огурцѣ уже ничтожный шагъ для нашего смѣлаго путешественника.

Его пріятель, какъ человѣкъ *образованный*, не могъ тотчасъ же не замѣтить, какого сорта особу ему приходится слушать. Остановить его на первыхъ же словахъ, сказать, что онъ говоритъ небылицу, значитъ, заставить его увѣрять что это правда, а можетъ быть, даже вызвать на ссору. Такимъ путемъ довести до сознанія во лжи было бы трудно.

Пріятелю пришла мысль дать чувствительный урокъ лжецу, поставивъ его въ необходимость такъ или иначе высказать это сознаніе. Сообразивъ, какимъ неучемъ явился разсказчикъ въ своихъ описаніяхъ, онъ нашелъ удобнымъ обратить противъ него собственное же его оружіе, т.-е. такую же грубую ложь.

Успѣхъ былъ вѣренъ, и если лжецъ вѣрилъ въ возможность такой страны, гдѣ не знаютъ вѣкъ, что есть ночная тѣнь, то онъ долженъ былъ повѣрить и тому, что можетъ существовать чудесный мостъ, который никакъ не подымаетъ лжеца. Эта вѣра тотчасъ же выразилась вопросомъ: „а какова у васъ рѣка" и затѣмъ естественнымъ желаніемъ какъ-нибудь выпутаться изъ непріятнаго положенія. Онъ забавно начинаетъ хитрить самъ съ собой, уменьшая размѣры огурца. Самолюбіе не позволяло сознаться сразу въ своей лжи.

Но такъ какъ и уменьшенные размѣры были далеки отъ нормальной величины огурца, то пріятель хитро продолжалъ указывать на чудное свойство моста, прикидываясь, что нисколько не сомнѣвается въ дивѣ, о которомъ сообщаетъ хвастливый путешественникъ. Но тому остается еще одна увертка, чтобы не обнаружить своей лжи, провалившись черезъ мостъ постыднымъ образомъ — миновать его и пройти тамъ, гдѣ есть возможность стоять на своей выдумкѣ, хотя, можетъ быть, и придется свернуть съ прямой дороги, сдѣлать обходъ, вымочиться и загрязниться.

Но тутъ-то онъ незамѣтно и высказалъ сознаніе въ своей лжи: „чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду".

Этого только и нужно было пріятелю. Употребляя также ложь, слѣдственно средство безнравственное, онъ не является передъ нами, подобно путешественнику, глупымъ лжецомъ, человѣкомъ пустымъ и ничтожнымъ; напротивъ, въ немъ мы видимъ че-

ловѣка *умнаго, образованнаго, нравственнаго*; ложь здѣсь нисколько не унижаетъ его, потому что ею онъ хочетъ вывести лжеца на чистую воду, поразить его собственнымъ же его оружіемъ, слѣдственно проучить его. Въ основаніи и въ намѣреніяхъ такой лжи нѣтъ ничего безнравственнаго, и она не подлежитъ осужденію.

Изъ всего этого разбора легко опредѣлить цѣль, съ какою разсказана басня.

Автору нужно было изобразить подмѣченное имъ явленіе въ жизни, что человѣкъ, живущій ложью и любящій пускать ею пыль въ глаза, предпочитаетъ прямому пути окольные, хотя бы ихъ и нужно было проходить съ нѣкоторыми затрудненіями; но тамъ онъ не провалится, а всегда вывернется, замаскируется, найдетъ средство выдти сухимъ изъ воды, а если и мокрымъ, то всякій знаетъ, что онъ шелъ въ бродъ и что при такомъ обстоятельствѣ мокрымъ быть очень естественно. Чтобъ идти по прямому пути, нужно быть у всѣхъ на виду, слѣдственно, безпрестанно наталкиваться на такія обстоятельства и на такихъ людей, которые тотчасъ раскроютъ ложь и изобличатъ хвастуна или шарлатана.

Иронія автора сосредоточивается въ послѣднемъ стихѣ: „чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду“. Но къ ней онъ подготовляетъ насъ предшествующимъ разговоромъ, поставивъ лжеца въ смѣшное положеніе, въ противорѣчіе съ самимъ собою; въ немъ борется страхъ провалиться черезъ мостъ съ неохотою сознаться во лжи.

Подъ вліяніемъ страха онъ даже забылъ цѣль своего хвастовства и уже старается низвести до степени обыкновенной вещи то чудо, которымъ хвалился, вмѣняя себѣ въ достоинство то, что видѣлъ его. Римъ у него уже дѣлается похожимъ на деревню: „не думай, что вездѣ по нашему хоромы: что тамъ за домы: въ одинъ двоимъ за-нужду влѣзть, и то ни стать, ни сѣсть“.

Теперь и огурецъ сталъ уже „не такое диво“, какимъ сначала хотѣлось его представить лжецу и одно воспоминаніе о которомъ вызвало возгласъ: „ахъ, мой Творецъ, и по сію не вспомнюсь пору!“ Думая обмануть, неучъ-лжецъ самъ ловко вдается въ обманъ. Всѣ эти противорѣчія мало-по-малу усиливаютъ иронію, которая отъ легкой улыбки переходитъ въ смѣхъ.

Живости разсказа много способствуетъ діалогическая форма изложенія, къ которой авторъ перешелъ тотчасъ же, лишь только сообщилъ необходимыя при этомъ обстоятельства. Хотя здѣсь мы и не находимъ аллегорическаго изображенія, но названіе басни

оправдывается возможностью уподобить этому разсказу всякое явленіе жизни, гдѣ лжецъ старается разными хитрыми уклоненіями не допустить обличить себя во лжи.

В. Стоюнинъ.

„Ворона и Лисица".

Сюжетъ этой б. заимствованъ у *Ла Фонтена* (Le Corbeau et le Renard, кн. I, б. 2), который въ свою очередь заимствовалъ ее у *Эзопа* (см. № 204, переводъ Мартынова) и *Федра* (кн. I, б. 13); изъ русскихъ писателей раньше *Крылова* переводили эту б. *Тредьяковскій*, подъ заглавіемъ: „Воронъ и Лисица" („Сочиненія", т. I, стр. 218), и *Сумароковъ* два раза, подъ заглавіемъ: „Ворона и Лисица" (кн. II, притча XXX) и „Ворона и Лиса" (кн. V: притча VI).

Басня *Крылова* [1]) въ первый разъ напечатана въ „Драмати-

[1]) Кенигъ въ своихъ „Очеркахъ русской литературы (68 стр. русск. перев.) говоритъ, что *Крыловъ* въ отношеніяхъ своихъ къ гр. *Хвостову* уподоблялся этой Лисицѣ: онъ долго и терпѣливо выслушивалъ его стихи, похваливалъ ихъ, а потомъ „у довольнаго графа выпрашивалъ взаймы денегъ". Къ такому разсказу, ничѣмъ не подтверждающемуся, *Кенигу*, вѣроятно, подалъ поводъ слѣдующій анекдотъ, разсказанный *Бантышомъ-Каменскимъ*, со словъ Дмитрія Ивановича *Языкова*, слышавшаго его отъ самого Крылова: „Однажды пришелъ къ послѣднему пріятель его Ок. и уговорилъ Крылова отправиться вмѣстѣ къ гр. Хвостову. Посѣщеніе ихъ чрезвычайно обрадовало неутомимаго стихотворца. „Садитесь, господа", сказалъ онъ въ кабинетѣ: „я прочту вамъ новое свое произведеніе". „Нѣтъ, не сядемъ", отвѣчалъ Ок. „пока не ссудишь ты меня двумястами рублями". — Хвостовъ отговаривался. — „Прощай", сказалъ Ок. съ досадою, и пригласилъ *Крылова* послѣловать его примѣру. — „Останьтесь, выслушайте!" сказалъ хозяинъ еще съ бо̀льшимъ неудовольствіемъ: „право не будете раскаяваться". - „Дай двѣсти рублей", продолжалъ Ок.: „останемся".—„Дамъ, но выслушайте напередъ".— „Нѣтъ, братъ, не проведешь: дай двѣсти рублей, а тамъ читай, сколько тебѣ будетъ угодно" - „И вы останетесь у меня, будете слушать?"—„Останемся и будемъ слушать". – Деньги отсчитаны, гости усѣлись у окна, близъ двери, хозяинъ началъ чтеніе съ жаромъ, свойственнымъ поэту. Долго продолжалось оно. Выведенный изъ терпѣнія Ок. сказалъ на ухо Крылову: „Уйдемъ, право, нѣтъ силъ!" — Крыловъ совѣтовалъ дождаться конца. Ок. удалился потихоньку, потомъ Крыловъ; но послѣдній, вышедши, остановился за дверью, ожидая развязки. — „Не правда ли, друзья"

ческомъ Вѣстникѣ“ 1808 г. ч. I, № 1, стр. 16, и окончательно редактирована при изданіи 1815 г.

Въ предыдущихъ перепечаткахъ находимъ слѣдующія перемѣны.

Ст. 4 — 6: Ворона, сидя на лугу,
Сбиралась ужъ клевать кусочекъ свой сырку (1808, 9).
17: Какой умильненькій носокъ (1808, 9).
21: Спой, свѣтикъ, не стыдись! Будь съ Лисынькой дружнѣе.
Я чай, вѣдь соловья ты чище и нѣжнѣе. —
Вѣщуньина *и проч.* (1808).
— Я чай, вѣдь ты поешь и соловья нѣжнѣе (1809, 11).
23: . . . . духъ . . . . (1809).
24: И, вздумавъ оправдать Лисицы слова (1808).
— Тутъ на привѣтливы Лисицы слова (1811).

Къ ст. 2: На ель ворона....

Уже *Сумароковъ* замѣнилъ въ этой баснѣ *Во́рона* прежнихъ баснописцевъ, болѣе подходящею къ этому сюжету птицею, *Вороною*, что совершенно согласно съ народнымъ представленіемъ. (См. *Словарь* Даля, вып. II, стр. 215).

Къ ст. 4—7: Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру....
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.

У *Лафонтена*: Maître corbeau, sur un arbre perché,
Tenait en son bec un fromage.

Къ ст. 9: Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:

У *Лафонтена*: Maître renard, par l'odeur alléché, ...

Къ ст. 14: Голубушка, какъ хороша!

У *Лафонтена*: Que vous êtes joli!

произнесъ наконецъ стихотворецъ, прервавъ свое чтеніе, „что это стихъ геніальный!“ и не слыша отвѣта, оглянулся, вскрикнувъ съ сердцемъ: „Ахъ, проклятые, они ушли!“ Тогда Крыловъ бросился бѣжать, не оглядываясь назадъ“. (Библ. для Чт. 1845, т. 69, отд. III, стр. 11). Очень можетъ быть, что Кёнигу былъ не точно переданъ этотъ разсказъ, и онъ приписалъ Крылову поступокъ его пріятеля, въ которомъ также нельзя видѣть сходства со вкрадчивою Лисицею.

Къ ст. 19—21: Что, ежели, сестрица....
Вѣдь ты бъ была у насъ царь-птица!

У *Лафонтена*: .... si votre ramage
Se rapporte à votre plumage,
Vous êtes le phénix des hôtes de ces bois.

Для сравненія приводимъ стихи *Сумарокова*, соотвѣтствующіе 14—21 стихамъ б. *Крылова*:

Дружокъ воронушка, названная сестрица:
Прекрасная ты птица,
Какія ноженьки, какой носокъ;
И можно то сказать тебѣ безъ лицемѣрья,
Что паче всѣхъ ты мѣръ, мой свѣтикъ, хороша;
И попугай ничто передъ тобой, душа;
Прекраснѣе сто кратъ твои павлиньихъ перья:
Нелѣстны похвалы пріятно намъ терпѣть:
Если бы еще умѣла ты и пѣть!
Такъ и не было-бъ тебѣ подобной птицы въ мірѣ.

Къ ст. 22—23. Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло...

Эти два стиха передаютъ слѣдующую мысль *Лафонтена*:
A ces mots le corbeau ne se sent pas de joie.

В. Кеневичъ.

„Пушки и Паруса".

Напечатана въ первый разъ въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ" за 1829 годъ, стр. 149. Рукописи не сохранилось; но въ первой печатной редакціи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 11: Какъ-будто равнаго намъ сану (1829).
15: Не мы ль съ собой несемъ....
18: .... помоги могучій намъ, Борей.
22: Покрылись тучами густыми небеса.

26: Межъ тѣмъ бушуетъ непогода.
28: Игрушкой сдѣлался....
29: И въ морѣ носится, какъ вялая колода.

„Когда нѣкоторые, черезъ-чуръ военные люди", говоритъ *Гоголь*, „стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ и въ ней одно спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія, *Крыловъ* написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ — врагамъ она грозна,
А паруса — гражданскія въ ней власти.

Какая мѣткость опредѣленія! Безъ пушекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь".

Плетневъ находитъ соотношеніе между этой б. и другимъ сочиненіемъ *Крылова*, именно: „Посланіемъ о пользѣ страстей". Вотъ его слова: „онъ (*Крыловъ*) здѣсь (въ этомъ „Посланіи"), говоря о значеніи страстей, какъ бы подготовилъ канву для одного изъ совершеннѣйшихъ своихъ произведеній, которое названо: „Пушки и Паруса".

Г. *Галаховъ* въ своей Ист. Рус. Слов. замѣчаетъ, что хотя эта басня и появилась въ 1829 году, но „по своему содержанію была бы кстати и въ царствованіе Александра I. И тогда статская, или гражданская, служба ставилась ниже военной, особенно гвардейской, съ которой могло равняться только служеніе по дипломатической части". Противъ такого предубѣжденія вооружались просвѣщенные люди и между ними Муравьевъ - Апостолъ въ одномъ изъ своихъ Нижегородскихъ писемъ, которыя печатались въ „Сынѣ Отечества".

В. Кеневичъ.

„Листы и Корни“.

Въ первый разъ напечатана въ „Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова“, кн. IV, стр. 100.

Въ изд. 1811 года и позднѣйшихъ находимъ слѣдующія перемѣны:

Ст. 3: Листки.... (до 1843).
6: .... краса долинѣ всей (до 1843).
14: Плясать пастушекъ привлекаемъ (Чт. въ Б. и изд. 1811).
21: Кто смѣетъ съ нами такъ считаться дерзновенно (до 1843).
23-й ст. прибавленъ въ изданіи 1843 г.
25—27: Мы тѣ,
Имъ снизу отвѣчали,
Которые, здѣсь роясь *и проч.* (изд. 1830, 34).
31: .... съ каждою весной.... (Чт. въ Б. 1811).

„Листы и Корни”, пишетъ *Плетневъ*, „утверждаютъ законныя отношенія между сословіями”.

Вникнувъ въ смыслъ этой басни и замѣчанія *Плетнева*, правда, очень лаконическаго, но тѣмъ не менѣе многознаменательнаго, нельзя не видѣть, что подъ корнями, роющимися въ землѣ, *Крыловъ* разумѣлъ *крѣпостныхъ крестьянъ*.

Такимъ образомъ басня отвѣчаетъ на одинъ изъ серьезнѣйшихъ вопросовъ, поднятыхъ въ первый же годъ царствованія имп. *Александра I*, — вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, вызвавшій самыя разнорѣчивыя мнѣнія не только людей государственныхъ, но и тогдашнихъ литераторовъ, въ томъ числѣ и главнѣйшаго, передоваго между ними — *Карамзина*.

Сличеніе взгляда *Крылова* съ высказанными въ тѣ времена мнѣніями вполнѣ раскрываетъ тотъ здоровый, самостоятельный умъ баснописца, которому не даромъ удивлялись его современники.

Потому-то намъ кажется страннымъ, что *Галаховъ* причисляетъ нашего баснописца къ числу противниковъ этой благодѣтельной реформы; тѣмъ болѣе, что въ предшествовавшихъ его сочиненіяхъ разбросано множество самыхъ рѣзкихъ намековъ на ненормальность сословныхъ отношеній, — на что и самъ г. *Галаховъ* указываетъ.

В. Кеневичъ.

„Обозъ“.

Напечатана въ первый разъ въ „Сынѣ Отечества“, ноябрь, 1812, № 7, стр. 41), и перепечатывалась въ позднѣйшихъ изданіяхъ съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 18: Таскалъ бы воду ужъ (до изд. 1819).
20: Небосъ, ужъ время не потратимъ.
25: .... коня толкаетъ въ бокъ.
30: Прыжки...

Цѣль басни — оправдать медлительность дѣйствій *Кутузова*.

Оставленіе въ рукахъ непріятеля Москвы безъ боя, истребленіе ея и вслѣдъ за тѣмъ — бездѣйствіе главнокомандующаго должно было неминуемо возбудить ропотъ и горькія нареканія. Всѣ желали рѣшительнаго боя, ждали его подъ стѣнами Москвы; а между тѣмъ *Кутузовъ*, никому не открывая своего плана истребленія арміи Наполеона, спокойно и настойчиво приводилъ его въ исполненіе — старался ослабить врага, уклоняясь отъ рѣшительной развязки. Весьма естественно, что общественное мнѣніе вооружилось противъ него, какъ за полтора мѣсяца передъ тѣмъ противъ *Барклая-де-Толли*.

Самъ Императоръ ставилъ ему въ вину то, что онъ не далъ вторичнаго сраженія подъ Москвою.

Слѣдствіемъ этого былъ рескриптъ на имя главнокомандующаго, полученный имъ за нѣсколько дней до Тарутинскаго сраженія. Приводимъ окончаніе его, прямо относящееся къ нашему предмету: „.... казалось, что, пользуясь сими обстоятельствами (раздробленностію силъ *Наполеона*), могли бы вы съ выгодою атаковать непріятеля слабѣе васъ и истребить онаго, или, по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ знатную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ, и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ городовъ. На вашей отвѣтственности останется, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значительный корпусъ въ Петербургъ,.... ибо съ ввѣренной вамъ арміей, *дѣйствуя съ рѣшительностью и дѣятельностью*, вы имѣете всѣ средства отвратить это новое несчастіе. Вспомните, что вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному

отечеству въ потерѣ Москвы.... Я и Россія въ правѣ ожидать съ вашей стороны всего *усердія*, *твердости и успѣховъ*" *и проч.*

Но *Кутузовъ*, сравненный въ баснѣ съ добрымъ конемъ, который понесъ на крестцѣ свой возъ, не измѣнилъ своего плана, не смотря ни на уперки, ни на порывы своихъ сподвижниковъ.

„Ворона и Курица".

Напечатана въ первый разъ въ „Сынѣ Отечества", ноябрь, 1812 г., № 8, стр. 77, подъ заглавіемъ „Ворона", съ слѣдующими перемѣнами:

Ст. 18: А вѣдь Воронъ, ты знаешь, не ѣдятъ (С. От.).
28: Сама къ нимъ въ супъ попалась.

Первыя извѣстія о бѣдственномъ состояніи арміи *Наполеона* могли достигнуть Петербурга не раньше, какъ въ концѣ сентября.

Въ „Сынѣ Отечества" (№ 7, стр, 44) находимъ слѣдующую замѣтку: „Очевидцы разсказываютъ, что въ Москвѣ французы ежедневно ходили на охоту стрѣлять воронъ и не могли нахвалиться своимъ soupe aux corbeaux. Теперь можно дать отставку старинной русской пословицѣ: „попалъ, какъ куръ во щи", а лучше говорить: „попалъ, какъ ворона во французскій супъ".

Къ тому же времени относится и карикатура *Ивана Теребенева*, приложенная къ 7 № „Сына Отечества": *Французскій вороній супъ*, гдѣ представлены четыре французскіе гренадера въ оборванныхъ мундирахъ, расположившіеся въ полѣ; посреди картины стоитъ гренадеръ, раненный въ ногу, которая у него совершенно босая, и отрываетъ у вороны крылья; съ одной стороны, стоя на колѣняхъ на камнѣ, товарищъ схватился за воронью ножку и, судя по разинутому рту, готовъ ее проглотить: не менѣе сильный аппетитъ выражается въ фигурѣ третьяго, сидящаго по другую сторону; позади ихъ лежитъ четвертый, обнимающій обѣими руками пустой котелъ.

Подъ карикатурою находится слѣдующее четверостишіе:

Бѣда намъ съ нашимъ великимъ Наполеономъ!
Кормилъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ.
Въ Москвѣ попировать свистѣлъ у насъ зубъ:
Не тутъ-то, похлебаемъ же хоть вороній супъ. [1])

Можетъ быть, тогда же и явилась у *Крылова* первая мысль этой басни: но окончательно редактирована она могла быть только въ ноябрѣ: князь *Кутузовъ*, названный въ б. Смоленскимъ, получилъ этотъ титулъ послѣ дѣла подъ Краснымъ, окончившагося 6-го ноября.

Къ ст. 55: Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей.

Кутузовъ дѣйствительно считалъ голодъ однимъ изъ рѣшительнѣйшихъ средствъ въ борьбѣ съ *Наполеономъ*. По окончаніи совѣта въ Филяхъ, на вопросъ полковника *Шнейдера*: „Гдѣ мы остановимся?“ фельдмаршалъ отвѣчалъ: „Это мое дѣло; но ужъ доведу я проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, до того, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо”.

Къ этой цѣли *Кутузовъ*, кажется, направлялъ дѣйствія партизанскихъ отрядовъ.

Къ ст. 27—30: Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и глупъ...
Попался, какъ ворона въ супъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта ворона, погнавшаяся за лакомымъ кускомъ, въ увѣренности, что „Воронъ ни жарятъ, ни варятъ” — Наполеонъ, увѣренный въ своей непобѣдимости, погнавшійся за счастіемъ, но обманувшійся въ разсчетѣ. Его неудача въ Россіи внушила нашему поэту стихи, составляющіе нравоученіе басни.

В. Кеневичъ.

---

[1]) Карикатуру *И. Теребенева* см. въ собраніи карикатуръ, относящихся къ Отечественной войнѣ въ библіотекѣ имп. академіи наукъ. — Подобная же картина приложена къ этой баснѣ въ изданіи *Смирдина*: „Басни Ивана *Крылова*“, 1834 г. (часть I, кн. I, стр. 9): къ тремъ солдатамъ, расположившимся у треножника, на которомъ виситъ котелъ, подходитъ четвертый съ пучкомъ хворосту въ одной рукѣ и вороною въ другой; въ его лицѣ и фигурѣ виденъ оттѣнокъ торжества, а въ лицахъ сидящихъ его товарищей — удовольствіе, вызванное мыслью о предстоящей трапезѣ.

„Волкъ на Псарнѣ".

Напечатана въ первый разъ въ „Сынѣ Отечества" 1812 г., октябрь, № 2, стр. 60. Приводимъ варіанты по тремъ сохранившимся рукописямъ:

Ст. 3: Встревожился вдругъ.... (2 и 3 ред.).
4: Почуявши сѣдого забіяку.... (2 р.).
— Почуявъ сѣраго и *проч.* (С. От.).
5: Псы взвыли по клѣтямъ.... (2 ред.).
6: Псари кричатъ: ребята, воръ (2 ред.).
7: Во 2-й и 3-й редакціи этого стиха нѣтъ.
8: И словомъ псарня.... (2 ред.).
3—8: Туда *былъ доступъ* не мудренъ;
Да только *какъ-то выйдетъ* вонъ? [1])
Поднялся лай и вой, и псарный дворъ сталъ адомъ
(1-я ред.).
9: Бѣгутъ псари... (1 ред.).
11: Огня, огня! кричатъ.... (1 и 3 ред.).
— Кричатъ: огня!... (2 ред.).
12: Сидитъ мой волкъ, прижавшись къ углу задомъ
(1 ред.).
13—22: И видитъ, наконецъ,
Пришлось ему расчесться за овецъ;
Однакожъ думаетъ хитрецъ:
Дай, попытаюся вступить въ переговоры.
И зачалъ.... (1 ред.).
— И видитъ онъ, что, наконецъ,
Пришло ему расчесться за овецъ;
Однакоже хитрецъ
Вступилъ въ переговоры,
Какъ добрый дипломатъ.
И началъ.... (2 ред.).
19: . . . . Друзья! напрасно весь этотъ шумъ (1 и 3 ред.).
23: Уставимъ общій ладъ (1 ред. вм. цѣлаго стиха).
— Забудемъ старое.... (3 ред.).

[1]) Словъ, означенныхъ курсивомъ, въ рукописи *Крылова* недостаетъ, они вписаны карандашемъ рукою *Лобанова*.

25: Но самъ за нихъ со всѣми драться радъ (1 ред.).
26—34: Довольны-ль вы?... Прекрасно!
Тутъ ловчій отвѣчалъ: „Послушай-ка, мой свѣтъ!
Ты сѣръ — я сѣдъ,
Такъ обмануть тебѣ меня не слѣдъ,
И, вѣрь, трудишься ты напрасно". (1 ред.).
— И клятвою.... (3 ред.; далѣе нельзя разобрать).
27: „Послушай-ка", тутъ ловчій перервалъ:
„Ты сѣръ, а я ужъ сѣдъ" (3 ред.; конца разобрать нельзя)
30: И волчью я натуру крѣпко знаю (2 ред. слѣд. двухъ стиховъ нельзя разобрать).
33: Какъ снявши шкуру съ сихъ долой (2 ред.).

Въ этой баснѣ, какъ извѣстно, *Крыловъ* представляетъ *Наполеона* въ Россіи. По словамъ *Быстрова*, „*Крыловъ*, собственною рукою переписавъ басню „Волкъ на Псарнѣ", отдалъ ее княгинѣ Катеринѣ Ильиничнѣ, а она при своемъ письмѣ отправила ее къ свѣтлѣйшему своему супругу" („Сѣв. Пчела". 1846 г., № 64), [1]) который прочиталъ ее послѣ сраженія подъ Краснымъ собравшимся

[1]) Приводимъ вполнѣ разсказъ *Быстрова*, имѣющій интересъ независимо отъ этой басни. „Иванъ Андреевичъ, какъ и всякій великій геній, былъ необыкновенно скроменъ. Въ 39 № „Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду" на 1837 г.; на стр. 377, въ повѣсти, подъ названіемъ: „Преобразованіе", разсказанъ былъ весьма любопытный анекдотъ изъ незабвенной эпохи 1812 г. Вотъ онъ: *Наполеонъ* послѣ Бородинскаго отпора пошелъ ощупью верстъ 15 въ сутки, и какъ бы ожидалъ другой битвы столь же страшной и гибельной, какъ первая Наши молодые воины также требовали сей битвы и дерзали укорять великаго тактика въ старости, нерѣшительности, а иные близорукіе называли его просто трусомъ". Далѣе авторъ говоритъ, что „Иванъ Андреевичъ *Крыловъ*, живучи въ С.-Петербургѣ, проникъ думу *Кутузова* и прислалъ ему свою басню „Волкъ на Псарнѣ". *Кутузовъ*, зная ропотъ нетерпѣливой молодежи, призвалъ къ себѣ юныхъ героевъ и прочиталъ имъ басню. Смыслъ басни пояснилъ многимъ то, чего они прежде не понимали, и съ той поры, возложивъ надежду на Бога и опытность сѣдого ловчаго, наши богатыри выжидали въ Тарутинскомъ лагерѣ перваго сигнала къ битвѣ и побѣдѣ".

„Когда я прочелъ это мѣсто Ивану Андреевичу", продолжаетъ *Быстровъ*, „то онъ нахмурился и сказалъ: „Все это вздоръ... Я не Богъ... Возможно ли, чтобъ я, частный человѣкъ, ни дипломатъ, ни военный, напередъ зналъ, что сдѣлаетъ *Кутузовъ*?.. Смѣшно... Да и гдѣ *Кутузовъ* читалъ басню? Не въ Тарутинскомъ же лагерѣ, а послѣ... Скажите, мой милый, въ какомъ нибудь

вкругъ него офицерамъ и при словахъ: „а я пріятель сѣдъ", снялъ свою бѣлую фуражку и потрясъ наклоненною головою („Полн. собр. соч." *Михайловскаго-Данилевскаго*, т. V, гл. 2).

Первая мысль этой басни, какъ видно изъ первой редакціи стиховъ:

И волчьей клятвой утверждаю,
Что я.... Послушай-ка, сосѣдъ,
Тутъ ловчій перервалъ *и проч.*

могла явиться у *Крылова* по полученіи извѣстія о попыткахъ *Наполеона* вступить въ переговоры, т. е. послѣ 23 сентября (день свиданія *Кутузова* съ *Лористономъ*). Послѣдняя же редакція могла составиться не ранѣе, какъ послѣ Тарутинскаго сраженія, бывшаго 6 октября, потому что до того времени, отъ самаго выступленія нашихъ войскъ изъ Москвы, кромѣ ничтожныхъ стычекъ, не было предпринято никакихъ дѣйствій, которыя бы могли служить *Крылову* основаніемъ сказать: „И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю".

Къ ст. 3—14: Поднялся вдругъ весь псарный дворъ....
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть.

Измайловъ указываетъ на эти стихи, какъ на образецъ „быстроты и живости въ разсказѣ".

Общій планъ военныхъ дѣйствій, сообщенный *Кутузову* изъ Петербурга еще въ началѣ сентября, заключался въ томъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ *Наполеону*, затрудняя отступленіе. Князь *Волконскій*, посланный для полученія отъ *Кутузова* объясненія его дѣйствій, доносилъ Государю: „Смѣло можно увѣрить, что *Наполеону* трудно будетъ выбраться изъ Россіи".

На это *Крыловъ* намекаетъ въ первой редакціи 3—8 стиховъ.

Къ ст. 20—27: .... „Друзья, къ чему весь этотъ шумъ...
Что я. ..

журналѣ, что все это было не такъ". — На другой день я отнесъ къ *А. Ѳ. Воейкову* составленныя мною примѣчанія къ б. Ивана Андр. Крылова „Волкъ на Псарнѣ", которыя и были напечатаны въ „Русскомъ Инвалидѣ" (№ 38, 1838 г.)". Въ этихъ примѣчаніяхъ *Быстровъ* разсказываетъ происшествіе, какъ оно было.

Рѣчь попавшаго въ безвыходное положеніе волка довольно близка къ тѣмъ выраженіямъ, въ которыхъ раздраженный *Наполеонъ* высказалъ свое желаніе мириться: „Пора положить предѣлъ кровопролитію", говорилъ онъ *Яковлеву*. „Намъ съ вами легко поладить.... Мнѣ нечего у васъ дѣлать; я не требую отъ васъ ничего, кромѣ исполненія Тильзитскаго договора.... Я готовъ возвратиться".... („Ист. Отеч. войны", генерала *Богдановича*, т. II, стр. 322).

Столь же интересны въ этомъ отношеніи и слова *Лористона*, приведенныя *Кутузовымъ* въ донесеніи Государю: „Государь мой искренно желаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между двумя великими народами, и положить его навсегда". Въ письмѣ, посланномъ черезъ *Яковлева*, *Наполеонъ* не преминулъ напомнить о прежнихъ чувствахъ къ нему *Александра*: „Если ваше величество хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнія чувствованія".... *и проч.*

Къ ст. 29: Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ.

Этотъ стихъ, а еще болѣе относящійся къ нему варіантъ 1-й ред. показываетъ, что *Крыловъ* въ своемъ ловчемъ цѣнилъ преимущественно и даже исключительно хитрость.

Такой взглядъ баснописца на главнокомандующаго вполнѣ оправдывается многими историческими данными.

Передъ отъѣздомъ *Кутузова* въ армію, одинъ изъ его родственниковъ имѣлъ нескромность спросить: „Неужели вы, дядюшка, надѣетесь разбить *Наполеона*"? — *Кутузовъ* отвѣчалъ: „Нѣтъ! А обмануть надѣюсь".

Почти тоже самое сказалъ онъ во время Тарутинской стоянки: „Разбить меня можетъ *Наполеонъ*, а обмануть — никогда".

Суворовъ, подъ начальствомъ котораго *Кутузовъ* пріобрѣлъ извѣстность и заслужилъ расположеніе императрицы *Екатерины*, говаривалъ о немъ: „уменъ, очень уменъ; его и *Рибасъ* не обманетъ".

Въ такомъ же смыслѣ отзывается о немъ и *Вильсонъ* въ своихъ „Запискахъ"; „Bon vivant, утонченно образованный, вѣжливый, хитрый, какъ грекъ, смѣтливый отъ природы, какъ азіятецъ, и просвѣщенный какъ европеецъ, онъ болѣе былъ склоненъ разсчитывать на успѣхъ отъ своей дипломатіи, чѣмъ отъ военной отваги"...

См. также характеристику *Кутузова* во II т. „Исторіи Отечественной войны“ и характеристику военныхъ дѣйствій, которою генералъ *Богдановичъ* заключаетъ свой прекрасный трудъ.

Б. Кеневичъ.

„Щука и Котъ“.

Напечатана въ первый разъ въ „Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова“, чт. 13, стр. 92, и безъ перемѣнъ перешла въ послѣдующія изданія.

Поводомъ къ сочиненію этой б. была извѣстная неудача адмирала *Чичагова*, который долженъ былъ пресѣчь путь *Наполеону* черезъ Березину.

„Нельзя изобразить общаго на него негодованія“, пишетъ *Вигель*: „всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискусство, а *Крыловъ* написалъ басню о пирожникѣ, который берется шить сапоги, т. е. о морякѣ, начальствующемъ надъ сухопутнымъ войскомъ“.

Въ современной карикатурѣ [1]) сохранилось весьма опредѣленное выраженіе того убѣжденія, что *Чичаговъ* преднамѣренно уклонился отъ общаго плана. Въ ней *Кутузовъ* скачетъ на конѣ и тянетъ одинъ конецъ сѣти, въ которую долженъ попасть *Наполеонъ*; а на другомъ концѣ ея *Чичаговъ*, сидящій на якорѣ, восклицаетъ: je le sauve! и *Наполеонъ* въ видѣ зайца проскальзываетъ

---

[1]) Эта карикатура находится въ сборникѣ карикатуръ, относящихся къ Отечественной войнѣ, подаренномъ П. *Л. Лавровымъ* императорской публичной библіотекѣ. Сборникъ состоитъ изъ 53 карикатуръ; изъ нихъ 15 Ивана Теребенева, 5 подписаны буквами И. И. (Ивановъ?) и 33 безъ подписи; къ числу послѣднихъ относится и та, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Мы слышали, будто существовала другая карикатура такого содержанія: *Кутузовъ* съ великимъ усильемъ затягиваетъ мѣшокъ, а *Чичаговъ* съ другого конца перочиннымъ ножикомъ разрѣзываетъ этотъ мѣшокъ и выпускаетъ изъ него маленькихъ французскихъ солдатиковъ. Къ сожалѣнію, всѣ наши старанія отыскать ее остались тщетны.

за его спиною. То же убѣжденіе выразилось и въ слѣдующей эпиграммѣ, найденой *Я. К. Гротомъ* въ бумагахъ *Державина*.

Смоленскій князь Кутузовъ
Продерзостныхъ французовъ
И гналъ и билъ,
И наконецъ имъ гибельну онъ сѣть связалъ;
Но земневодный генералъ
Приползъ, — да всю и распустилъ.

Характеризуя его, какъ человѣка, *Вигель* говоритъ, что „въ душѣ онъ былъ англичанинъ, учился въ Англіи мореплаванію, и былъ женатъ на англичанкѣ; что съ суровостію моряка онъ соединялъ надменность англичанина и это сдѣлало его ненавистнымъ для русскихъ; послѣдній же его подвигъ (защита Березины) заставилъ ихъ всѣхъ презирать его“.

„Да и не могло быть иначе“, пишетъ ген. *Богдановичъ*; князь *Кутузовъ*, освободитель Россіи отъ нашествія *Наполеона* и его полчищъ, *Витгенштейнъ*, защитникъ нашей сѣверной столицы,.... оба они стояли такъ высоко въ общемъ мнѣніи, что никто не смѣлъ усомниться въ безошибочности ихъ дѣйствій.... Общему порицанію подвергся *Чичаговъ*, потому что, во 1-хъ, положеніе, занимаемое его арміею, давало ему наиболѣе возможности преградить путь *Наполеону*; во 2-хъ, потому, что, командуя въ Отечественную войну впервые сухопутными силами, онъ еще не успѣлъ заслужить славы искуснаго военачальника. Къ тому же онъ сдѣлалъ важную ошибку, уклонясь отъ направленія, по которому отступала наполеоновская армія“.

Этимъ общимъ мнѣніемъ, котораго не раздѣлять *Крыловъ* не имѣлъ причины, можетъ быть объяснена рѣзкость выраженій во вступленіи и заключеніи басни.

Къ ст. 30: И крысы хвостъ у ней отъѣли.

Въ этомъ стихѣ заключается намекъ на неудачное отступленіе войскъ *Чичагова* отъ Борисова, на правую сторону Березины; при этомъ были потеряны многіе изъ полковыхъ обозовъ, канцелярія главнокомандующаго, большая часть экипажей и въ томъ числѣ фургонъ со столовымъ сервизомъ *Чичагова*, и всѣ наши раненые и больные, изъ коихъ нѣкоторые погибли отъ пожара, опустошившаго городъ.

Къ ст. 26—32: Такъ въ добрый часъ, пойдемъ.
— Пошли, засѣли....
Кумъ за-мертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

Измайловъ находитъ, что выраженіе *пошли* здѣсь неумѣстно, потому что Щука ходить не можетъ; объ остальныхъ стихахъ онъ замѣчаетъ, что „басня оканчивается собственно 32-мъ стихомъ и что больше бы ничего не надобно; но послѣ сихъ быстрыхъ и сильныхъ стиховъ прибавлены, къ сожалѣнію, четыре вялыхъ и прозаическихъ стиха:

И дѣльно! Это, Щука,
Тебѣ наука
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Все бы еще лучше было, если бы сказалъ это Щукѣ Котъ; а здѣсь говоритъ самъ сочинитель который въ началѣ басни помѣстилъ уже приличное къ ней нравоученіе“.

В. Кеневичъ.

„Квартетъ“.

Напечатана въ первый разъ въ изданіи 1811 года, стр. 12. Въ этомъ изданіи и сохранившейся рукописи находимъ слѣдующіе варіанты:

Ст. 1: Затѣйщица Мартышка (рукоп.)
13: Въ изд. 1830 и 1834 неправильно печаталось *прямо* вм. *прима*.
19: Сказалъ Оселъ.... (р.).
34—36: Имъ соловей на то въ отвѣтъ:
А этого-то въ васъ и нѣтъ: —
То какъ, друзья, вы ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь (р.).

О поводѣ къ сочиненію этой б. находимъ свидѣтельство въ „Воспоминаніяхъ“ *Вигеля* (т. II, стр. 151). Въ 1811 г. въ мартѣ мѣсяцѣ была открыта Бесѣда любителей русскаго слова. „На по-

добіе государственнаго совѣта, составленнаго изъ четырехъ департаментовъ, и Бесѣду раздѣлили на четыре разряда, также какъ у него посадили по предсѣдателю, да еще каждому дали по попечителю. Это былъ сущій вздоръ, ибо въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Потомъ было въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку членовъ и по нѣскольку членовъ-сотрудниковъ, которые составляли какъ бы канцелярію Бесѣды. Вообще она имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста, чѣмъ ученаго сословія, и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ, чѣмъ о талантахъ"…. Списокъ членовъ „украшался именемъ *Крылова*, какъ вечернія собранія ихъ оживлялись немного чтеніемъ его басенъ"…. *Крыловъ* хотя и выдалъ особу свою Бесѣдѣ, но, говорятъ, тайкомъ подсмѣивался надъ нею. Доказательствомъ тому поставляютъ вскорѣ послѣ ея открытія выданную имъ басню „Квартетъ"….

Сверхъ того, баронъ *М. А. Корфъ* указываетъ на другой фактъ, послужившій поводомъ къ сочиненію этой басни: послѣ преобразованія государственнаго совѣта въ 1810 году, „первыми предсѣдателями департаментовъ были: гр. *Завадовскій, Мордвиновъ*, кн. *Лопухинъ* и гр. *Аракчеевъ*. Извѣстно, что продолжительнымъ преніямъ о томъ, какъ ихъ разсадить и даже нѣсколькимъ послѣдовавшимъ пересадкамъ мы обязаны остроумною баснею *Крылова* „Квартетъ".

Оба эти свидѣтельства такъ вѣроятны, что нѣтъ возможности положительно рѣшить, которому изъ нихъ должно отдать предпочтеніе.

В. Кеневичъ.

Языкъ Крылова.

Крыловъ раскрылъ геній русскаго языка, исполнилъ то, къ чему стремились другіе. Онъ познакомилъ образованныя сословія съ роднымъ языкомъ.

Дмитріевъ для басенъ и сказокъ своихъ образовалъ особый языкъ, простой и легкій, — но все же составленный изъ началъ книжнаго языка.

Крыловъ отвергъ вѣковой предразсудокъ противъ народности и народнаго языка.

Въ разсказѣ онъ сообразуется съ свойствами предметовъ и возбуждаемыхъ ими мыслей; а когда заставляетъ говорить самихъ дѣйствователей, то даетъ имъ и слова и обороты и даже связь выраженій, согласные и съ нравственнымъ характеромъ и съ свойствами ихъ.

На зло гонителямъ раздѣленія слога на *высокій, средній* и *низкій*, Крыловъ раздѣлилъ его самымъ дѣломъ такъ рѣзко, какъ никто еще не дѣлилъ.

В. Т. Плаксинъ.

Особенности языка Крылова.

Въ языкѣ произведеній Крылова необходимо отмѣтить слѣдующія главнѣйшія особенности, придающія, между прочимъ, слогу его произведеній характеръ народности, образности, живости, картинности и художественности.

1. Крыловъ въ своихъ произведеніяхъ (главнымъ образомъ, разумѣется, въ басняхъ) вообще весьма часто пользуется *народными поговорками и пословицами*. Таковы, напримѣръ, слѣдующія пословицы и поговорки: [1]) Но мнѣ ужъ лучше ней, да дѣло разумѣй („Музыканты"); ласточка одна не дѣлаетъ весны („Мотъ и Ласточка"); не плюй въ колодезь, пригодится воды напиться („Левъ и Мышь"); хоть видитъ око, да зубъ нейметъ („Лисица и виноградъ"); изъ огня да въ полымя попали („Госпожа и двѣ служанки"); отъ воронъ она отстала, а къ павамъ не пристала („Ворона"); что ты посѣялъ, то и жни („Волкъ и Котъ"); надѣлала синица славы, а море не зажгла („Синица"); кто въ лѣсъ, кто по дрова" („Музыканты") и др.

2. Многія выраженія, употребленныя въ произведеніяхъ Крылова и напоминающія по складу общеупотребительную разговорную рѣчь, а также народныя пословицы и поговорки, стали употреб-

[1]) Разумѣется, народныя пословицы и поговорки измѣнены въ нѣкоторой степени Крыловымъ при употребленіи ихъ въ басняхъ.

ляться въ обыденной рѣчи въ видѣ общественныхъ пословицъ и поговорокъ, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о полномъ соотвѣтствіи означенныхъ выраженій основнымъ свойствамъ языка вообще. Таковы, напримѣръ, слѣдующія характерно мѣткія выраженія Крылова: „У сильнаго всегда безсильный виноватъ („Волкъ и Ягненокъ"); не только правы, чуть не святы („Моръ звѣрей"); впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ („Чижъ и Голубь"); не презирай совѣта ничьего, но прежде разсмотри его („Орелъ и Кротъ"); не дай Богъ съ дуракомъ связаться! Услужливый дуракъ опаснѣе врага („Пустынникъ и Медвѣдь"); да у моря погоды ждутъ („Медвѣдь у пчелъ"); Васька слушаетъ да ѣстъ („Котъ и поваръ"); чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому, гдѣ нужно власть употребить (ibid.); ларчикъ просто открывался („Ларчикъ"); слона-то я и не примѣтилъ („Любопытный"); бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ („Щука и Котъ); худыя пѣсни соловью въ когтяхъ у кошки („Кошка и Соловей") и др.

3. Сравнительное обиліе *идіотизмовъ*, т.-е. оборотовъ рѣчи, свойственныхъ русскому языку, также составляетъ въ стилистическомъ отношеніи одну изъ главныхъ особенностей языка произведеній Крылова, умѣвшаго при этомъ особенно искусно пользоваться для выраженія той или другой мысли такими вообще характерными словами и оборотами рѣчи, которые свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о высокохудожественномъ и вполнѣ вѣрномъ пониманіи Крыловымъ законовъ отечественнаго языка и его особеннаго склада и, съ другой, о томъ, что въ душѣ баснописца всегда „жилъ ясный образъ русскаго народа": Съ плечъ бѣда долой („Крестьянинъ и работникъ"); спасибо на пріятствѣ („Откупщикъ и сапожникъ"); пошелъ топоръ въ худыхъ („Крестьянинъ и работникъ"); ларецъ въ глаза кидался („Ларчикъ"); извозомъ промышляли („Три мужика"); это зло еще не такъ большой руки („Мартышка и очки"); путь на родину держали („Три мужика"); смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить (ibid.); и по сію не вспомнюсь пору („Лжецъ"); чудесъ палата (ibid.); хлопотъ Мартышкѣ полонъ ротъ („Обезьяна"); подъ гнѣвъ подпала („Лисица и Сурокъ"); я на тебя сошлюся (ibid.); сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыплята („Кукушка и Горлинка"); катился градомъ потъ („Демьянова уха"); разбойникъ мужика какъ липку ободралъ („Крестьянинъ и разбойникъ"); такъ изъ избы не вынесено сору; безъ Мишеньки тошнится („Пустынникъ и Медвѣдь"); покупщиковъ отбою нѣтъ („Паукъ и Пчела"); у меня его руками оторвутъ („Червонецъ") и проч.

4. Необыкновенная *сжатость* и *бойкость* слога, въ связи съ чрезвычайно вѣрнымъ и искуснымъ изображеніемъ разнаго рода картинъ дѣйствительной жизни, въ связи съ мастерскимъ описаніемъ предметовъ и явленій природы, и притомъ немногими, но въ высшей степени мѣткими чертами въ краткихъ и сильныхъ выраженіяхъ, свойственныхъ живой русской простонародной рѣчи: „По камнямъ, рытвинамъ, пошли толчки, скачки — лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ — бухъ въ канаву! Прощай, хозяйскіе горшки („Обозъ"); судья лиса; оно (дѣло) въ минуту закипѣло. Запросъ отвѣтчику, запросъ истцу, чтобъ разсказать по пунктамъ и безъ крика: какъ было дѣло, въ чемъ улика? („Крестьянинъ и овца"); вотъ невидаль: мышей! мы лавливали и ершей („Щука и Котъ") и, сообразно вышеотмѣченному характеру рѣчи, частое употребленіе *эллипсиса*, весьма вообще свойственнаго животному разговорному языку: „За то ужъ у него, что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа („Лягушки, просящія царя"); сегодня удалось, а завтра — кто порука? („Плотичка"); ты пѣняла — я смѣялся, ты грозила — я шутилъ („Мое оправданіе") ступилъ — и небо преклонилось; сошелъ — и крѣпкою пятой сгустилъ Онъ мраки подъ Собой („Подражаніе псалму 17"); нѣтъ ее — и здѣсь туманомъ разстилается тоска („Вечеръ"); не тронуть — его едва примѣтить взоръ" („Алкидъ") и др.

5. Разнаго рода *метафорическія выраженія*, созданныя весьма часто въ чисто народномъ духѣ и отличающіяся особенною силою и изобразительностію: „И *плотно такъ* онъ *треснулся* на царство, что *ходенемъ пошло* трясинно государство („Лягушки, просящія царя"); сбрелись, и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ, *уставили* глаза и *приложили* уши („Моръ звѣрей"); на кораблѣ у пушекъ съ парусами *возстала* страшная *вражда* („Пушки и Паруса"); *заря* торжественной *десницей снимаетъ* съ неба темный *кровъ* („Утро").

6. Весьма искусное пользованіе разнаго рода *тропами*, содѣйствующими вообще живости и образности представленія. Таковы, напримѣръ слѣдующія:

А. *Метонимія*:

„Анюту *въ золотѣ водитъ*, Анюту *съ золота кормитъ*, ее *на золотѣ поитъ* („Посланіе къ другу моему"); я три тарелки съѣлъ" („Демьянова уха").

Б. *Синекдоха*:

„Совѣтовъ *тысячу* надавано полезныхъ („Крестьянинъ въ бѣдѣ"); *часа* не тратя" („Ворона и Курица").

В. *Метафора*:

„*Въ шляпѣ дѣло* („Огородникъ и философъ“): *казною не шутилъ* („Водолазы“); *словомъ не кудрявымъ* (ibid.); какой-то всадникъ такъ *коня себѣ нашколилъ* („Конь и всадникъ“); *вскипѣла кровь его и разгорѣлся взоръ*“ (ibid).

Г. *Гипербола*:

„Мольбами заглушенъ и ѳиміамомъ задушенъ („Оракулъ“); у меня его съ руками оторвутъ“ („Червонецъ“).

Д. *Иронія*:

„Ты все пѣла! *Это дѣло*; такъ поди же попляши („Стрекоза и муравей“); помилуй, говоритъ, „за что?“ — *За что*... болванъ!“ („Крестьянинъ и работникъ“)[1]) и т. п.

7. Сравненія[2]), уподобленія и олицетворенія, основанныя на метафорическомъ сближеніи понятій и содѣйствующія болѣе живому, наглядному изображенію предметовъ и событій, съ ихъ отличительными чертами и характерными особенностями:

а) *Борей послушался, летитъ, дохнулъ* и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры:
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья паруса,

(„Пушки и паруса“).

б) *Какъ трость* ломка во время зною,
Какъ ломокъ *ледъ* въ рѣкахъ весною,
Такъ ломки *ноги* подо мной.

(„Подраж. псалму 37“).

---

[1]) Собственно такъ называемый *мимезисъ*, т.-е. ироническое повтореніе словъ и тѣлодвиженій другого лица.

[2]) Нужно замѣтить, что въ произведеніяхъ Крылова, подобно тому, какъ это замѣчается и въ народной поэзіи, встрѣчаются отрицательныя сравненія Такъ въ „Посланіи къ другу моему“ читаемъ:

Не столько воды рѣкъ суровы,
Когда ко ужасу луговъ,
Весной алмазы рвутъ оковы
И ищутъ новыхъ береговъ,
Не столько и они ужасны,
Какъ страсти люты и опасны.

в) *Такъ малиновка* тоскліва
Слыша хлады зимнихъ дней,
Такъ грустна, летя съ полей,
Гдѣ была дружкомъ *счастлива*;
Такъ печаленъ соловей
Зря, что хладъ долины коситъ и т. д.

(„Утѣшеніе").

г) Вотъ какъ любовъ играетъ нами —
Какъ честью скромный *лицемѣръ*,
Какъ службой модный *офицеръ*,
Какъ жены хитрыя мужьями!

(„Посланіе къ другу моему").

д) *Какъ мракъ* бѣжитъ передъ зарей,
Какъ лань, гонима смертью злою,
Передъ свистящею стрѣлою —
Такъ ты бѣжишь передо мной!

(„Къ счастью").

е) *Какъ солнце*, видъ его прекрасенъ,
Какъ майскій день, и тихъ и ясенъ:
Таковъ его прелестный взоръ.

(„Выборъ изъ пѣсней Соломона").

ж) *Какъ туча* мрачная, онъ воздухъ всколебалъ.

(„Филомела", I, II).

з) *Подобно* какъ луна блѣднѣетъ,
Увидя свѣтла дней царя,
Такъ *Марсъ* мятется и *темнѣетъ*
Въ Минервѣ бога мира зря.

(„Ода" 1790 г.).

и) Какъ *жаръ*, его поставить хочетъ.

(„Червонецъ").

і) А я, *какъ сирота*, однимъ одна сижу.

(„Кукушка и Горлинка").

к) Какъ изъ улья пчелиный рой.

(„Ворона и Курица").

8. Особенная сила, *выразительность* и, такъ сказать, *многозначительность* изображенія, въ связи *съ національнымъ элементомъ*, *простотою*, *наглядностію или*, вѣрнѣе, *пластическою видимостію и точностію* опредѣленій, благодаря каковымъ качествамъ слогу произведеній Крылова вполнѣ присуща та оригинально-самобытная особенность, которую Плетневъ чрезвычайно мѣтко охарактеризовалъ словомъ „увѣсистый", и которая существенно

отличаетъ способъ выраженія Крылова отъ выраженія современныхъ ему писателей:

а) И онъ же батрака ругаеть.
Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.
„Помилуй", говоритъ: „за что?" — За что... болванъ!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колеть: всю испортилъ шкуру!
(„Крестьянинъ и работникъ").

а) Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ *въ лапы* сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „молчи жъ, ужъ я тебя вострухуǃ"
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хвать друга камнемъ въ лобъ!
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался,
И Мишинъ другъ лежать надолго тамъ остался.
(„Пустынникъ и Медвѣдь").

в) Эхъ братецъ, отвѣчалъ Эакъ:
Не знаешь дѣла ты никакъ,
Не видишь развѣ ты? Покойникъ былъ дуракъ!
(„Вельможа").

г) Онъ друга обманулъ;
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивѣй часъ отъ-часу.

9. **Вліяніе стараго реторическаго тона и ложно классическихъ образцовъ русской словесности замѣчается въ произведеніяхъ Крылова, въ его стремленіи выразиться въ извѣстныхъ случаяхъ нѣсколько торжественнымъ, затѣйливымъ слогомъ** [1] **и, во-вторыхъ, въ**

---

[1]) Такъ, напримѣръ, начало басни: „Моръ звѣрей" отличается до извѣстной степени искусственно торжественнымъ тономъ, едва ли вообще соотвѣтствующимъ легкой, игривой и остроумной баснѣ. Здѣсь же встрѣчаются такія фразы: „лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ—моръ...; въ адъ распахнулись настежь двери; вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы". Въ баснѣ: „Чижъ и ежъ" обращаетъ на себя вниманіе фраза: „Феба пѣть не смѣю", а также употребленіе такихъ словъ, какъ Парнасъ, Плутонъ, Зевсъ и т. д., встрѣчающихся сравнительно довольно часто въ разныхъ произведеніяхъ Крылова. Нельзя не обратить также вниманія на сравненіе французовъ съ „новыми Вандалами" („Ворона и Курица"); нельзя не отмѣтить того, что „листы на деревѣ

разнаго рода реторическихъ украшеніяхъ, допускаемыхъ Крыловымъ, впрочемъ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ:

а) *Фигура единоначатія*:

α) *Но* тебѣ ль, мой другъ, опасна
Трата всѣхъ пустыхъ прикрасъ?
Ими ль ты была прекрасна?
Ими ль ты плѣняла насъ?
Ими ль пламенные взоры
Сладкій лили въ сердце ядъ.

(„Утѣшеніе").

β) *Кто*, кто съ мечомъ? Со мною рядомъ
Кто мнѣ поборникъ на убійцъ?
Кто на гонителей вдовицъ?

(„Подражаніе псалму 93").

γ) Но страсти имъ движеніе даютъ:
Держась за нихъ, въ храмъ славы всѣ идутъ,
Держась за нихъ, людей нерѣдко мучатъ;
Держась за нихъ, добру ихъ много учатъ.

(„Посланіе о пользѣ страстей").

б) *Фигура вопрошенія и восклицанія*:

α) Безъ свѣта ли — Творецъ свѣтилъ?
Безсиленъ ли — Создатель силъ?
Безуменъ ли — Кто умъ въ насъ влилъ?
И мертвъ ли — давшій душу живу. (ibid.)

β) Надежда есть, но ахъ! когда она напрасна...
О небо, для меня и мысль сія ужасна!

(„Филомела").

γ) О чудо, о позоръ.

(„Оракулъ").

δ) Я слышалъ — правда ль. (ibid.)

в) *Фигура отличенія*, т.-е. употребленіе одного и того же слова въ разныхъ значеніяхъ:

α) И нищій нищенькимъ попрежнему остался.

(„Фортуна и Нищій").

съ зефирами шептали" („Листья и корни"), и т. п. Все это, однако, лишь весьма слабая дань тѣмъ старымъ взглядамъ и понятіямъ реторической школы, отъ которыхъ едва ли и возможно было полное и совершенное освобожденіе во времена Крылова.

β) И изъ гостей пришла домой „свинья — свиньей“.

(„Свинья“).

г) *Фигура сообщенія*, выражающая довѣріе къ слушателямъ при ссылкѣ на ихъ совѣсть; она свидѣтельствуетъ о добродушіи, совершенной увѣренности въ истинѣ, и потому плѣняетъ сердце и увлекаетъ слушателя:

Ну, видывалъ ли ты, я на тебя сошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху.
Подумай, вспомни хорошенько!

(„Лисица и Сурокъ“).

д) *Фигура удержанія*, нечаянно прерывающая рѣчь, безъ окончанія мысли или выраженія ея:

Погляжу ль — но солнце скрылось,
И свернулись всѣ цвѣтки.

(„Вечеръ“).

е) *Фигура умолчанія* въ соединеніи *съ фигурою восклицанія и вопрошенія*:

Я зрю въ гонителѣ... кого я, небо, зрю?
Что въ заблужденіи несчастный говорю?
Терей гонитель... нѣтъ — сей мысли ужасаюсь!
Но мыслить это я невольно принуждаюсь...
Любовь моя... но что за трубный слышенъ гласъ.

(„Филомела“, 1, II).

ж) *Фигура отвѣтствованія* въ соединеніи *съ фигурою единоначатія и вопрошенія*:

Не расторгается ль природа?
Не воскресаетъ ль хаосъ?
Не рушится ль вселенна вскорѣ?
Не въ адѣ ль я?... Нѣтъ, въ финскомъ морѣ,
Гдѣ поражаетъ Готѳа Россъ.

(„Ода“ 1790).

10. Художественность произведеній Крылова объясняется, независимо отъ вполнѣ удачнаго вообще подбора словъ и оборотовъ рѣчи, между прочимъ, и тѣми *эпитетами*, которые встрѣчаются вполнѣ обычно въ его сочиненіяхъ и содѣйствуютъ вообще болѣе живому представленію предметовъ съ ихъ отличительными призна-

ками. Таковы например, слѣдующіе эпитеты: *сладкій* сонъ, *унылая* жалость, градъ *холодный, прохладная* роса, *свирѣпыя* волны, *бурный* вѣтръ, грудь *бѣлая, пламенный* взоръ, *злая* тоска, *лазурные* своды неба, *свирѣпый* гнѣвъ, дубровы *темныя, мрачный* порокъ, заря *алая*, солнце *красное, трясинно* государство, *увѣсистый* булыжникъ, *злодѣйка-западня*, наѣздникъ *лихой, жестокая* страсть, *обманчивая* волна, конь *ретивый, широко* поле, *бурный* вихрь и др.

11. *Изобразительность* слога произведеній Крылова (и въ особенности его басенъ) достигается, между прочимъ, *звукоподражаніями* и вообще словами и выраженіями, являющими собою, такъ сказать, особенную живопись въ звукахъ: „кукушка куковала, горлинка ворковала, соловей защелкалъ, засвисталъ, переливался, мелкой дробью разсыпался, и думаетъ онъ свою думу безъ шуму" и т. п.

12. Одной изъ особенностей внѣшней формы произведеній Крылова, обнаруживающейся, преимущественно въ его басняхъ, служитъ, между прочитъ, *вольность стиха*, почти всѣ басни Крыловъ писалъ ямбическими стихами, и при этомъ съ удивительнымъ искусствомъ пользовался свободою басеннаго стиха; у него количество стопъ въ стихѣ вообще находится въ самой тѣсной связи съ содержаніемъ басни. Когда, напримѣръ, Крыловъ изображаетъ медленность или продолжительность дѣйствій, тяжесть или неповоротливость предмета и т. п., тогда и стихъ въ его баснѣ тянется долго, состоитъ изъ пяти, шести стопъ; [1]) когда же онъ изображаетъ быстроту дѣйствія, его постоянную измѣняемость, легкость и живость предмета, отрывистость голоса говорящаго, когда онъ хочетъ на какую-нибудь мысль обратить особенное вниманіе читателя и т. п., тогда и самый стихъ въ его баснѣ сокращается въ три, двѣ и даже одну стопу и, по мѣрѣ надобности, отличается то быстротою и силою, то выразительностію риѳмы. [2])

---

[1]) Напримѣръ, описаніе паденія чурбана въ баснѣ: „Лягушки, просящія царя"; описаніе медвѣдя, приготовляющагося убить муху, въ баснѣ: „Пустынникъ и медвѣдь", описаніе медлительнаго дѣйствія рыдвана въ знойный полдень въ баснѣ: „Муха и дорожные" и т. п.

[2]) Такъ напримѣръ, вся басня о попрыгуньѣ-стрекозѣ написана быстротекущими, какъ бы прыгающими хореическими стихами. Можно еще указать въ видахъ поясненія вышесказаннаго, слѣдующія мѣста въ басняхъ Крылова

Таковы главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Крылова, басни котораго, какъ „живой и вѣрный отголосокъ русскаго ума съ его смѣтливостію, наблюдательностію, простосердечнымъ лукавствомъ, съ его игривостію и глубокомысліемъ, не отвлеченнымъ, не умозрительнымъ, а практическимъ и житейскимъ", и какъ одно изъ величайшихъ достояній духовнаго богатства русскаго народа, служатъ свидѣтельствомъ, съ одной стороны, нашего умственнаго роста и нравственнаго самопознанія вообще и, съ другой стороны, являютъ собою доказательство отечественнаго языка на началахъ гармоническаго единенія разнаго рода стихій, входящихъ въ составъ русскаго литературнаго языка, и подъ условіемъ пониманія души народа, выраженіемъ которой въ словѣ и служитъ языкъ, какъ „исповѣдь народа", по многознаменательному замѣчанію поэта.

Истоминъ.

Народность поэзіи и языка басенъ Крылова.

(Изъ предисловія къ французскому и итальянскому переводу басенъ Крылова, 1825 года).

Истинный свой талантъ г. Крыловъ явилъ въ басняхъ и сталъ въ первомъ ряду литераторовъ своей отчизны.

а) въ баснѣ: „Щука и Котъ":

„И дѣльно! это, щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить".

б) въ баснѣ: „Мѣшокъ":

„О всемъ и рядитъ онъ и судитъ:
И то не такъ,
И тотъ дуракъ'
И изъ того-то худо будетъ".

в) въ баснѣ: „Огородникъ и философъ":

„Онъ съ прибылью, и въ шляпѣ дѣло,
А философъ —
Безъ огурцовъ" и мн. др.

Вниманіе, которое привлекаетъ къ себѣ столь отличный писатель, возбуждаетъ желаніе узнать его самого, и вотъ подробности, сообщенныя мнѣ нѣкоторыми путешественниками, сведшими съ нимъ знакомство въ Петербургѣ.

Г. Крыловъ имѣетъ отъ роду около 56 лѣтъ, высокъ ростомъ, полонъ лицомъ и тѣломъ; походка его небрежна; простое и открытое его обращеніе внушаетъ къ нему довѣріе.

Ни отъ кого не завися и не бывъ женатъ, онъ не избѣгаетъ ни игры, ни удовольствій.

Въ обществѣ, онъ больше замѣчаетъ, нежели говоритъ; но когда его взманятъ, то разговоръ его бываетъ весьма занимателенъ.

При всемъ томъ, онъ никогда не выѣзжалъ изъ Россіи, не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ *и только понимаетъ по-французски* *). Подъ тучною его наружностію кроется умъ тонкій и быстрый, вкусъ разборчивый, сердце человѣколюбивое и доброхотное, и всѣ качества превосходнаго друга.

Въ одномъ только его укоряютъ, — и это, къ сожалѣнію, есть господствующая черта его характера: онъ перенесъ подъ 60 градусъ широты безпечность неаполитанскую, и предается той роскошной лѣни, которая взлелѣяла геній Лафонтена и Шольё.

Муза его уступаетъ только настойчивымъ просьбамъ друзей: это *басенникъ* **), который должно крѣпко потрясти, чтобы съ него упали плоды.

Баснями г. Крылова открылся славный періодъ, въ который Россія, испытавъ себя въ литературѣ, такъ сказать, *заморской,* увидѣла у себя и словесность истинно народную, и публику, ей внемлющую. Басни сіи, думаю, и донынѣ то, что Парнасъ невскій не имѣетъ совершеннѣйшаго. Ни одинъ народъ не имѣетъ баснописца, который бы превзошелъ сего писателя въ новости разсказа и изобрѣтенія. Почти всѣ его басни принадлежатъ собственно ему. Разсказъ его отличается тонкостію подъ видомъ простосердечія и правдоподобіемъ, и усѣянъ веселыми и остроумными

*) Это несправедливо, потому что Крыловъ кромѣ французскаго, зналъ нѣмецкій и италіанскій языки, да кромѣ того въ преклонныхъ уже лѣтахъ научился греческому.

**) Французы въ семъ случаѣ употребляютъ слово Fablier, означающее какъ бы *басенное дерево* и составленное по образцу словъ: pommier, poirier, murier etc.

подробностями. Онъ съ отмѣннымъ искусствомъ употребляетъ краски мѣстныя, и *кисть его, прямо русская,* показываетъ, какъ въ зеркалѣ, необыкновенное подобіе народа, который заемлетъ столько же простоты отъ праотеческаго образа своей жизни, сколько тонкости ума отъ положенія своего въ обществѣ человѣческомъ.

Изобрѣтеніе въ басняхъ г. Крылова вообще исполнено ума. Онъ рѣдко играетъ своими уроками; нравоученіе его открыто и твердо, иногда даже сбивается на эпиграмму, или на ту общую сатиру, которая есть оружіе добродѣтели. Слогъ его, котораго совершенство живо чувствуютъ его единоземцы, совокупляетъ въ себѣ два рода красотъ, недоступныхъ для переводчиковъ: съ одной стороны онъ обилуетъ словами *звукоподражательными,* а съ другой онъ искусно извлекаетъ изъ нарѣчія *простонароднаго* самыя, такъ сказать, удобныя и нежданныя выраженія, которыя сами собою пробуждаютъ множество понятій, чувствованій и воспоминаній, любезныхъ русскимъ. Къ счастію русскаго языка, одна и та же эпоха являетъ въ немъ г. Карамзина и г. Крылова и оба они оказываютъ ему важныя и разнообразныя услуги. Первый изъ нихъ возвышаетъ ту часть сего языка, которая прилична достоинству исторіи, второй изощряетъ въ немъ то, что способно къ описыванію нравовъ. Можно сказать, что г. Карамзинъ даетъ избираемымъ имъ словамъ грамоты на благородство, а г. Крыловъ надѣляетъ слова своего выбора патентами на умъ....

Правда, не легко было доказать сего переводомъ г. Крылова. То, что мы сказали о его слогѣ, богатомъ звукоподражаніями и выраженіями, такъ сказать, сродными народу и нравамъ его отчизны, довольно ясно уже доказываетъ, что сіи мѣстныя красоты неудобопереносимы въ другой языкъ. Крыловъ, переселенный такимъ образомъ подъ чужое небо, не былъ бы узнанъ своими соотечественниками, такъ какъ и мы не узнаемъ Монтаня и Лафонтена въ самыхъ лучшихъ переводахъ.

Посему должно было оставить напрасныя попытки—переводить поэзію его басенъ, а ограничиться подражаніями, для которыхъ дѣльность содержанія, прелесть и новость подробностей доставляютъ писателямъ всѣхъ странъ удобный запасъ.

Для облегченія сихъ подражаній, графъ Орловъ началъ переводить басни своего единоземца на французскій языкъ прозою и какъ можно ближе къ подлиннику и надъ симъ, уже готовымъ запасомъ, трудились поэты французскіе и итальянскіе, съ свободою

таланта и отбросивъ всѣ препоны, противополагаемыя текстомъ подлиннымъ.

Такимъ образомъ, изъ творенія г. Крылова до насъ дойдетъ все, что могло перейти за предѣлы Россіи, и новыя красоты, безъ сомнѣнія, замѣнятъ тѣ, которыхъ намъ не суждено постигнуть.

Лемонте.

Характеръ народности басенъ Крылова.

Представителемъ старшаго поколѣнія писателей *реалистовъ* былъ въ началѣ XIX вѣка Крыловъ.

Авторъ сатирическихъ очерковъ, во многомъ напоминавшихъ статейки Новикова, Крыловъ прославился своими баснями, которыя могли бы подъ его живописнымъ перомъ стать цѣлымъ рядомъ правдивыхъ жанровыхъ картинокъ нашей дѣйствительности, если бы авторъ не придерживался такъ послушно иноземныхъ образцовъ, откуда онъ заимствовалъ свои мысли и положенія.

Басня Крылова—предметъ нашей націоналной гордости—была большой побѣдой „*народности*“ въ искусствѣ, но эта побѣда пошла въ пользу не столько литературѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, сколько *языку и стилю въ частности.*

Въ вѣкѣ неоригинальнаго стиля и несвободнаго языка Крыловъ былъ однимъ изъ немногихъ писателей, въ которомъ русскій человѣкъ узнавалъ самого себя, со своей образной и остроумной рѣчью.

Но огромное большинство басенъ Крылова все таки не имѣло никакого мѣстнаго колорита и дѣйствующія лица въ нихъ были типы самые общіе, безъ всякихъ чертъ какой-либо народности.

Во всѣхъ басняхъ мы наберемъ, можетъ быть, два—три современныхъ типа, которые во всякомъ случаѣ не позволяютъ намъ сказать, что въ лицѣ Крылова передъ нами бытописатель нашей жизни.

Крыловъ—выразитель мудрости *общечеловѣческой,* накопившейся вѣками и выраженной въ традиціонныхъ стереотипныхъ образахъ, на которыхъ—давнымъ давно стерлись всякія краски и чер-

ты тѣхъ національностей, которыя надъ выработкой этихъ типовъ потрудились.

Наша критика однако, всегда превозносила Крылова за его „наружность" и она была, конечно, права, если подъ этимъ словомъ разумѣть ту *внѣшнюю форму*, въ которую Крыловъ облекалъ свою мораль и сатиру, но связь этой морали со своимъ вѣкомъ была очень слабая, а иной разъ, какъ, напр. въ типахъ изъ среды крестьянъ, этой связи совсѣмъ не существовало.

Несторъ Котляревскій.

Самобытность Крылова.

Крыловъ написалъ во время службы въ библіотекѣ большую часть своихъ басенъ, годъ отъ году восходя выше и выше въ соображеніи ихъ, въ оригинальности мыслей и описаній, въ глубокозначительности вымысловъ, въ неподражаемой вѣрности характеровъ, въ изумительной точности русскаго языка и обрисовкѣ природы.

Прежде высочайшею похвалою для баснописца было у насъ выраженіе: это русскій Лафонтенъ. Оно для Крылова теперь уже было бы несправедливостію.

Въ его созданіяхъ, принадлежащихъ лучшей эпохѣ его, видѣнъ *самобытный геній*, извлекающій все изъ собственной души, изъ окружающаго его общества, изъ жизни изученнаго имъ народа, изъ смысла и духа родного языка и внятной сердцу поэта нашей природы.

Изъ всѣхъ русскихъ писателей наиболѣе Крылову угрожали двѣ крайности: послѣ Лафонтена онъ нечувствительно могъ впасть въ принужденное французское простодушіе и привыкнуть къ изысканности въ расказѣ и отдѣлкѣ стиховъ; или увлекшись ложною, такъ называемою народностію, онъ могъ обременить, даже обезобразить свои произведенія вынужденно простыми выраженіями, безвкусными картинами и неумѣстнымъ во всемъ подражаніемъ грубой простонародности. Его талантъ, его тонкій умъ, его

врожденное, такъ сказать, чутье, указали ему *истинный путь* по каждой сторонѣ искусства, и онъ сдѣлался *русскимъ народнымъ писателемъ въ благородномъ, въ надлежащемъ значеніи этого слова.*

Его басни *вразумительны, увлекательны и исполнены поэзіею* для всѣхъ возрастовъ, длѣ всѣхъ сословій.

Онъ *простъ* въ созданіи, *краток*ъ, *но полонъ* въ разсказѣ, *живъ и самообразенъ* въ украшеніяхъ, *точенъ*, всегда *правиленъ, выразителенъ и новъ въ языкѣ.*

Высочайшая тайна магическаго искусства его заключалась въ полномъ его сочувствіи съ духомъ народа: *умъ, сердце и душа его проникнуты были русскими элементами.*

П. А. Плетневъ.

Общая оцѣнка басенъ Крылова.

Большинство произведеній Крылова имѣютъ одинъ лишь *историческій* интересъ; самая личность писателя тоже привлекаетъ къ себѣ не сочувственные, а только *внимательные и удивленные взоры,* и грузная масса равнодушія, которую представлялъ собою лѣнивый и сонный старикъ, никогда не будетъ овѣяна въ потомствѣ дыханіемъ любви.

Но басни его, басни, эта *національная быль,* одинаково затверженная дѣдами и внуками, ярко расцвѣтившая собою нашъ обыденный разговоръ,—вотъ что сдѣлалось любимымъ достояніемъ русскаго народа.

Какъ ихъ авторъ, *Крыловъ у насъ—единственный, ни на кого не похожій, никѣмъ не повторенный.*

Онѣ проникнуты особою, *незабываемой выразительностью,* и ея, съ внѣшней стороны, достигаетъ писатель какой-нибудь *неожиданной и богатой риѳмой, звукоподражаніемъ, аллитераціей, переходомъ отъ многосложной строки къ двухсложной или тѣмъ, что, въ своемъ художественномъ лаконизмѣ, центръ логической и нравственной мысли онъ сжато заключаетъ въ одно слово или въ одинъ стихъ, короткій, но многозначительный* („И сталъ оселъ скотиной превеликой", „другъ этотъ былъ лиса", „то были два осла").

Иногда онъ мимоходомъ, даже безъ отношенія къ главному сюжету, въ своемъ спокойно-ироническомъ тонѣ, набрасываетъ цѣлую *бытовую картинку*, — напримѣръ, въ баснѣ „Муха и дорожные":

Гуторя слуги вздоръ, плетутся вслѣдъ шажкомъ;
Учитель съ барышней шушукаютъ тишкомъ;
Самъ баринъ, позабывъ, какъ онъ къ порядку нуженъ,
Ушелъ съ служанкой въ боръ искать грибовъ на ужинъ.

Иногда у него *красивый и поэтическій пейзажъ:* съ вершины кавказскихъ горъ видѣлъ орелъ излучистыя рѣки, цвѣтущіе луга и рощи,—

А тамъ сердитое Каспійское море,
Какъ ворона крыло, чернѣлося вдали.

Иногда онъ скажетъ съ *изящнымъ остроуміемъ:*

Насытилъ злость комаръ; льва жалуетъ онъ миромъ:
Изъ Ахиллеса вдругъ остановится Омиромъ
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

И какое счастье, что его басни облечены именно въ эту *живую форму!* Что, если бы ихъ мораль, старинная и почтенная, звучала безъ ироніи, безъ улыбки, безъ шутливости, — тяжелая, какъ фигура самого Крылова? Но нѣтъ, въ проказливой мѣткости своего стильнаго языка, въ оболочкѣ своей фабулы и лукавой характеристики онѣ *легки, игривы, задорны,* и онѣ живутъ—*искристыя, свѣжія, звонкія*—какъ живетъ сама жизнь, сама житейская мудрость.

Однако, житейская мудрость не есть самое высокое и цѣнное въ мірѣ. То, что проникнуто ею, стелется по землѣ и не служитъ идеальнымъ запросамъ духа. Крыловъ, любившій въ юности посѣщать базары и шумныя площади, разлилъ по своимъ произведеніямъ большой и богатый жизненный опытъ, и если послушаться его басенъ, принять ихъ мораль, пріобрѣтенную на рынкѣ житейской суеты, то можно хорошо приспособить себя къ дѣйствительности. Не этому учатъ великіе учители. И этому учить вообще не приходится, такъ какъ на приспособленіе къ жизни сами собою, безъ чужого поощренія, направляются заботы каждаго. Отсюда басня поневолѣ мелка.

Да и потому, что она толкуетъ о животныхъ, о растеніяхъ, о вещахъ, она *не можетъ вмѣстить въ себя человѣческой многосторонности и тонкости.*

Есть, конечно, наивная красота въ самомъ приближеніи къ элементарности существованія, въ самомъ замыслѣ упростить сложность людскихъ отношеній, свести ее къ немногимъ и безхитростнымъ линіямъ басни и воскресить полузабытое исконное родство человѣка и животныхъ, для того чтобы въ рядѣ примѣровъ и притчъ разобрать на отдѣльныя нити всю психологическую ткань жизни. Но этой цѣли достигнуть нельзя, потому что даже и для такого художника, какимъ былъ Крыловъ, *міръ людей и міръ животныхъ остаются несоизмѣримы.* Широкіе и крупные штрихи, которые примѣняетъ басня, не соотвѣтствуютъ разнообразной игрѣ человѣческой физіономіи и души въ ея наиболѣе интересныхъ и глубокихъ проявленіяхъ.

Басня только приблизительна. Она скользитъ по поверхности. Баснописецъ не возвышается надъ другими; то, что онъ почерпаетъ изъ окружающаго, вполнѣ обыкновенно, и его устами говоритъ *средній человѣкъ;* въ этомъ его существенный признакъ, и въ этомъ его сила и власть надъ умами, надъ средними умами. Онъ для всѣхъ понятенъ. Крыловъ всѣмъ дѣдушка. И говоритъ онъ исключительно о томъ, что безспорно, по крайней мѣрѣ—въ житейскомъ смыслѣ. Но безспорна и пошлость, безспорно все слишкомъ общее, не индивидуализованное, все чуждое оттѣнковъ. Поэтому и сюжетъ всякой басни имѣетъ характеръ общедоступный. Бродячій, онъ принадлежитъ всѣмъ; характерно, что на басню не существуетъ права собственности.

Гоголь въ заслугу вмѣняетъ Крылову то, что онъ обладалъ „умомъ выводовъ“ и былъ сродни пословицѣ, которая „не есть какое-нибудь впередъ поданное мнѣніе или предположеніе о дѣлѣ, но уже подведенный итогъ дѣлу, отсѣдъ, отстой уже перебродившихъ и кончившихся событій.“ Между тѣмъ какъ разъ это и не составляетъ заслуги, какъ разъ въ этомъ и есть малость Крылова. Живая пословица русской литературы, *онъ не имѣетъ никакого a priori.* Чуждый „возвышающаго обмана”, съ подлиннымъ вѣрный, не свои требованія, идеалы и запросы противопоставилъ онъ жизни, а къ ней приладилъ себя, пошелъ, не мудрствуя, по ея стопамъ и въ результатѣ явился передъ нами какъ ея внимательный и по-

слушный выученикъ. *Неправда Крылова въ томъ, что онъ правъ,—слишкомъ правъ.*

Крыловъ не видитъ кругомъ себя *ничего сложнаго;* жизнь рисуется ему въ общихъ и немногихъ очертаніяхъ, и для него жизненные ларчики открываются просто; незамѣтны и непонятны ему загадочныя и запутанныя сплетенія.

Если жизнь проста и не нужны для нея мудрецы механики, то *средній человѣкъ*, а вслѣдъ за нимъ *и баснописецъ*, его патронъ, его пѣвецъ, *не можетъ не относиться къ наукѣ и философіи съ большою долей недовѣрія.*

Онѣ представляются ему въ свѣтѣ *педантическомъ и смѣшномъ.*

Здравый смыслъ—самый надежный руководитель, высшій трибуналъ, который удовлетворяетъ всѣ потребности бытія. Слѣдуйте ему, какъ это дѣлалъ огородникъ, и вамъ будетъ хорошо и выгодно; философъ же останется безъ огурцовъ,—а хуже такого жребія, конечно, ничего не можетъ и вообразить себѣ поклонникъ здравой разсудительности.

Онъ признаетъ *умѣренную пользу и скромную цѣну просвѣщенія;* однако пучина знаній для него страшна, и дерзкій умъ отважнаго водолаза находитъ себѣ погибельный, но поучительный конецъ.

Уже съ юныхъ дней надо слѣдить за тѣмъ, чтобы не напитаться ученьемъ вреднымъ.

Червонецъ души теряетъ свой блескъ и цѣнность отъ чрезмѣрной культуры; о нѣкоторыхъ приходится даже, въ шутку, сказать: „они же грамотѣ, къ несчастью, знали“.

Несчастье знанія расшатываетъ привычные устои жизни. Мысль, предоставленная самой себѣ, способна зажечь пожаръ, въ которомъ погибнутъ и ея зачинатель, и его послѣдователи.

Поэтому не снимайте узды съ ретиваго коня; упоенный свободой, онъ сброситъ сѣдока и убьется самъ,—„какъ ни приманчива свобода, но для народа не меньше гибельна она, когда разумная ей мѣра не дана“.

Вотъ почему сочинитель, это—супостатъ, худшій разбойника; онъ вселяетъ безвѣріе, отравляетъ умъ и сердце дѣтей и, что для обывателя особенно страшно, осмѣиваетъ супружество, начальства, власти. Онъ величаетъ безвѣрье просвѣщеніемъ, и если теперь цѣлая страна полна убійствами и грабежами, раздорами и мятежа-

ми, то этому виною не кто другой, какъ именно сочинитель. Вольтеру въ аду придется горше, чѣмъ разбойнику.

Всякій порывъ, всякое стремленіе и сомнѣніе, всякое странствіе духа противны умѣренному и спокойному человѣку, осѣдлому жителю жизни. Не стремитесь „повѣрить быль съ молвой", не спѣшите въ даль, вспомните судьбу бѣднаго голубка, который покинулъ родную землю и родного брата,—живите дома. И дома будьте домовиты, хозяйственны, заботливы, не отдавайтесь легкомысленно пѣснямъ: иначе васъ осмѣетъ и покараетъ жестокая добродѣтель муравья.

Міровоззрѣніе средняго человѣка окрашено *несимпатичной краской житейскаго пессимизма*,—ее же принимаетъ и баснописецъ. Идите по жизни съ опаской, не довѣряйте людямъ. Берегитесь друга: онъ или хитеръ или глупъ, онъ или лиса или медвѣдь. И вообще человѣческая дружба устойчива только до первой кости, какъ вѣчный миръ заключается до первой ссоры. Когда васъ хвалятъ, то это корыстно, какъ взаимныя похвалы кукушки и пѣтуха, какъ лесть коварной лисицы; если вы повѣрите чужому одобренію, вы потеряете свой кусокъ хлѣба, свой кусокъ сыру. Недаромъ лучшій и наиболѣе художественный образъ, какой создалъ Крыловъ въ галлереѣ своихъ людей-животныхъ, это—лиса въ ея многообразной роли. Не вѣрьте, чтобы она когда-нибудь отрѣшилась отъ своей хитрости; дайте вору хоть милліонъ, онъ воровать не перестанетъ. Да чего и ждать отъ такой дѣйствительности, гдѣ приходится терпѣть обиды отъ осла, гдѣ одобряютъ ослы ослово, красно-хитро-сплетенное слово, гдѣ паукъ норовитъ заткать солнце орлу?...

Слишкомъ хорошее знаніе жизни съ ея опасностями, которыя требуютъ быть настороже, не исключаетъ, впрочемъ, у баснописца критическаго отношенія къ тому, что̀ въ ней могуче, властно и богато, не исключаетъ искренняго и смѣлаго демократизма; порою, эпизодично, раздается даже протестъ противъ лежачести камня, противъ стоячей воды пруда. Крыловъ знаетъ, что „есть и въ браминахъ лицемѣры"; онъ дѣлаетъ упреки и даетъ совѣты самой силѣ. Въ баснѣ „Пестрыя овцы" онъ показалъ, какъ царственный левъ умѣетъ оставаться въ сторонѣ, а молва считаетъ злодѣями только его исполнителей-волковъ. Всѣ эти съ червонцами мѣшки, воеводы и судьи, умные умомъ своихъ секретарей, всѣ эти осиновые чурбаны въ роли царей, аристократы-гуси и волки, пасущіе

овецъ,—никто изъ нихъ не ускользаетъ отъ насмѣшки баснописца. И онъ видитъ и цѣнитъ не только нарядные листы, но слышитъ и голосъ корней, подземную работу скромныхъ и темныхъ кормильцевъ.

И все же Загорѣцкій поступилъ бы напрасно, если бы, назначенный цензоромъ, онъ, по своему обѣщанію, налегъ на басни, „смерть свою". „Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами" въ сущности не страшны. Сатирикъ самъ никогда не бываетъ чуждъ предмету своей сатиры. А сатирикъ-баснописецъ особенно добродушенъ, и ужъ ни въ какомъ случаѣ онъ не радикаленъ, не опасенъ. Басни могъ бы писать и Молчалинъ. Ихъ пишетъ человѣкъ *спокойный*.

Трудно представить себѣ баснописца не старикомъ; самъ Крыловъ выступилъ въ этой роли уже на пятомъ десяткѣ. Басни пишетъ человѣкъ довольный и примиренный,—онъ подобралъ уже всѣ ключи къ жизни и увѣренно побрякиваетъ ихъ связкой.

Но удовлетворенность баснописца, его лѣнивое благодушіе не есть то просвѣтленное благоволеніе къ жизни, та высшая мудрость, которая побуждаетъ жить съ міромъ въ мирѣ, принять и благословить его: нѣтъ, Крыловъ доволенъ потому, что онъ *нетребователенъ*.

Зато самъ онъ не удовлетворяетъ чужимъ требованіямъ, когда они идутъ за предѣлы житейской практичности, неподражаемой формы и сверкающаго юмора.

Ю. Айхенвальдъ.

Сила басенъ Крылова—въ ихъ художественности.

Басня была именно тѣмъ литературнымъ жанромъ, въ которомъ особенно полно и удачно могла выразиться индивидуальность Крылова.

Комедія требуетъ отъ писателя глубокаго проникновенія въ сердца человѣческія; трагедія,—кромѣ того, способности глубоко и сильно чувствовать; лирика—необыкновенной отзывчивости и тонкости чувства;—всего этого у Крылова не было...

Крыловъ не способенъ былъ глубоко чувствовать: это былъ человѣкъ не чувства, *а разсудка;* житейская опытность помогла ему выработать рядъ отрывочныхъ практическихъ правилъ, которыхъ онъ съ его облѣнившимся умомъ не связалъ въ стройную систему...

Самую выгодную литературную форму для выраженія чувствъ такого сатирика, какимъ былъ Крыловъ, представляла именно басня.

Отрывочныя мысли для ихъ выраженія не требовали произведенія большого по размѣрамъ, а осторожность, пріобрѣтенная съ годами, подсказывала *иносказаніе.*

Наконецъ удивительная *наблюдательность,* не шедшая впрочемъ, въ глубину, дала ему возможность свои произведенія сблизить съ дѣйствительностью, а художественный талантъ воодушевилъ его созданья, вдохнулъ въ нихъ жизнь...

...Любопытенъ вопросъ, въ какой же мѣрѣ выразилась личность баснописца въ его твореніяхъ. Мы говорили о тѣхъ практическихъ правилахъ, которыя несомнѣнно выработались у Крылова; эти правила вполнѣ сказались въ нравоученіяхъ его басенъ, въ тѣхъ общихъ положеніяхъ, поясненію которыхъ посвящены эпизоды, выхваченные изъ жизни.

Живость и правдивость басенъ доказываютъ, что эти эпизоды не сочинены Крыловымъ ради назидательности, а именно *взяты изъ жизни.*

Сентенціи были при Крыловѣ, жизнь часто противорѣчила имъ, и мудрецъ считалъ своимъ долгомъ вступиться за свои убѣжденія:

За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась, я смотрю на суету мірскую
И философствую сквозь сонъ..

(„Прудъ и рѣка").

Эти строчки имѣютъ, какъ намъ кажется, автобіографическое значеніе; всѣ его „философствованія" именно нуждались „въ суетѣ мірской", которая очень часто занимала его даже больше самихъ „философствованій".

Крыловъ — прежде всего *художникъ-жанристъ,* схватывающій жизнь въ ея типическихъ проявленіяхъ; моралистъ въ немъ заслоненъ художникомъ.

Съ этой художественной, такъ сказать, внѣшней стороны басни Крылова въ исторіи нашей литературы всегда были и будутъ *образцовыми произведеніями;* именно своею художественностью доставили онѣ неувядаемую славу ихъ творцу и, быть можетъ, именно ихъ совершенствомъ можно объяснить то интересное явленіе въ исторіи нашей литературы, что никто не рѣшился состязаться съ Крыловымъ въ баснописаніи. Онъ, безспорно, *нашъ первый оригинальный реалистъ;* подъ его ближайшимъ вліяніемъ воспитался Гоголь.

Но *за красивой наружностью* басенъ скрывается *бѣдная мыслъ.*

Крыловъ, какъ человѣкъ, не способенъ внушать къ себѣ особенныхъ симпатій; если онъ, какъ талантливый художникъ, и стоялъ двумя головами выше своихъ сотоварищей по перу, то какъ человѣкъ, онъ не возвышался надъ толпой; и это ясно сказалось на его басняхъ: ихъ мораль не превышаетъ скромныхъ требованій „житейской мудрости". „Будь остороженъ", „знай свой шестокъ", „не хвались раньше времени", „перенимай съ умомъ", „будь доволенъ малымъ", „не вѣрь врагамъ", „не довѣряйся черезчуръ друзьямъ", „не затѣвай новшества", „къ ученью подступай съ опаской" и т. д. — вотъ какія истины провозглашалъ Крыловъ.

Мы не сомнѣваемся, что, будь художественный талантъ его меньше, мы теперь и не вспоминали бы о немъ, но этотъ талантъ не только спасъ отъ забвенія имя нашего баснописца, но, быть можетъ, противъ воли его самого заставилъ его писать такъ, что читатель иногда выноситъ изъ чтенія басни совсѣмъ не то впечатлѣніе, какое хотѣлъ произвести авторъ: блѣдное нравоученіе легко забывается, — и остается въ памяти художественно тонкая сатира на пошлую дѣйствительность.

В. Сиповскій.

Художественность басенъ Крылова.

Въ баснѣ различаются 2 элемента: аллегорія и выводимая изъ нея мораль.

Древніе баснописцы обращали вниманіе главнымъ образомъ

на мораль. Они обыкновенно считали людей настолько неразвитыми, что не думали, чтобы люди могли сами понять смыслъ аллегоріи. Поэтому они большую часть труда посвящали разработкѣ морали, и выражали послѣднюю въ болѣе или менѣе длинныхъ нравоученіяхъ, предшествовавшихъ аллегорическому разсказу или замыкавшихъ его.

Но центръ тяжести въ баснѣ лежитъ именно *въ аллегоріи.* Древнѣйшая басня произошла изъ животнаго эпоса, и въ ней дѣйствующими лицами всегда являлись животныя, иногда деревья, камни, минералы.

Въ аллегоріи и заключается сила басни.

Аллегорія ставитъ предъ человѣкомъ истину въ воплощенномъ, яркомъ образѣ. Человѣкъ своими глазами видитъ результаты того или иного поступка, послѣдствія той или иной страсти, той или иной черты.

Комичный колоритъ, разлитый въ баснѣ и вызванный тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣйствуютъ и говорятъ звѣри или неодушевленные предметы, еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе. Рельефный образъ глубоко врѣзывается въ память, человѣка, и оставляетъ въ его умѣ неизгладимый слѣдъ.

Этотъ слѣдъ и есть выводъ изъ аллегоріи, ея *мораль.* Но выводъ этотъ дѣлается безсознательно, непроизвольно, самъ собою, и тѣмъ онъ вѣрнѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ ярче, чѣмъ удачнѣе аллегорія.

Какъ извѣстно, животный эпосъ зародился въ эпоху младенчества человѣчества. Человѣкъ стоялъ на низкомъ умственномъ уровнѣ, не сознавалъ своего превосходства надъ окружающимъ животнымъ міромъ, считалъ животныхъ родными существами и одѣлялъ ихъ тѣми же качествами и недостатками, какія подмѣчалъ въ себѣ. Характерные, конечно вымышленные, навѣянные собственной жизнью человѣка эпизоды изъ жизни животныхъ, человѣкъ излагалъ въ художественной формѣ и потомъ въ минуту досуга передавалъ сосѣдямъ, знакомымъ, дѣтямъ, желая подѣлиться своими впечатлѣніями и *свѣдѣніями* и дать художественное наслажденіе.

Поступки и мысли человѣка, приписываемые животнымъ и камнямъ, разсматривались человѣкомъ уже объективно. Рельефнѣе проступали ихъ темныя или свѣтлыя стороны. Впослѣдствіи, когда человѣкъ уже выдѣлилъ себя изъ общей семьи земныхъ предметовъ, онъ сталъ *сознательно* надѣлять звѣрей, птицъ, камни

своими умственными силами и нравственными качествами, прекрасно понимая, что они на дѣлѣ ими не обладаютъ, и пользуясь сказкой, какъ *воспитательнымъ, дидактическимъ средствомъ.*

Сказка перешла въ басню.

Нравоученіе было ей чуждо. Нравоученіе чаще всего скучно, вслѣдствіе своего отвлеченнаго характера, не дѣйствуетъ ни на сердце, ни на воображеніе и какъ воспитательное средство стоитъ ниже аллегоріи.

Древніе этого не понимали.

Первый понялъ превосходство аллегоріи надъ нравоученьемъ знаменитый французскій писатель *Лафонтенъ.* Въ своихъ басняхъ онъ тщательно разрабатывалъ аллегорію и довелъ ее до высокой степени художественности. Однако въ большинствѣ басенъ Лафонтена нравоученіе является еще равноправнымъ элементомъ, а часто даже преобладающимъ. Лафонтенъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ недостатковъ своихъ предшественниковъ, и его басни, во многихъ случаяхъ приближаясь къ идеалу художественной басни, въ большинствѣ еще далеки отъ него.

Чаще, чѣмъ Лафонтенъ, приближался къ идеалу безсмертный русскій баснописецъ *Крыловъ.*

При большинствѣ басенъ Крылова нравоученія вовсе нѣтъ. Мораль сама собою вытекаетъ изъ аллегорическаго разсказа, и понятна всякому, даже ребенку.

Правда, бываютъ случаи, что Крыловъ даже ослабляетъ впечатлѣніе басни нравоученіемъ. Таковы басни: „Пушки и паруса“, гдѣ нравоученіе очень слабо, очень наивно; „Обозъ“, гдѣ оно совершенно лишнее; „Щука и котъ”, гдѣ оно начинается остроумно, но страдетъ нѣкоторой длиннотой.

Но такихъ басенъ, повторяемъ, у Крылова очень мало. Въ большинствѣ случаевъ *нравоученіе у Крылова даже усиливаетъ впечатлѣніе, произведенное аллегорическимъ разсказомъ,* и достигаетъ этого или своей наивной простотой или своей граціозной формой, мѣткимъ выраженіемъ, тѣмъ, что мораль основывается не на глубокихъ теоретическихъ соображеніяхъ, а на житейскомъ опытѣ и простомъ здравомъ смыслѣ.

Такъ напримѣръ, въ баснѣ „Свинья“, въ которой Крыловъ осмѣиваетъ невѣжественныхъ критиковъ, неспособныхъ замѣчать въ разбираемой вещи ничего, кромѣ худого, прибавлено слѣдующее нравоученіе:

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть,
Но какъ же критика хавроньей не назвать,
Который, что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть?

Эта прибавка и нравоученіе и не нравоученіе. Она производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто автору послѣ прочтенія басни пришла въ голову забавная мысль, которой онъ не можетъ не подѣлиться со своими читателями. Но онъ боится, какъ бы эта мысль не была принята за нравоученіе, какъ бы кто-нибудь не обидѣлся на него, и спѣшитъ оговориться:

„Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидѣть",

и благодушно прибавляетъ, искусно разыгрывая роль недоумѣвающаго:

„Но какъ же критика хавроньей не назвать"... и т. д.

Басню „Крестьянинъ и змѣя" Крыловъ замыкаетъ слѣдующей фразой:

„Отцы, понятно ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?"

Смыслъ басни ясенъ всякому. Нѣтъ нужды объяснять аллегорію. Но горькая правда слишкомъ рѣзко выражена въ баснѣ, и Крыловъ боится, что отцы намѣренно закроютъ глаза на нее, притворяясь, что ея не понимаютъ, и онъ лукаво толкаетъ ихъ, подмигивая и ставя вопросъ такимъ тономъ, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ знаетъ, что мораль его басни понята.

Баснѣ „Ворона и лисица" Крыловъ предпосылаетъ такое вступленіе:

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна, да все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.

Крыловъ, такимъ образомъ, не беретъ на себя роли моралиста, онъ не намѣренъ выяснять въ своей баснѣ, что лесть гнусна, вредна, это старая истина, онъ какъ бы напираетъ только на то обстоятельство, что „въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ", и доказываетъ эту мысль басней. Эта мысль является гвоздемъ басни, а между тѣмъ всякій чувствуетъ, что Крыловъ хотѣлъ сказать не то.

Главное вниманіе Крыловъ обращалъ на аллегорическій раз-

сказъ, и въ этомъ отношеніи достигалъ *виртуозной художественности.*

Такъ, глупыхъ и пошлыхъ людей Крыловъ выводитъ подъ видомъ осла, самаго глупаго, по народному мнѣнію, животнаго. Артистъ, прекрасно знающій свое дѣло и одаренный недюжинными способностями, олицетворяется въ видѣ соловья, этого царя пѣвчихъ птицъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть удачнѣе подобнаго выбора.

Французскій эмигрантъ, пріѣхавшій въ Россію зашибить деньги и берущійся за отвѣтственное дѣло воспитанія дѣтей, весьма мѣтко представленъ въ видѣ змѣи.

Даже заимствуя сюжетъ у иностранныхъ баснописцевъ, Крыловъ перерабатывалъ его совершенно на свой ладъ, внося въ него необходимыя поправки.

Такъ, напримѣръ, въ баснѣ „Ворона и лисица" дѣйствующимъ лицомъ является не *воронъ* Эзопа, Федра и Лафонтена, а *ворона*... На первый взглядъ эта замѣна кажется нѣсколько странной: вѣдь и въ Россіи водятся вороны, и Крыловъ, безъ сомнѣнія, это зналъ. Но, если глубже вдуматься въ мотивы, побудившіе Крылова замѣнить ворона вороной, нельзя не удивиться его художественному и психологическому чутью...

Суть басни заключается въ томъ, что лисицѣ самой грубой лестью удалось выманить у во̀рона сыръ. Мы говоримъ „грубой лестью"... Но на самомъ ли дѣлѣ это была лесть? Вѣдь, во̀ронъ, строго говоря, птица довольно красивая. Особенно хороши его перья, имѣющія великолѣпную черную окраску, съ синимъ отливомъ. Цвѣтъ этихъ перьевъ даже вошелъ въ поговорку. Есть сукно цвѣта „воронова крыла", есть волосы, черные, „какъ вороново крыло"...

Значитъ, лисица ничуть не лгала, и восхищеніе, высказываемое ею при видѣ ворона:

„Какія перышки!"

было бы несправедливо назвать лестью...

Слѣдовательно, образъ, взятый всѣми тремя баснописцами: Эзопомъ, Федромъ и Лафонтеномъ, не вполнѣ удаченъ, и басни ихъ въ значительной степени лишаются своей художественности, и уже не возбуждаютъ въ читателѣ такого живого интереса.

Крыловъ это понялъ. Онъ былъ очень остороженъ въ выбо-

рѣ поэтическихъ образовъ, и поэтому замѣнилъ ворона вороной. Ворона, дѣйствительно, птица некрасивая, даже безобразная. Голова у ней слишкомъ большая въ сравненіи съ туловищемъ, туловище короткое, перья грязно-сѣраго цвѣта, и вся она производитъ впечатлѣніе чего-то неуклюжаго, мѣшковатаго. По отношенію къ такой птицѣ похвалы лисицы уже дѣйствительно составляютъ безстыдную лесть.

Съ удачнымъ выборомъ поэтическихъ образовъ у Крылова соединяется и искусная характеристика дѣйствующихъ лицъ.

Какъ, напримѣръ, великолѣпна характеристика осла въ баснѣ „Оселъ и соловей".

Уже съ первыхъ строкъ басни начинаетъ обрисовываться нравственный обликъ осла. Начать съ того, что онъ неблаговоспитанъ до неприличія. Увидѣвъ въ первый разъ въ жизни великаго артиста, соловья, онъ обращается къ нему съ фамильярностью, достойною его длинныхъ ушей:

„Послушайка-ка, дружище!
„Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище".

Послѣ этого „дружище" и „мастерище" такъ и ожидаешь, что онъ дружески хлопнетъ соловья своимъ копытомъ по спинѣ и ласково потреплетъ его по шеѣ.

Уже одна фамильярность осла свидѣтельствуетъ объ его глупости. Но это еще мало. Онъ слышалъ, что соловья хвалятъ, какъ великаго пѣвца,—и ему любопытно услышать его пѣнье, но онъ относится къ соловью съ какой-то недовѣрчивостью, свысока и даже нѣсколько иронически:

„Хотѣлъ бы очень я
„Самъ посудить, твое улышавъ пѣнье,
„Велико-ль подлинно твое умѣнье?"

А о себѣ онъ очень высокаго мнѣнія, себя онъ считаетъ великимъ авторитетомъ, какъ всѣ недоучки, настолько, что не вѣритъ вкусу другихъ цѣнителей, и во всемъ полагается только на свое эстетическое чутье.

Соловей удовлетворяетъ его желанію — и затягиваетъ свою чудную пѣснь... Оселъ, видно, восхищенъ, но ему жаль, что подобный талантъ не получаетъ надлежащаго развитія, и онъ совѣтуетъ соловью поучиться немножко у пѣтуха.

— Изрядно, — говоритъ, — сказать не ложно,
Тебя безъ скуки слушать можно,
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.

Въ этихъ словахъ оселъ обрисовывается во весь ростъ. Его восхищаетъ пѣнье пѣтуха... Онъ считаетъ пѣтуха идеаломъ артиста... Этого убійственнаго признанія довольно, чтобы составить себѣ понятіе объ его глупости и невѣжествѣ.

Такъ же хороша и характеристика лисицы въ баснѣ „Ворона и лисица".

У лисицы преобладающей чертой характера является хитрость, и эта хитрость великолѣпно изображена въ баснѣ.

Лисицѣ захотѣлось выманить у вороны сыръ. Она начинаетъ дѣятельную аттаку противъ вороны, но ведетъ ее по всѣмъ правиламъ искусства. Она осторожна: осторожность—залогъ успѣха. Она не бросается къ дереву: она подходитъ на цыпочкахъ, чтобы не спугнуть ворону своей стремительностью. У нея дипломатическій умъ. Она не подаетъ виду, что ее прельстилъ сыръ,—она искусно разыгрываетъ роль удивленной, восхищенной... Ее поразила красота вороны, она „съ вороны глазъ не сводитъ", вертитъ хвостомъ отъ удовольствія. У ней отъ полноты чувства уста глаголютъ. Она не можетъ скрыть своего восхищенія, и говоритъ, какъ бы сама съ собою:

„Голубушка, какъ хороша!
„Ну, что за шейка, что за глазки!
„Разсказывать, такъ, право сказки!
„Какія перышки! Какой носокъ!"

Видя красоту вороны, она дѣлаетъ предположеніе, что у вороны

И, вѣрно, ангельскій быть долженъ голосокъ!

Ворона молчитъ. Лисица приписываетъ ея молчаніе чувству стыдливости,—въ существованіи „ангельска голоска" она уже увѣрена,—и нѣжно убѣждаетъ ворону:

„Спой, свѣтикъ, не стыдись!"

и снова куритъ ѳиміямомъ лести:

„Что, ежели, сестрица,
„При красотѣ такой и пѣть ты мастерица?“ —
„Вѣдь ты бъ у насъ была царь-птица!“

Большую художественность баснямъ Крылова придаетъ *выдержанность* характеристики, достигаемая сохраненіемъ психологической вѣрности. Въ басняхъ Крылова часто не къ чему придраться. Впечатлѣніе получается цѣльное, закругленное, иллюзія полная. Крыловъ излагаетъ событія такимъ увѣреннымъ, убѣжденнымъ тономъ, что читателю и въ голову не приходитъ сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли такъ происходило все, описываемое баснописцемъ. Этотъ увѣренный тонъ Крылова объясняется тѣмъ, что Крыловъ глубоко вдумывался въ свой сюжетъ, и создавалъ вполнѣ правдоподобную картину, въ которой каждая черточка была жизненна. Онъ не сомнѣвался въ томъ, вѣроятна ли та или иная черта. Онъ не приступалъ къ картинѣ, пока не устанавливалъ въ окончательной формѣ всѣ ея штрихи, и писалъ за то увѣренно, перенося на бумагу точную копію съ той картины, которая во всѣхъ своихъ краскахъ уже готова была въ его головѣ. И его картины, поэтому, захватываютъ читателя, питая его чувство, его воображеніе, его умъ, давая пищу его самокритикѣ, но не доставляя матеріала отрицательной критикѣ.

Чтобы подтвердить свою мысль, сдѣлаемъ сравнительную характеристику басни „Ворона и лисица”, разработанной четырьмя писателями: Эзопомъ, Федромъ, Лафонтеномъ и Крыловымъ.

Басня Эзопа представляетъ собою небольшое по объему произведеніе, граціозное, прелестное по своей простотѣ и безыскусственности и по незатѣйливости языка. Впечатлѣніе, производимое ею, можно сказать, мирное какое-то, тихое, успоительное. Нравоученіе у этой басни очень оригинальное и удачное. Подольстившись къ ворону и выманивъ у него сыръ, лисица убѣгаетъ и на бѣгу, какъ бы вспомнивъ что-то, бросаетъ ворону: „О вòронъ, если бъ ты еще обладалъ разумомъ!” Значитъ, лиса не беретъ своихъ словъ назадъ, она не даетъ даже понять вòрону, что льстила ему, она только вноситъ поправку въ свои слова, и дѣлаетъ это такъ естественно, что вòрону и въ голову не можетъ притти усумниться въ искренности. Пріемъ, примѣненный Эзопомъ, можно назвать высоко-художественнымъ. У Эзопа нравоученіе есть, а между тѣмъ его какъ бы нѣтъ, такъ тѣсно оно слито съ содержаніемъ басни, а это составляетъ одно изъ лучшихъ ея достоинствъ.

Но, если вдуматься въ басню Эзопа, все-таки нельзя не замѣтить, что заключительная фраза лисицы, при всемъ своемъ остроуміи и при всей своей тактичности, однако очень не умна. Въ самомъ дѣлѣ: какъ ни наивенъ и глупъ воронъ онъ все-таки можетъ задуматься надъ комплиментомъ лисицы. Если онъ и не пойметъ его настоящаго смысла, во всякомъ случаѣ онъ разсердится, и впредь съ лисицей ни въ какіе разговоры вступать не будетъ. А это для лисицы не выгодно: она такъ любитъ поживиться на чужой счетъ.

О баснѣ Федра и говорить не стоитъ. Сюжетъ разработанъ очень неудовлетворительно; въ ней нѣтъ ни психологической, ни художественной точности, и изложеніе слишкомъ кудреватое.

Басня Лафонтена, прежде всего, страдаетъ многословіемъ. Сюжетъ разработанъ лучше, чѣмъ у Федра, и полнѣе, чѣмъ у Эзопа, и во многомъ приближается къ баснѣ Крылова, но, стоя выше басни Федра, уступаетъ баснѣ Эзопа.

Въ ней, во-первыхъ, много погрѣшностей противъ психологической истины. Такъ, лиса, выманивъ у вòрона сыръ и убѣгая съ нимъ, на прощаніе насмѣхается надъ обманутой птицей—и замѣчаетъ ей, что она очень глупа, такъ какъ вѣритъ льстецамъ. Эта сентенція лисицы составляетъ какъ бы нравоученіе басни и съ внѣшней стороны удовлетворяетъ требованіямъ художественности, такъ какъ тѣсно слита съ содержаніемъ басни. Но съ внутренней стороны, она неестественна, можно сказать, нелѣпа. Вѣдь въ интересахъ льстеца, чтобы тотъ, кому онъ втираетъ очки, даже тогда, когда льстецъ уже добился цѣли, и не подозрѣвалъ, что ему мылятъ глаза... Для лисицы было какъ нельзя удобнѣе, чтобы воронъ находился въ полной увѣренности, что лишился сыра по простой случайности, а не по винѣ лисицы. Благодаря заблужденію ворона, она же могла второй разъ надуть его, однако она, вопреки своему уму и своей хитрости, открываетъ ворону собственную подлость... Можно только удивляться, какъ Лафонтенъ самъ не понялъ этой несообразности...

Послѣ насмѣшки лисицы воронъ серьезно клянется впредь не вѣрить льстецамъ. Эта прибавка тоже портитъ впечатлѣніе.

У Лафонтена нѣтъ также полноты иллюзіи. Онъ излагаетъ событіе какъ-то неувѣренно, робко, самъ не будучи убѣжденъ въ томъ, точно ли оно такъ происходило, словно передавая разсказъ

отъ имени третьяго лица. Расхваливая вòрона и его красоту, лиса у Лафонтена говоритъ: „Какъ ты прекрасенъ! Какимъ ты мнѣ кажешься красивымъ!...” Это „кажешься” очень странно. Лисица какъ бы оставляетъ себѣ лазейку на тотъ случай, когда вòронъ прерветъ ея лесть восклицаніемъ: „Молчи, проныра! Чего лжешь?” А она завиляетъ хвостомъ: „Да я, видишь ли, близорука... Мнѣ и показалось...”

Передавая рѣчь лисицы, Лафонтенъ выражается такъ: „Лисица говоритъ приблизительно слѣдующее“... Это „приблизительно” тоже не на своемъ мѣстѣ. Читателю хочется слышать *точную, а не приблизительную* передачу того, что лисица говорила.

А такихъ недостатковъ очень много въ баснѣ Лафонтена, такъ что ее трудно считать даже басней. Это, въ сущности, не законченное произведеніе, а нѣчто въ родѣ наброска, и то—небрежнаго наброска.

Лучше всѣхъ справился съ этимъ благодарнымъ сюжетомъ Крыловъ. Какъ хороша характеристика лисицы и какъ остроумно вступленіе басни, мы уже видѣли. Если теперь прибавимъ, что въ баснѣ Крылова нѣтъ *ни одного* изъ тѣхъ недостатковъ, которые мы указали въ баснѣ его предшественниковъ, мы получимъ истинное представленіе о художественности „Вороны и лисицы“,—одного изъ многихъ образцовъ художественной басни Крылова. Въ ней есть недюжинная психологія, замѣчательная выдержанность и поразительная исторія.

Большинство басенъ Крылова запечатлѣны духомъ народности, что придаетъ имъ большую художественность. Народность эта выражается въ *духѣ* басенъ Крылова и въ общемъ тонѣ ихъ. Чисто народна мораль басенъ Крылова, которая отличается необыкновенной жизненностью и глубокой мудростью. Эта мораль вѣками вырабатывалась въ жизни русскаго народа и нашла себѣ прекрасное воплощеніе въ басняхъ Крылова; мораль выражается народными пословицами, необыкновенно мѣткими и мудрыми:

По мнѣ ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй.

Что посѣешь, то и пожнешь.

Съ другой стороны многія выраженія Крылова сдѣлались пословицами и вошли въ повседневную рѣчь.

А ларчикъ просто открывался.

А Васька слушаетъ да ѣстъ.

Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Всѣ эти поговорки извѣстны каждому. Многіе употребляютъ ихъ въ разговорѣ, даже не зная ихъ происхожденія. Это доказываетъ существованіе глубокаго родства между моралью Крылова и народной моралью.

Въ морали Крылова видны чисто-народныя черты.

„Въ Крыловѣ, говоритъ Гоголь, отразился тотъ *вѣрный тактъ русскаго ума,* который, умѣя выразить истинное существо всякаго дѣла, умѣетъ выразить его такъ, что никого не оскорбитъ выраженіемъ и не возстановитъ ни противъ себя, ни противъ мысли своей даже несходныхъ съ нимъ людей".

„Въ голосѣ Крылова слышится *разумная середина, примиряющій третейскій судъ, которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ до своего полнаго совершенства*".

И дѣйствительно, всѣ сужденія Крылова здравы, продуманы, строго провѣрены и выражены, поэтому, увѣренно. По этой же причинѣ они вполнѣ объективны, и никого обидѣть не могутъ. Ихъ юморъ проникнутъ какимъ-то добродушіемъ, и радуетъ человѣка. Крыловъ просто и мило, безъ всякой задней мысли, подсмѣивается громко, отъ всей души, и читатель вполнѣ искренно и весело смѣется вмѣстѣ съ нимъ, хотя бы нашелъ въ баснѣ свое отраженіе, въ цѣломъ или въ частностяхъ.

Эти народныя черты придаютъ баснямъ Крылова глубокую художественность.

Художественъ и языкъ Крылова.

Языкъ басенъ Крылова достигъ идеальнаго совершенства. Это языкъ легкій, гибкій, граціозный, передающій всѣ переливы чувства, всѣ оттѣнки разговора, находящійся въ полномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ басни.

По выраженію Гоголя, „стихъ Крылова звучитъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ, движется, гдѣ предметъ движется, крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака".

По мѣрѣ возрастанія быстроты дѣйствія, изображаемаго въ концѣ басни „Обозъ", возрастаетъ и быстрота стиха:

Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ,
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки;
Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ — бухъ въ канаву!...

Въ резолюціи, которую дѣлаетъ лисица въ баснѣ „Крестьянинъ и овца", такъ и слышится сухое, отрывистое чтеніе запутанной, неуклюжей бумаги какимъ-нибудь секретаремъ:

Не принимать *никакъ* резоновъ отъ овцы,
Понеже хоронить концы
Всѣ плуты, вѣдомо, искусны;
По справкѣ жъ явствуетъ, что въ сказанную ночь
Овца отъ куръ не отлучалась прочь;
А куры очень вкусны,
И случай былъ удобенъ ей;
То я сужу по совѣсти моей:
Нельзя, чтобъ утерпѣла
И куръ она не съѣла;
И вслѣдствіе того — казнить овцу
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.

Въ стихахъ Крылова слышится и характеристика дѣйствующихъ лицъ, и ихъ поступки, и ихъ движенья. Мѣткимъ словомъ выраженіемъ Крыловъ создаетъ цѣлую выпуклую картину.

Неуклюжесть вороны чувствуется въ стихахъ:

На ель, ворона, взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужъ собралась...

Это слово „взгромоздясь" рисуетъ передъ читателемъ всю процедуру дѣйствія вороны,—съ какимъ трудомъ удалось воронѣ взобраться на дерево и усѣсться на вѣткѣ.

Невѣжество осла великолѣпно отражается въ складѣ его рѣчи, въ его оборотахъ.

Поразительны слѣдующіе стихи:

Вдругъ *сырный* духъ *лису* остановилъ,
Лисица видитъ сыръ, *лисицу сыръ* плѣнилъ.

Это повтореніе словъ „лисица" и „сыръ" приковываетъ вни-

маніе читателя къ изображаемой сценкѣ, заставляетъ его заинтересоваться описываемымъ важнымъ моментомъ—и воспроизводитъ предъ его умственными глазами богатую красками, вполнѣ законную картину.

Читая стихи:

...и говоритъ
Такъ сладко, чуть дыша...

читатель невольно напрягаетъ слухъ: ему кажется, что вотъ-вотъ онъ услышитъ слащавый шепотъ лисицы.

Во многихъ басняхъ языкъ Крылова отличается звукоподражательностью.

Переливы соловьинаго пѣнія слышатся въ самыхъ стихахъ:

Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отзывался,
То мелкой дробью вдругъ по рощамъ разсыпался.

Въ словахъ:

Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы *сгребъ*,

рельефно обрисовывается неуклюжесть медвѣдя, изображается, съ какимъ трудомъ онъ продѣлъ лапу подъ камень, а въ словѣ „сгребъ“, наоборотъ, передается та быстрота, съ которой сильная лапа Мишки подняла увѣсистый камень, и даже слышится скребетанье его когтей о твердый булыжникъ, такъ что легкая дрожь пробѣгаетъ по членамъ читателя, и онъ сжимается отъ непріятнаго ощущенія.

Любимый размѣръ Крылова ямбъ. Но тамъ, гдѣ этого требуетъ басня, Крыловъ пишетъ хореемъ.

Попрыгунья-стрекоза
Лѣто красное пропѣла,
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.

Благодаря этимъ хореямъ, сами стихи какъ-бы прыгаютъ прекрасно изображая попрыгунью-стрекозу.

Большую бойкость и живость языку Крылова придаетъ на-

родный элементъ. У Крылова народный складъ рѣчи, народныя выраженія, народныя формы и слова, мѣткія, красивыя. Эпитеты чисто-народные. Ворона называется *вѣщуньей*. Этотъ эпитетъ у Крылова принимаетъ иронический характеръ, прекрасно оттѣняя глупость вороны.

П. Г. Григорьевъ.

Учительное значеніе Крылова.

Объ учительномъ значеніи Крылова, конечно, распространяться нѣтъ надобности: оно вытекаетъ изъ самаго существа литературнаго рода, которому посвятилъ себя геніальный баснописецъ.

Но не будетъ лишнимъ прибавить, что *нигдѣ басня не получила такого развитія и нигдѣ она не получила такого рѣзкаго національнаго отпечатка, какъ въ русской литературѣ 18-го вѣка.*

Въ то время какъ въ западно-европейскихъ литературахъ (причемъ характерно, что есть литературы, напр., англійская, совсѣмъ не имѣющая выдающихся баснописцевъ) басня привлекала къ себѣ лишь незначительное количество поэтовъ, изъ русскихъ поэтовъ 18-го вѣка нѣтъ почти ни одного, который бы не писалъ басенъ.

Какъ всякій геній, Крыловъ есть только *кульминаціонный пунктъ цѣлой эпохи процвѣтанія русской басни*, замѣчательной еще тѣмъ, что она не ограничивалась простымъ подражаніемъ древней баснѣ, стоящей внѣ времени и пространства и довольствующейся моралью самаго общаго и, слѣдовательно, безобиднаго свойства, а бичевала непосредственно пороки и смѣшныя стороны *своего* времени.

Конечно, процвѣтаніе басни въ руской литературѣ 18-го и начала 19-го вѣка, а затѣмъ исчезновеніе ея можетъ быть объяснено и тѣмъ, что басня вообще есть младенческая форма литературы, популярная только въ начальномъ періодѣ каждой письменности.

Но это объясненіе есть только объясненіе. Оно нимало не

колеблетъ самаго факта, что русскій читатель всѣмъ ходомъ своей литературы пріученъ смотрѣть на нее, какъ на источникъ учительнаго слова на живыя темы современности.

С. Венгеровъ.

Историческое и художественное значеніе басенъ Крылова.

Басни Крылова принадлежатъ къ тѣмъ произведеніямъ искусства, которыя никогда не старѣютъ. Профессоръ Потебня сравниваетъ хорошую басню съ символомъ, а символы—вѣчны. Благодаря своимъ замѣчательнымъ художественнымъ достоинствамъ, басни „дѣдушки“ стоятъ на высотѣ опредѣленія знаменитаго теоретика словесности.

Онѣ до сихъ поръ сохранили всю свою свѣжесть и все свое значеніе. Какъ и во время своего появленія, онѣ составляютъ прекрасный воспитательный матеріалъ для дѣтскаго міра. Для взрослыхъ—басни Крылова представляютъ *историческій* и *художественный* интересъ.

Историческое значеніе басенъ Крылова заключается въ ихъ *общественномъ элементѣ.* Въ свое время каждая басня Крылова была крупнымъ событіемъ въ жизни столичной интеллигенціи, и ея появленіе вызывало большую сенсацію въ русскомъ обществѣ. Каждая басня Крылова представляла откликъ на какое-либо явленіе крупной важности въ современной жизни, и какъ таковая, поучала, стыдила, клеймила, исправляла и занимала. И вотъ то, что для своего времени имѣло общественное значеніе, для насъ имѣетъ интересъ историческій.

Басни Крылова въ этомъ смыслѣ являются какъ бы памятникомъ русской общественной жизни первой половины прошлаго столѣтія. Въ нихъ отразилась, конечно, въ общихъ чертахъ, духовная физіономія тогдашняго русскаго общества, его развитіе, понятія, взгляды и интересы, его жизнь и времяпрепровожденіе.

Басни о воспитаніи говорятъ намъ о томъ плачевномъ состояніи, въ какомъ находилась тогда эта важная сторона народной жизни. Родители изъ высшаго общества всецѣло посвящали свое

время высшимъ свѣтскимъ удовольствіямъ, а дѣтей сдавали въ „наемничьи руки". Послѣдствіемъ былъ распадъ семьи, отчужденіе между родителями и дѣтьми („Кукушка и горлинка"). Гувернеры и гувернантки были большей частью иностранные выходцы, люди подозрительнаго прошлаго и сомнительной нравственности („Крестьянинъ и змѣя"). Дѣти не получали національнаго воспитанія. Ихъ нѣжный мозгъ напитывался ложными идеями, неправильными представленіями о врожденномъ убожествѣ русской натуры и о необыкновенномъ превосходствѣ французской культуры. Притомъ воспитаніе вообще было неглубокимъ. Воспитанникамъ сообщался внѣшній лоскъ европейской цивилизаціи, лишь стиравшій добрые задатки и ничего не дававшій для развитія ума и сердца. И на всю жизнь оставались они исковерканными людьми („Червонецъ" и „Бочка").

Басни о невѣжествѣ намекаютъ намъ на ту борьбу, которую мракобѣсы еще въ серединѣ XIX-го столѣтія вели противъ просвѣщенія. Пѣтухъ, называющій жемчужное зерно „вещью пустою", не внукъ ли онъ кантемировскаго Сильвана или княгини Тугоуховской изъ „Горе отъ ума"? Мартышка, не умѣющая обращаться съ очками, не сестра ли она Фамусова или Скалозуба, требующихъ сожженія всѣхъ книгъ?

Басни о невѣжественныхъ критикахъ отражаютъ русскіе литературные нравы крыловской эпохи. Оселъ, критикующій соловья; свинья, ищущая роскоши на скотномъ дворѣ,—сатира на всѣхъ этихъ Булгариныхъ, Гречей и Сеньковскихъ, отравлявшихъ жизнь лучшимъ русскимъ писателямъ своими пасквилями.

Въ такихъ басняхъ, какъ „Листы и корни", „Пушки и паруса" Крыловъ изображаетъ ненормальное отношеніе между различными классами населенія,—глупую спесь немногочисленной аристократіи по отношенію къ простолюдью, представляющему главную силу націи („Листы и корни"), безсмысленное презрѣніе военнаго класса къ гражданскимъ властямъ („Пушки и паруса").

Во многихъ басняхъ Крыловъ порицаетъ административное нестроеніе Россіи, указываетъ на различныя злоупотребленія въ области управленія и суда („Лисица и сурокъ", „Слонъ на воеводствѣ", „Крестьянинъ и овца", „Рыбьи пляски").

Басни историческія въ тѣсномъ смыслѣ („Обозъ", „Щука и котъ", „Волкъ на псарнѣ", „Ворона и курица") отмѣтили для потомства различные моменты изъ Отечественной войны и отношеніе русскаго общества къ нимъ.

Однимъ словомъ басни Крылова даютъ намъ тотъ бытовой матеріалъ, изъ котораго составляется характерная историческая картина старинной русской жизни.

И эту картину Крыловъ далъ .намъ въ замѣчательно изящныхъ формахъ. Басни Крылова, какъ художественныя произведенія, неистощимый источникъ эстетическаго наслажденія.

Сила басенъ Крылова заключается въ преобладающей роли аллегоріи. При большинствѣ басенъ Крылова такъ называемаго нравоученія вовсе нѣтъ. Мораль сама собою вытекаетъ изъ аллегорическаго разсказа, благодаря виртуозной художественности образовъ. Глупыхъ людей Крыловъ выводитъ подъ видомъ *осла;* артистъ, одаренный природнымъ талантомъ, олицетворяется въ видѣ *соловья.* Французскій эмигрантъ, бывшій на родинѣ кучеромъ, лакеемъ, поваромъ, а въ Россіи берущійся за отвѣтственное дѣло воспитанія дѣтей, мѣтко представленъ въ видѣ *змѣи.* Лесть воплощена въ *лисѣ*, глупая легковѣрность—въ *воронѣ,* дурная мать—въ *кукушкѣ...* Съ удачнымъ выборомъ поэтическихъ образовъ соединяется у Крылова искусная характеристика дѣйствующихъ лицъ. Замѣчательна, напрмѣръ, характеристика осла въ баснѣ „Оселъ и соловей“, лисицы и вороны въ баснѣ „Ворона и лисица”.

Большую художественность баснямъ Крылова придаетъ духъ народности, которымъ онѣ проникнуты въ своемъ содержаніи и въ своей формѣ. Самая мораль басенъ Крылова народна и часто даже выражается народными пословицами; напр.: „По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй”, „Что посѣешь то и пожнешь”. И образы у Крылова народные: лиса, котъ, оселъ, волкъ, синица, журавль, соловей, ворона и т. п. Народенъ и языкъ: построеніе фразы, отдѣльныя выраженія, эпитеты, сравненія; напр.: *Поди, попляши;*—слоны *въ диковинку* у насъ; *срамиться; ай*, Моська!—ты, *сказываютъ; за тридевять земель; похлебать ухи; тароватый откупщикъ; примолвить къ рѣчи; стеречи;* конь *хваленый; то-то диво; добро бы въ гору; гляди-тко насъ;* и съ возомъ *бухъ* въ канаву; *ушица, ей-же-ей, на славу сварена; завистью-ль ее лукавый мучилъ; шасть* и т. д.

Языкъ басенъ Крылова вообще весьма легкій, сжатый, мѣткій и гибкій, идеально передающій всѣ переливы чувства, всѣ оттѣнки разговора, всѣ изгибы движенія, всѣ уголки картины. Этимъ объясняется и свободный строй крыловскаго стиха. За самымъ длиннымъ стихомъ слѣдуетъ иногда стихъ, состоящій всего на всего изъ одного слова. Въ этой комбинаціи стиховъ различной длины,

заключается могучее средство, которымъ Крыловъ широко пользуется для ускоренія или замедленія темпа расказа, для сообщенія языку неуклюжести или воздушности, въ зависимости отъ характера изображаемой сцены, типа или дѣйствія.

Н. Г. Григорьевъ.

Западныя вліянія въ творчествѣ Крылова.

Поставивъ себѣ задачей „безпристрастное описаніе нашихъ нравовъ", выступилъ, наконецъ, съ свѣжими еще, окрѣпшими послѣ нѣсколькихъ лѣтъ писательскаго бездѣйствія, силами послѣдній изъ предшественниковъ новой литературы, *Крыловъ.*

Несмотря на крайнюю скудость образованія этого даровитѣйшаго самородка, его съ раннихъ лѣтъ коснулось вліяніе классическаго французскаго вкуса; первую свою (не сохранившуюся) трагедію „Клеопатра", а затѣмъ и „Филомелу" онъ написалъ по всѣмъ правиламъ теоріи Буало; первыя комическія оперы, въ которыхъ онъ хотѣлъ дать возможность зрителю „смѣяться и чувствовать", опирались на примѣръ Бомарше и старыхъ французскихъ комиковъ.

Въ сатирическихъ журналахъ его примѣнялись нормальные, общіе всей нашей старой обличительной журналистикѣ, пріемы, взятые съ запада.

Наконецъ, когда всѣ другіе виды дѣятельности Крылова уступили мѣсто баснописанію, *европейское вліяніе достигло высшей силы.*

Захудавшій отростокъ вымиравшаго классицизма, басня, возрождается къ новой жизни, наполняется *русскимъ бытовымъ содержаніемъ* и окончательно пріобрѣтаетъ *народность;* въ началѣ столѣтія, вплоть до сатиры Грибоѣдова и Гоголя, она даже является передовой представительницей воинствующей, обличительной литературы и поднимаетъ общественное значеніе независимаго слова.

Но, въ виду этихъ неоспоримыхъ заслугъ, нельзя забыть, что Крыловъ шелъ почти всегда по пути, указанному французскими и древне-греческими образцами. Благодаря *Примѣчаніямъ* г. Кене-

вича, книгѣ г. Флёри „Kryloŕ et ses fables“ и нѣкоторымъ позднѣйшимъ работамъ, не только подтвердилось старое мнѣніе о подражаніи Лафонтену, въ значительныхъ размѣрахъ практиковавшемся Крыловымъ, но показано, что обработка чужихъ образцовъ происходила даже въ тѣхъ басняхъ, которыя самъ авторъ желалъ считать оригинальными и которыя, казалось, носили живой отпечатокъ непосредственности [1]).

Нельзя не удивляться мастерству, съ которымъ Крыловъ умѣлъ обрусить старинный сюжетъ, завѣщанный ему Эзопомъ, Федромъ или Лафонтеномъ, Геллертомъ, Флоріаномъ, даже Дидро (въ разсказѣ „L'âne et le rossignol“); нѣсколько удачно введенныхъ эпитетовъ, сравненій, описаній, много юмору и мѣткихъ выраженій,— и басня принимаетъ совсѣмъ иной видъ, точно родилась она не во французскомъ салонѣ XVII вѣка, а въ черноземной, помѣщичьей Руси (такъ и въ комедіи *Урокъ дочкамъ*, шагъ за шагомъ скопированной съ Précieuses ridicules Мольера, хотя осмѣявшей не вычурность культуры, но болѣзненную страсть къ французской болтовнѣ, живыя бытовыя черты и бойкія выдумки крыловскаго юмора мастерски обрусили чужое произведеніе).

Но основа и темы насмѣшки, остовъ разсказа, все-таки по большей части остаются чужими; собственныя прибавки нашего баснописца къ житейской философіи (гораздо болѣе умѣренныя по духу сравнительно съ его же журнальной сатирой) не всегда удачны, — то онъ принимается предостерегать отъ вреда *излишняго* знанія (въ первой четверти девятнадцатаго вѣка, при Аракчеевѣ и Магницкомъ!) [2]), то обрекаетъ на вѣчныя муки опаснаго писателя („Сочинитель и разбойникъ“; предметомъ нападокъ этой басни считаютъ Вольтера [3]), то порицаетъ современное ему преобразовательное движеніе, часто колеблется между рѣзкимъ обличеніемъ зла, заступничествомъ за гонимую мысль и охранительной боязливостью [4]), и только тогда выбирается на настоящую свою дорогу,

---

[1]) Если свести въ общій счетъ число всѣхъ заимствованій и переработокъ, наберется ровно *шестьдесятъ четыре* басни, сюда относящіяся.

[2]) Бывало, въ своихъ журналахъ, напр. въ Зрителѣ, онъ нападалъ на Руссо за его доводы о вредѣ наукъ.

[3]) Любопытно, что въ числѣ крыловскихъ переложеній изъ иностранныхъ писателей есть заимствованіе и у этого опаснаго сочинителя,—комич. опера „Американцы“ съ фабулой изъ вольтеровской „Альзиры“.

[4]) См. статью Н. Аммона, „Жизненная правда и теоретическіе взгляды въ басняхъ Крылова“. Журн. Мин. Народнаго Просвѣщ., 1895, VIII.

когда можетъ свободно рисовать съ натуры, въ готовыхъ рамкахъ, живые и яркіе русскіе типы; отбросивъ, подобно Лафонтену, во многихъ, наиболѣе смѣлыхъ его басняхъ, всякое намѣреніе поучать, выводить мораль, и довольствуясь правдивымъ изображеніемъ повседневной дѣйствительности, онъ скудными средствами басни создаетъ тогда превосходную страницу нравоописательнаго романа или сцену изъ вѣковѣчной комедіи

En cent actes divers
Et dont la scène est l'univers.

Такимъ образомъ, и Крыловъ, когда-то близкій къ Радищеву, теперь другъ отживавшихъ литературныхъ корифеевъ, раздѣлявшій многія воззрѣнія „Бесѣды", одинъ изъ двигателей патріотическаго движенія противъ галломаніи, осмѣивавшій ее и въ своихъ журналахъ, и въ комедіяхъ, былъ въ значительной степени подвинутъ на свое настоящее поприще *чужою* (и, странно подумать, въ особенности французскою) *указкой*, и, перерабатывая уже испытанныя и давно намѣченныя темы, сталъ однимъ изъ первыхъ трезвыхъ изобразителей русской дѣйствительности, понятныхъ и доступныхъ притомъ не только соотечественникамъ, но и всему образованному міру [1]).

Алексѣй Веселовскій.

Праздникъ въ честь Крылова.

(2 февраля 1838 г.).

Поэтъ, по назначенію своему, обязанъ все, доступное обрабатыванію душевныхъ силъ, лучшими орудьями языка пересоздать въ ясные, полные и живые образы, которые бы изъ области его

[1]) Былъ подведенъ (Журн. Мин. Народ. Просв., 1895, іюль, „Международное значеніе Крылова", ст. г. Драганова) итогъ многочисленнымъ переводамъ крыловскихъ басенъ; существуетъ 164 ихъ перевода на 21 языкъ (въ томъ числѣ даже на арабскій и турецкій).

искусства представляли намъ еще природу со всѣми вѣчными ея законами.

Крыловъ въ точномъ смыслѣ слова поэтъ, хотя не разнороденъ, но разнообразенъ. Оставивъ другія отрасли безграничнаго искусства, онъ всего себя посвятилъ одной, для которой природа такъ счастливо образовала его душу: преобладающее направленіе ума его обнаруживается уроками практической, житейской мудрости. Онъ по природѣ своей такъ наклоненъ къ этому предмету, что изслѣдованіями своими обвелъ его со всѣхъ сторонъ.

Безъ сильныхъ производительныхъ силъ и сочувствія къ истиннымъ красотамъ природы, съ такимъ направленіемъ ума легко можно бы вдаться въ холодность дидактическую, чего не замѣтишь ни въ одномъ его стихотвореніи. Обдумывая изложеніе какой нибудь истины, которая сама по себѣ столь же неоспорима, какъ и нага, *онъ поэтическимъ чувствомъ видитъ и слышитъ ее въ душѣ своей рождающуюся такъ согласно съ законами искусства, какъ бы зачалась она прямо съ поэтическаго зародыша — съ формы чувственной и вмѣстѣ одушевленной.* Ни одинъ изъ множества тоновъ прекраснаго не затруднилъ его. Онъ каждый выдержалъ вѣрно, перепробовавши всѣ. Обрабатываніе одного рода поэзіи не препятствуетъ истинному таланту разнообразить его произведенія...

На всякую новую истину у него готовы новыя краски, и новое вдохновеніе, и новая жизнь. Останавливаясь мысленно предъ какою нибудь идеею, вникая ли въ нее долго, или по художническому свойству мгновенно обнимая ее съ неимовѣрною живостью, какъ бы то ни было, только онъ никогда не возвращается къ прежнимъ своимъ картинамъ, не ищетъ пособія въ старыхъ своихъ опытахъ, но сливается вполнѣ съ предметомъ, въ эту минуту его поразившимъ, и все почерпаетъ изъ этой жизни...

Запасъ истинъ, доступныхъ его душѣ, столь же неистощимъ, какъ явленія жизни. Даже старая мысль, нѣсколько разъ являвшаяся у его предшественниковъ, облеченная имъ въ новые образы, является какъ созданіе, *трепещущее свѣжестію бытія.*

Находясь на такой высокой степени, какъ поэтъ, Крыловъ еще замѣчательнѣе, какъ баснописецъ...

Онъ во всемъ чувствуетъ проявленіе чего-то человѣческаго, подобно жителю Индіи, вѣрующему въ переселеніе душъ. Нѣтъ вещи въ природѣ, которая, не говорила бы ему о человѣкѣ и каждое о немъ помышленіе пріемлетъ какой нибудь одинъ изъ тѣхъ

образовъ, которыми такъ богата вселенная. Но какія бы видѣнія ни преслѣдовали душу баснописца, онъ не можетъ освободиться отъ двойственнаго прикосновенія: съ одной стороны человѣка, съ другой аллегорическихъ актеровъ, замѣняющихъ его въ каждомъ апологѣ.

Баснописецъ, приведенный самою сущностью поэзіи своей въ какую-то ограниченную дѣятельность, принужденъ истощать весь талантъ на образы, положенія и другія внѣшнія красоты выводимыхъ имъ существъ, по наслѣдству переходящихъ изъ одной литературы въ другую...

Можетъ быть, этотъ тѣсный горизонтъ, изъ-за котораго мудрено съ перваго шага предвидѣть обширное поле, нѣкогда породилъ въ немъ то отвращеніе отъ апологической поэзіи, о которомъ не забылъ онъ до сихъ поръ. Но онъ преодолѣлъ это отвращеніе, и басня сдѣлалась для него только привычною формою поэзіи истиной и всеобъемлющей.

Человѣкъ въ частной своей жизни, гражданинъ въ общественной дѣятельности, природа въ своемъ вліяніи на духъ нашъ, страсти въ ихъ бореніи, причуды, странности, пороки, благородныя движенія сердца, вѣчные законы мудрости — *все перешло въ его область,* все подверглось его изслѣдованію, все, къ общему изумленію, разрѣшено имъ съ такою ясностію, съ такою легкостію, съ такимъ высокимъ поэтическимъ достоинствомъ, что нынѣ Крыловъ, какъ баснописецъ, конечно, первый поэтъ въ Европѣ. Самыхъ знаменитыхъ изъ числа его предшественниковъ можно сравнить съ дѣтьми; а онъ подлѣ нихъ — мужъ. Они простодушны и увлекательны; а онъ глубокъ и поразителенъ. Поэзія къ нимъ являлась для оживленія всѣмъ извѣстной мысли; а у него передъ глазами полная сокровищница жизни, изъ которой онъ извлекаетъ все новыя мысли и съ ними новую поэзію.[1]

Полная слава Крылова наступитъ тогда, когда русскій языкъ и его литература сдѣлаются предметомъ изученія европейцевъ: истинный поэтъ такой же дѣеписатель, какъ и историкъ, съ тою разницею, что послѣдній сохраняетъ строгую систему въ распредѣленіи событій, а первый набрасываетъ группы, не заботясь о ихъ послѣдовательности... Крыловъ во всемірное книгохранилище положилъ твореніе о своемъ отечествѣ съ изумительнымъ прагматизмомъ обработанное.

Явленія русской жизни не представлялись бы такъ поразительно, если бы были представлены другимъ художникомъ-писателемъ:

въ русскомъ языкѣ Крылова есть таинства, еще никѣмъ изъ нашихъ поэтовъ не разоблаченныя: по крайней мѣрѣ никто ими не воспользовался такъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ Крыловъ. Онъ какъ будто родился, чтобы все русское облекать въ такіе стихи, отъ которыхъ предметъ заимствуетъ болѣе жизни и цвѣту.

Онъ въ такой симпатіи сходится съ идеями, что для обозначенія ихъ выбираетъ съ удивительною разборчивостію и мѣткостію только имъ свойственныя выраженія, обороты рѣчи, разстановку словъ, даже звуки ихъ.

Конечно, въ самой сущности дѣла идея уже предполагаетъ бытіе и слова своего; но въ этомъ и состоитъ авторское достоинство, чтобы совокупить въ произведеніи со всею строгостію только такія идеи, которыя вмѣстѣ образуютъ чудную гармонію мыслей, картинъ и событій...

Крыловъ проникнутъ чувствомъ всего русскаго—все у него возникаетъ въ воображеніи подъ неизмѣннымъ типомъ народности русской.

П. А. Плетневъ.

Некрологъ Крылова.

Крылова не стало!...

Вѣсть объ этомъ горестномъ событіи уже несется теперь по всей Россіи и, конечно, во всѣхъ концахъ нашего неизмѣримаго отечества, гдѣ только читаютъ по-русски, принимается съ одинаковымъ, искреннимъ соболѣзнованіемъ.

Велика наша утрата, но сокрушеніе о ней умѣряется мыслью утѣшительною: прекрасно жилъ, прекрасно и умеръ нашъ добрый „дѣдушка Крыловъ“, по удачному выраженію кн. Вяземскаго.

Семьдесятъ шесть лѣтъ жизни физической, пятьдесятъ шесть жизни литературной „всегда народной по своему нравственному направленію” поприще, какое суждено пройти немногимъ.

Поэтъ *истинно самобытный,* когда литература наша еще жила подражаніемъ, поэтъ *по преимуществу народный*, когда еще самое слово „народность” не употреблялось у насъ въ томъ значеніи, какое мы нынче придаемъ ему, Крыловъ всегда имѣлъ успѣхъ, какимъ не пользовался никто изъ другихъ нашихъ поэтовъ, пото-

му что Крыловъ былъ поэтъ чисто русскій—*русскій по уму здравому, свѣтлому и могучему, русскій по неизмѣнному добродушію, русскій по игривой, безобидной ироніи, столь свойственной нашему народу ироніи, которая всегда сопровождается улыбкою благорасположенія.*

Въ многочисленныхъ своихъ произведеніяхъ онъ говорилъ всѣмъ и каждому *истины всегда мѣткія, всегда горькія, никому необибидныя*, именно потому, что онѣ запечатлѣны *печатью доброжелательства*, что въ насмѣшливости его не было ни капли желчи.

Творенія Крылова, какъ яркое выраженіе духа народнаго и нравовъ нашего времени, не умрутъ, пока живъ языкъ русскій; пройдутъ тысячелѣтія, и *Басни* Крылова будутъ одними изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ *древней* русской литературы.

Какъ человѣкъ, Крыловъ отличался тѣми же прекрасными качествами, которыя придаютъ такую высокую цѣну его твореніямъ. Умный, добрый, скромный, даже излишне скромный, онъ во всю жизнь свою былъ окруженъ общею любовью, искреннимъ уваженіемъ, никогда не возбуждая низкаго чувства зависти, и умеръ— не переживъ своего таланта, умеръ тихо, спокойно, когда тѣло его еще не было обременено старческими недугами, а душа была также ясна, какъ въ лѣта юности: за нѣсколько часовъ до своей кончины онъ остроумно шутилъ—надъ самимъ собою.

Во все время, пока тѣло покойнаго оставалось въ его квартирѣ, не смотря на затруднительность сообщенія между берегами Невы, скромное жилище его не пустѣло, посѣщенія не перемежались, многочисленные почитатели его таланта и характера безпрерывно слѣдовали одни за другими; отцы приводили къ его гробу дѣтей своихъ, чтобы внушить имъ уваженіе къ таланту и свѣтлой, безукоризненной репутаціи.

Прекрасная жизнь, какъ мы уже говорили, заключилась и кончиною прекрасною. На неизбѣжный переходъ отъ жизни временной къ вѣчной Крыловъ смотрѣлъ безтрепетно, спокойно, какъ философъ и христіанинъ. Сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія по своему имуществу, онъ не забылъ и о своихъ похоронахъ. Оригинальный и тутъ, онъ хотѣлъ, чтобы пригласительные билеты сопровождались собраніемъ его басенъ, — приношеніемъ на память о немъ.

„С.-Пет. Вѣд." № 262, 1844 года.

Изъ воспоминаній объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ.

Съ Ив. Андр. находился я въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, сначала по службѣ (1829—1841 г.), а потомъ по *привычкѣ* (1841—1844 г.); слѣдовательно, не прибѣгая къ системѣ правдоподобныхъ вымысловъ, могу говорить о бывшемъ моемъ сослуживцѣ и благодѣтелѣ только то, что мнѣ лично о немъ извѣстно.

Извѣстно, что Иванъ Андреевичъ испытывалъ свой талантъ въ разныхъ родахъ словесности: онъ писалъ сатиры, трагедіи, комедіи, драмы, оперы, любовные стишки, подражанія псалмамъ и басни.

Иванъ Андреевичъ принималъ также самое дѣятельное участіе въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ 1789 году издавалъ онъ еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ: *Почта Духовъ.* Товарищемъ ему былъ Рахмановъ, котораго Иванъ Андреевичъ любилъ за остроту его ума, за откровенный и веселый нравъ. „Помнится, мой милый, что разъ поссорились мы съ Рахмановымъ за то, какое названіе дать журналу... Пельскій, кажется, помирилъ насъ... Ну, Рахмановъ хорошо былъ ученъ: зналъ языки, исторію, философію... Онъ давалъ намъ матеріалы.. Послѣ еще ближе сошелся я съ Клушинымъ... Онъ былъ умный, услужливый человѣкъ... Мы съ нимъ много писали въ тогдашнихъ журналахъ"...

Это подлинныя слова Ивана Андреевича.

Другіе журналы, въ которыхъ Иванъ Андреевичъ печаталъ свои статьи, были *Зритель* (1792) и *С. Петербургскій Меркурій* (1793).

Въ *Зрителѣ* помѣщены: а) Ночи; б) Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ; в) Утро, ода; г) Разсужденіе о дружествѣ; д) Мысли философа по модѣ; е) Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ; ж) Каибъ.

Въ *Меркуріи*: а) Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, говоренная въ новый годъ; б) Примѣчанія на комедію: *Смѣхъ и горе*, соч. А. Клушина; в) Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей; г) Утѣшеніе Анютѣ, стихи; д) Мое оправданіе къ Анютѣ, стихи; е) Замѣчанія на комедію въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, соч. А. Клушина, подъ названіемъ: „*Алхимистъ*"; ж) Стихи къ другу моему, А. И. К.; з) Стихи къ счастію, и мой отъѣздъ, пѣсня.

Теперь эти журналы, въ коихъ Крыловъ съ такимъ усердіемъ и искусствомъ нѣкогда подвизался, стали довольно рѣдки. А кто бы изъ насъ не пожелалъ прочесть хоть что нибудь изъ *сочиненій* Ивана Андреевича, писанныхъ имъ *прозою?*

Въ 1831 году, по совѣту Ивана Андреевича, сталъ я заниматься составленіемъ *Алфавитнаго указателя къ русскимъ періодическимъ изданіямъ,* начавъ эту работу со старинныхъ, нынѣ довольно рѣдкихъ журналовъ.

Однажды я принесъ къ Ивану Андреевичу *Зрителя* и *Меркурія,* въ коихъ находились вышепоименнованныя статьи его.

И. А. хорошо помнилъ свое прошедшее время, но захотѣлъ снова прочесть прежнія свои сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Между тѣмъ, я обратилъ вниманіе его на стихи „Къ счастію".

„Иванъ Андреевичъ, за что это вы пеняете на фортуну, когда она такъ милостива къ вамъ?"—„Ахъ, мой милый; со мною былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить; но тогда... я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя... Журналу не повезло; полиція, и еще одно обстоятельство... да кто не былъ молодъ и не дѣлалъ на своемъ вѣку проказъ"...

Это подлинныя слова Ивана Андреевича.

Вообще, проза И. А. лучше его стиховъ, писанныхъ имъ въ 1792 и 1793 годахъ.

Любовные стишки его больно плохи, какъ справедливо замѣтилъ Ѳ. В. Булгаринъ; но въ 1795 году Иванъ Андреевичъ является уже высокимъ лирическимъ поэтомъ.

Въ русскомъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки, въ кипѣ разрозненныхъ газетъ и журналовъ, нашелъ я тетрадь стиховъ, писанныхъ собственною Ивана Андреевича рукою. (Это было въ апрѣлѣ 1832 года).

„Въ этой тетради есть прекрасная ваша *Молитва къ Богу*", сказалъ я Ивану Андреевичу.—„Покажите, мой милый".—И. А. взялъ рукопись и сталъ читать про себя. Какой огонь, какой благоговѣйный восторгъ одушевляли въ то время поэта! И не одна слеза скатилась на грудь его!

Говорятъ, что Иванъ Андреевичъ изучилъ греческій языкъ въ совершенствѣ и въ самое короткое время. Такъ, но къ этому надобно прибавить, что Иванъ Андреевичъ началъ учиться по-гречески безъ грамматики, по *Новому Завѣту*, и скоро такъ успѣлъ, что въ состояніи былъ переводить классиковъ. Въ Геродота

Иванъ Андреевичъ, такъ сказать, влюбился, и предполагалъ также перевести его.

Когда А. Н. Оленинъ изъявилъ свое намѣреніе издать въ свѣтъ, въ буквальномъ русскомъ переводѣ, Одиссею, съ рисунками греческихъ древностей, то Иванъ Андреевичъ не прочь былъ отъ любимой мысли своего начальника-друга и перевелъ изъ этой поэмы, экзаметромъ, двадцать семъ стиховъ первой пѣсни, вотъ какъ:

„Мужа повѣдай мнѣ, Муза, *хитраго* [1]) странствія многи,
Имъ понесенны [2]), когда былъ священный Пергамъ испровергнутъ,
Много онъ видѣлъ градовъ и обычаевъ разныхъ народовъ;
Много, носясь по морямъ, претерпѣлъ сокрушеній сердечныхъ,
Пекшися всею душей о своемъ и друзей возвращеньѣ;
Но не спасъ онъ друзей и сподвижниковъ, сколько ни пекся,
Сами они отъ себя и своимъ безразсудствомъ погибли.
Буйные!—тучныхъ воловъ они *высокаго солнца* [3])
Пожрали; онъ на вѣкъ обрекъ ихъ не видѣть отчизны.
Ты, богиня, и Діева дщерь, намъ все то повѣдай.
Всѣ ужъ иные, кого не постигла горькая гибель,
Въ домы свои возвратились, войны избѣжавши и моря.
Онъ лишь одинъ, по отчизнѣ тоскуя и вѣрной супругѣ,
Властью удержанъ былъ сильной, божественной нимфы Калипсы.
Въ утлыхъ [4]) *прекрасныхъ* [5]) пещерахъ — она съ нимъ узъ брач-
[ныхъ желала.
Годъ же когда совершился и новое лѣто настало,
Боги тогда присудили въ отчизну ему возвратиться
Въ область Итаку—и тутъ не избѣгли трудовъ и злосчастій
Онъ и дружина его; боги всѣ къ нему умилились.
Только Посейдонъ одинъ гнѣвенъ жестоко былъ къ Одиссею,
Мужу божественну, доколь не вступилъ онъ на землю.
Но тогда былъ Посейдонъ далеко въ странѣ Еѳіоповъ.
Два Еѳіопскихъ народа земли на концахъ обитаютъ:

---

[1]) Сверху написано рукою И. А. *мудраго.*

[2]) *Кои претекъ онъ* зачеркнуто, и сверху написано: *имъ понесенны.*

[3]) Прежде написано было: *свѣтозарнаго Ѳеба.*

[4]) Сначала написано было: *темныхъ*, но оно зачеркнуто.

[5]) *Прохладныхъ* зачеркнуто, и рукою А. Н. Оленина написано сверху: *прекрасныхъ.*

Тамо, гдѣ солнце восходитъ, и тамъ, гдѣ солнце нисходитъ,
Жертвами тучныхъ воловъ и богатой стотельчною жертвой
Онъ отъ нихъ услаждался—боги же купно другіе
Были тогда на Олимпѣ, въ чертогахъ могущаго Дія [1])".

По словамъ Ивана Андреевича, *экзаметръ ему не дался.* „Я не могу сладить съ этимъ Голіафомъ, говаривалъ иногда Иванъ Андреевичъ".

П. Быстровъ.

[1]) Драгоцѣнная рукопись И. А. принадлежитъ имп. публ. библіотеки библіотекарю ст. сов. П. Попову.

Оглавленіе.

Стр.

Жизнь Крылова и характеристика его басенъ.—*В. Стоюнина* 3

Очеркъ литературной дѣятельности Крылова.—*А. Н. Пыпина* 8

Сатирическій талантъ Крылова.—*А. Галахова* . . . 13

„Кофейница“ и „Филомела“.—*В. Перетца* 20

Комедіи Крылова.—*Нестора Котляревскаго* . . . 24

„Бѣшеная семья“, „Проказники“ и „Сочинитель въ прихожей“.—*И. А. Лавровскаго* 25

„Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“.—*Его-же* . . . 26

Развитіе таланта и воззрѣній Крылова отъ сатирическихъ журналовъ къ баснѣ.—*Г. Селина* 29

Первыя басни Крылова.—*В. Кеневича* 37

Взглядъ Крылова на воспитаніе.—*Н. Г. Григорьева* . . 45

„Крестьянинъ и змѣя“.—*В. Кеневича* 47

„Червонецъ“.—*Его-же* 53

„Бочка“—*Его-же* 55

Административные и судебные нравы въ басняхъ Крылова.—*Н. Аммона* 59

Разборъ басни „Оселъ и соловей“.—*В. Стоюнина* . . 66

„Оселъ и соловей“.—*В. Кеневича* 70

„Пѣтухъ и Жемчужное зерно“.—*Его-же* 76

„Свинья подъ Дубомъ“.—*Его-же* 77

Разборъ басни „Лжецъ“.—*В. Стоюнина* 79

„Ворона и Лисица“.—*В. Кеневича* 82

„Пушки и Паруса“.—*Его-же* 84

„Листы и Корни“.—*Его-же* 86

„Обозъ“.—*Его-же* 87

„Ворона и Курица“.—*Его-же* 88

Стр.

„Волкъ на Псарнѣ“.— *В. Кеневича* 90
„Щука и Котъ“.—*Его-же* 94
„Квартетъ“.—*Его-же* 96
Языкъ Крылова.—*В. Т. Плаксина* 97
Особенности языка Крылова.—*Истомина* 98
Народность поэзіи и языка Крылова.—*Лемонье* . . . 107
Характеръ народности басенъ Крылова.—*Нестора Котляревскаго* 110
Самобытность Крылова.—*П. А. Плетнева* 111
Общая оцѣнка басенъ Крылова.—*Ю. Айхенвальда* . . 112
Сила басенъ Крылова — въ ихъ художественности.—*В. Сиповскаго* 117
Художественность басенъ Крылова.—*П. Г. Григорьева* . 119
Учительное значеніе Крылова.—*С. Венгерова* . . . 132
Историческое и художественное значеніе басенъ Крылова.—*Н. Г. Григорьева* 133
Западныя вліянія въ творчествѣ Крылова.—*Алексѣя Веселовскаго* 136
Праздникъ въ честь Крылова.— *П. А. Плетнева* . . 138
Некрологъ Крылова 141
Изъ воспоминаній объ Иванѣ Андреевичѣ Крыловѣ.—*И. Быстрова* 143

Книгоиздательское Товарищество „ОРОСЪ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 66, уг. Фонтанки

ВАРШАВА, Новый Свѣтъ, 70.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ 15 ВЫПУСКОВЪ СЕРІИ „КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА“:

№ 1.	Ломоносовъ,	его	жизнь	и	творчество.	Цѣна	— Р.	40 к.
№ 2.	Державинъ,	„	„	„	„	„	— „	50 „
№ 3.	Карамзинъ,	„	„	„	„	„	— „	35 „
№ 4.	Жуковскій,	„	„	„	„	„	— „	95 „
№ 5.	Грибоѣдовъ,	„	„	„	„	„	— „	70 „
№ 6.	Пушкинъ,	„	„	„	„	„	— „	90 „
№ 7.	Лермонтовъ,	„	„	„	„	„	1 „	20 „
№ 8.	Гоголь,	„	„	„	„	„	— „	80 „
№ 9.	Крыловъ,	„	„	„	„	„	— „	35 „
№ 10.	Тургеневъ,	„	„	„	„	„	— „	80 „
№ 11.	Гончаровъ,	„	„	„	„	„	1 „	— „
№ 12.	Достоевскій,	„	„	„	„	„	— „	90 „
№ 13.	Островскій,	„	„	„	„	„	— „	80 „
№ 14.	Ал. Толстой,	„	„	„	„	„	— „	45 „
№ 15.	Левъ Толстой,	„	„	„	„	„	1 „	10 „

Подробный каталогъ Книгоиздательскаго Т-ва „Оросъ“ высылается по первому требованію.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

Поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества.

С.-Петербургъ: 1) Гостиный Дворъ, 18. 2) Невскій пр., 13.

Москва: 1) Кузнецкій Мостъ, 12. 2) Моховая ул., 22

и у Акц. О-ва Типографск. Дѣла въ С.-Петербургѣ, 7 Рота, 26.

